

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Printed in Russia.

Digitized by Google

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НОВАГО ВРЕМЕНИ

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

813

СОСТАВИЛЪ

Д. МОРДОВЦЕВЪ

ЖЕНЩИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. ЧЕРКЕСОВА и К°.

1874.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
632122 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1932 L

Типографія Тривке и Фюсно, Максиміліановскій пер., № 15.

Аннѣ Никаноровнѣ Мордовцевой,
Вѣрѣ Даниловнѣ Мордовцевой,
Натальѣ Іосифовнѣ Первольфѣ,

съ любовью посвящаетъ
мужъ, отецъ и дѣдушка — авторъ.

R.O.B.C. OCT 2 1932

100-100-100

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	ix—xii.
I. Елизавета Петровна	1
II. Наталья Лопухина	35
III. Екатерина Княжнина	58
IV. Александра Ржевская	69
V. Екатерина II	76
VI. Марья Савишна Перекусихина	109
VII. Княгиня Дашкова	119
VIII. «Литературныя дочери Ломоносова и Сумарокова»: Вельяшева-Волынцева, Зубова, Храповицкая и Хераскова	160
IX. Первые русскія переводчицы: княгиня Меншикова, г-жа Макарова, двѣица Орлова, княгиня Голицына и княжны Волконскія. 176	176
X. «Салтычиха».	185
XI. Княжна Тараканова.	195
XII. Княжна Тараканова-самозванца	206
XIII. Баронесса Корфъ	273
XIV. Глафира Ржевская	286
XV. Екатерина Нелидова	302

Историческая русская женщина второй половины восемнадцатаго вѣка едвали не болѣе чѣмъ какая-либо другая отражаетъ въ себѣ наиболѣе существенныя стороны всей нашей исторической — государственной и общественной — жизни: выступавшія на историческую и общественную арену, въ это именно полустолѣтіе, женщины, ихъ нравственная фizioномія, ихъ дѣятельность, ихъ стремленія и задушевныя симпатіи, ихъ, наконецъ, личныя добродѣтели и пороки ярко и отчетливо, какъ гулкое эхо, выражаютъ все то, чѣмъ жила, крѣпла, прославлялась, скорбѣла и болѣла русская земля за это же полустолѣтіе.

Дѣйствительно, почти каждая женщина, такъ или иначе выдвигавшаяся изъ ряда личностей, не замѣчаемыхъ и не сохраняемыхъ исторіею, является такимъ, хорошо отполированнымъ, историческимъ рефракторомъ, въ которомъ можно видѣть если не всю современную ей эпоху, то, по малой мѣрѣ, самыя характеристическія ея стороны, потребности, стремленія.

Въ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, стоящей на рубежѣ двухъ половинъ восемнадцатаго столѣтія, мы видимъ какъ-бы отраженіе и ея великаго родителя, показывающаго русской землѣ на западъ и на добрые плоды его цивилизаціи, и тѣхъ осторожныхъ русскихъ людей, которые казались смѣшными, защищая свои бороды и свои боярскіе охабни, но которые, когда увлеченіе западомъ нѣсколько поулеглось, показали, что, не отвергая пользы и необходимости западной цивилизаціи, нельзя въ то же время не дорожить и русскою бородою, какъ выраженіемъ отчасти русскаго національнаго облика, и русскимъ зицуномъ, какъ историческимъ одѣяніемъ русскаго народа, и русскою рѣчью, и русскою пѣсней, какъ неотъемлемымъ историческимъ достояніемъ того же народа.

Къ этому-то народу и обращено было отчасти лицо Елизаветы Петровны, какъ обратилось тогда къ русскому народу лицо всей почти русской интеллигенціи, начиная отъ Ломоносова и Сумарокова и кончая ихъ ученицами и дочерьми.

Въ этихъ ученицахъ и дочеряхъ Ломоносова и Сумарокова, въ Княжнинной и Ржевской, мы видимъ уже разумную оцѣнку русской рѣчи и сознание права на литературное существованіе этой рѣчи.

Едвали не ученицею и послѣдовательницею Елизаветы Петровны, равно какъ ученицею и послѣдовательницею Ломоносова и Сумарокова, по

отношенію къ удовлетворенію требованій русскаго національнаго чувства, является и массивная личность Екатерины II: она только геніально продолжаетъ то, что начали раньше ея; при ней русская литературная рѣчь пріобрѣтаетъ вѣсъ и почетъ въ обществѣ, какъ русское имя пріобрѣтаетъ вѣсъ и почетъ въ Европѣ въ лицѣ княгини Дашковой.

Рядомъ съ Екатериной и идетъ эта именно Дашкова, русская женщина, съ честью носившая мундиръ президента академіи наукъ.

За ними слѣдуютъ женщины-писательницы: это было требованіе вѣка, требованіе двора, требованіе общества.

Несчастливая «Салтычиха» выражаетъ собою ту болѣзненную сторону русской жизни, которой излеченіе совершилось только въ наше столѣтіе и въ которой ни Салтычиха, ни подобная же ей г-жа фонъ-Эттингеръ такъ же не повинны, какъ не повинна княжна Тараканова въ томъ, за что она должна была кончить жизнь въ монастырскомъ уединеніи.

Другая княжна Тараканова, самозванка — это отчасти отраженіе польской интриги, вызванной паденіемъ этой исторически неудавшейся державы.

Въ Глафирѣ Ржевской и Екатеринѣ Нелидовой, заканчивающихъ собою восемнадцатый вѣкъ, мы видимъ уже новое явленіе, переходящее и въ девятнадцатый вѣкъ, — это появленіе на Руси, въ

разныхъ видахъ и съ безконечно разнообразною нравственною физиономіею, историческаго типа институтки, смолянки, монастырки, которыя имѣють свою, полную содержанія, исторію.

Насколько удалось намъ въ настоящихъ біографическихъ очеркахъ по-возможности выяснить хотя часть того, что выразила собою русская женщина второй половины восемнадцатаго столѣтія, предоставляемъ судить любознательному и снисходительному читателю.

I.

Императрица Елизавета Петровна.

Мы уже познакомились съ печальной судьбою старшей и любимѣйшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны, герцогини голштинской.

Иная участь ожидала ея младшую сестру, цесаревну Елизавету Петровну.

Рожденная въ годъ полтавской побѣды, въ годъ перваго и полнаго торжества Россіи, оплатившей своимъ учителямъ-нѣмцамъ за ту зависть и то недоброжелательство, съ которыми они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій старались загородить отъ русскаго народа западъ и его цивилизацію, — эта дочь преобразователя Россіи пережила всю первую половину прошлаго столѣтія, видѣла и вторженіе въ русскую землю, вмѣстѣ съ новыми порядками, западныхъ хищниковъ, то въ видѣ разныхъ «иноземога» и «иноземцевъ», эксплуатировавшихъ все, что поддавалось ихъ эксплуатаціи, то въ видѣ временщиковъ и временщицъ, подъ пятою которыхъ окончательно умерла старая русская земская дума, загнанная подъ эту пяту перерядившимъ ее въ нѣмецкій кафтанъ и обрившимъ ее Петромъ, который не замѣтилъ, что съ отрѣзаніемъ бороды у русской земской думы, какъ у обстриженнаго библейскаго Самсона, пропала вся богатырская сила, — видѣла и биров-

щину, и лестоковщину, и остермановщину, и дожила наконецъ до той поры, когда со второй половины прошлаго вѣка ошеломленная новизною Русь нѣсколько одумалась, нѣсколько отростила свою бороду и снова какъ-бы начала учиться и говорить и дѣйствовать по-русски, но только нѣсколько иначе, по-новому.

Однимъ словомъ, Елизавета Петровна съ спутниками своими, какъ Мавра Шепелева и другія женщины, стоитъ на рубежѣ двухъ половинъ прошлаго вѣка, всѣмъ своимъ прошедшимъ принадлежа первой, а нѣкоторыми проявленіями своей жизни и жизни ея окружавшихъ послѣдней половинѣ.

Когда умеръ Петръ, цесаревнѣ Елизаветѣ не было еще и шестнадцати лѣтъ. Со смертью матери, императрицы Екатерины I, осмнадцатилѣтняя цесаревна осталась круглой сиротой.

На престолѣ былъ ея племянникъ, Петръ II, юноша, котораго, словно стѣною, отдѣляли отъ цесаревны-тетки его фавориты. Племянница ея, сестра императора, цесаревна Наталья Алексѣевна, была также слишкомъ молода, чтобы быть другомъ и поддержкой Елизаветы Петровны. Бабушка императора, царица Авдотья Федоровна, естественно должна была не любить дочь той женщины, которая, хотя и не по своей воли, отняла у нея мужа и могла считаться виновницею ея заточенія и даже злополучной кончины ея сына, цесаревича Алексѣя. Другія царевны, дочери царя Ивана Алексѣевича, были совершенно въ сторонѣ и опять-таки чужды Елизаветѣ Петровнѣ. Во всей царской семьѣ она казалась чужою, а когда пошелъ въ ссылку съ своими дѣтьми Меншиковъ, другъ ея отца, цесаревна потеряла уваженіе даже придворныхъ и сановниковъ, какъ личность одинокая, безсильная, неимѣющая будущаго.

Былъ у нея женихъ, голштинскій принцъ Карлъ-Августъ, епископъ любскій, но и тотъ умеръ почти одновременно съ матерью цесаревны, Екатериною I.

Сестра ея, Анна Петровна, тоже по смерти матери оставила Россію вмѣстѣ съ мужемъ — и томилаcь не радостною жизнью въ Киль. Въ этотъ Киль уѣхалъ и единственный другъ Елизаветы Петровны, дѣвица Мавра Шепелева: переписка съ этой послѣдней и составляла единственное ея утѣшеніе.

Одно время молодая цесаревна явилась-было во всей императорской семьѣ звѣздою первой величины; но это было не надолго. Остерманъ, какъ умный нѣмецъ, въ видахъ политическихъ и придворныхъ, хотѣлъ-было устроить чисто нѣмецкій бракъ: онъ задался мыслью, что было бы полезно соединить потомство Петра Великаго въ одну линію, чтобы пресѣченіемъ враждебныхъ одна другой вѣтвей этой линіи изъавить Россію отъ опаснаго соперничества между собою двухъ родовъ, какъ оно въ дѣйствительности и было, и единственнымъ средствомъ для этого онъ находилъ женитьбу молодаго императора на своей теткѣ, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Не въ мѣру глубокомысленная выдумка повидимому удавалась: молодой императоръ страстно привязался къ своей теткѣ-красавицѣ; между теткой и племянникомъ установились на нѣкоторое время самыя близкія, самыя короткія отношенія. Любовь императора къ Елизаветѣ Петровнѣ сначала старались поддержать и Долгорукіе, самыя близкія къ молодому государю лица. Они имѣли тутъ свой расчетъ. На юнаго императора оказывала большое вліяніе старшая его сестра Наталья Алексѣевна. Такъ мы видѣли, что когда Мейшиковъ вздумалъ-было женить его на своей дочери, ребенокъ императоръ на колѣняхъ умолялъ сестру не женить его, обѣщая ей даже подарить самую дорогую для него вещь — часы. Этого вліянія Натальи Алексѣевны боялись Долгорукіе, всецѣло завладѣвшіе волею молодаго государя. Противовѣсомъ для Натальи Алексѣевны они избрали сначала цесаревну Елизавету Петровну, и мальчикъ окончательно былъ

побѣжденъ красотою и ласками своей тетки: очарованный ея прелестями, Петръ II, говорятъ, предался своей страсти со всеѣмъ пыломъ молодости, не скрывалъ своей любви даже въ многолюдныхъ собраніяхъ и безусловно слѣдовалъ ея внушеніямъ.

Долгорукіе испугались: они не думали, что такъ далеко зайдетъ сближеніе племянника съ теткою, и постарались удалить Елизавету Петровну, выставивъ для молодого государя предметъ новой привязанности—красавицу Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру царскаго фаворита, и тѣмъ, какъ мы видѣли, погубили бѣдную дѣвушку, сдѣлавшуюся жертвою этихъ придворныхъ комбинацій и невозможныхъ брачныхъ амальгамированій.

Для удаленія Елизаветы Петровны Долгорукіе выдумали соединить ее бракомъ съ принцемъ Морицемъ саксонскимъ, котораго домогательство на Курляндію тянулось уже лѣтъ пять.

Но и эта комбинація не удалась, и Елизавета Петровна перестала быть страшною для Долгорукихъ: она своимъ собственнымъ легкомысліемъ разрушила свою силу — Петръ II пересталъ ее любить.

Елизавета Петровна поселилась въ Москвѣ, въ слободѣ Покровской, а потомъ жила нѣкоторое время то въ Переяславль-Залѣскомъ, то въ Александровской слободѣ, что нынѣ городъ Александровъ. Она жила до крайности просто и скромно, и, по своей живой и впечатлительной природѣ, вся отдавалась удовольствіямъ, какія только могли ей представиться. Дворъ ея и въ Переяславль-Залѣскомъ, и въ Александровской слободѣ, и въ селѣ Покровскомъ составляли весьма немногіе и далеко незнатные люди; она не имѣла никакой уже силы при дворѣ, не была ни для кого опасна, да притомъ же по своей безпечности и не любила заниматься никакими политическими дѣлами. Она, повидимому, оставалась совершенно довольна своею скромною долей, и, какъ дочь Петра, «черно-

рабочаго царя», сама слилась съ народомъ своею жизнью и своими привычками.

Въ селѣ Покровскомъ цесаревна сошлась съ простыми слобожанами, игрывала съ слободскими дѣвушками, водила съ ними даже обыкновенные русскіе хороводы въ лѣтніе вечера, сама пѣвала въ этихъ хороводахъ русскія пѣсни, и мало того — даже сочиняла хороводныя пѣсни въ чисто народномъ стилѣ и характерѣ.

Елизаветѣ Петровнѣ приписываютъ извѣстную пѣсню:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Середь улицы большой,
Расплясались, разыгрались
Красны дѣвки межъ собой.

Это была дѣйствительно дочь «Петра-плотника», и за то полюбилъ ее народъ.

Но такая популярность цесаревны не могла нравиться при дворѣ Анны Ивановны. Несмотря на совершенную неприкосновенность цесаревны къ придворнымъ интригамъ, ея боялись, потому что помнили духовное завѣщаніе ея матери, Екатерины I, по которому значилось, что если императоръ Петръ II умретъ бездѣтнымъ, то русскую корону должна получить одна изъ цесаревнъ. Въ этихъ опасеніяхъ дворъ учредилъ за цесаревной тайный надзоръ, и хотя таинственные соглядатаи ничего не могли донести на цесаревну компрометирующаго ее въ политическомъ отношеніи, кромѣ только одного хорошаго, что ее любитъ народъ и что она сочиняетъ и поетъ съ дѣвушками народныя пѣсни, однако и этого было достаточно, чтобы перевести ее поближе ко двору, ближе къ центру надзора — въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ цесаревнѣ отвели особое помѣщеніе, въ такъ-называемомъ Смольномъ, которое находилось въ концѣ Воскресенской улицы.

Въ Петербургѣ Елизавета Петровна снова начала являться при дворѣ, и къ этому времени относятся нѣкоторыя любопытныя о ней извѣстія, сообщаемыя знакомою уже намъ женою англійскаго резидента, леди Рондо.

Вотъ что она говоритъ о ея наружности:

«Принцесса Елизавета, которая, какъ вамъ извѣстно, дочь Петра I, — красавица. Она очень бѣла. У нея не слишкомъ темные волосы, большіе и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошепкій ротъ. Она расположена къ полнотѣ, но очень мила, и танцуетъ такъ хорошо, какъ я еще никогда не видывала. Она говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, чрезвычайно веселаго характера, вообще разговариваетъ и обходится со всѣми вѣжливо, но ненавидитъ придворныя церемоніи.»

Любопытно при-этомъ сравнить отзывы другихъ современниковъ, видѣвшихъ Елизавету Петровну въ разное время.

«Княжна эта - - говоритъ французскій посланникъ Ла-Ви, видѣвшій цесаревну еще въ 1719-мъ году — прелестна, очень стройна и могла бы считаться совершенной красавицей, еслибъ цвѣтъ ея волосъ не былъ немного рыжеватъ, что, впрочемъ, можетъ измѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна.»

«Великая княжна бѣлокура и очень нѣжна - - говоритъ о ней Берхгольцъ, въ 1721-мъ году: - - лицо у нея, какъ и у старшей сестры, чрезвычайно доброе и пріятное; руки прекрасны.»

«Принцесса Елизавета такая красавица, какихъ я рѣдко видѣлъ, - - говоритъ Дюкъ-де-Лирія, въ 1728-мъ году: - - у нея удивительный цвѣтъ лица, прекрасные глаза и ротъ, превосходная шея и несравненный станъ. Она высокаго роста, чрезвычайно жива, хорошо танцуетъ и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Она не лишена ума, граціозна и очень кокетлива; но фальшива, честолюбива и имѣетъ слишкомъ нѣжное сердце. Петръ II былъ нѣ-

которое время влюбленъ въ нее и, кажется, намѣревался даже жениться; но дурное поведеніе принцессы скоро отдалило отъ нея молодого императора. Она влюбилась въ человѣка низкаго происхожденія и ни отъ кого не скрывала своихъ чувствъ къ нему. Можно думать, что она пойдетъ по слѣдамъ своей матери.»

Впослѣдствіи, когда она была уже императрицею, фельдмаршалъ графъ Минихъ такъ описываетъ ея наружность: «императрица Елизавета обладала прекрасною наружностью и рѣдкими душевными качествами. Она имѣла необыкновенно живой характеръ, была очень стройна и хороша собою, смѣла на лошади и на водѣ и, несмотря на свою полноту, ходила такъ скоро, что всѣ вообще, а дамы въ особенности, едва могли за нею поспѣвать.»

Уже въ 1744-мъ году, когда Елизаветѣ Петровнѣ было тридцать пять лѣтъ, Екатерина II, въ то время еще великая княжна, описывая бывшій при дворѣ маскарадъ, въ которомъ, по приказанію Елизаветы Петровны, мужчины явились въ дамскихъ костюмахъ, а женщины — въ мужскихъ, говоритъ: «Изъ всѣхъ дамъ, мужской костюмъ шелъ вполнѣ только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дородности, она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги удивительно стройна. Ея величество отлично танцевала, и во всякомъ нарядѣ, мужскомъ и женскомъ, умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь.»

Замѣчательнъ отзывъ о ней китайскаго посланника, бывшаго въ Москвѣ въ 1733-мъ году. Когда императрица спросила его, во время бала, которую изъ присутствующихъ дамъ онъ считаетъ

самую красивою, то онъ отвѣчалъ: «въ звѣздную ночь трудно сказать, которая самая блестящая изъ звѣздъ». Но, видя, что императрица ожидаетъ отъ него болѣе опредѣленнаго отвѣта, онъ, поклонившись Елизаветѣ Петровнѣ, добавилъ: «среди такого множества красивыхъ дамъ, я считаю ее самую красивою, и если бы у нея не были такіе большіе глаза, то никто не остался бы въ живыхъ, увидѣвъ ее.» Но именно глаза-то у Елизаветы Петровны и были великолѣпны.

Въ письмѣ къ своей пріятельницѣ леди Рондо дѣлаетъ мѣткую характеристику этой цесаревны. «Вамъ говорятъ -- пишетъ она -- что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она иногда дѣлаетъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и вы тотчасъ же воспецаете: умна ли она? есть ли въ ней великодушіе? какъ она отзывается о той, которая занимаетъ престолъ? Вамъ кажется, что легко отвѣчать на всѣ эти вопросы, но у меня нѣтъ вашей проницательности. Принцесса дѣлаетъ мнѣ честь, принимая мои частые визиты и иногда даже посылаетъ за мной; говоря откровенно; я ее уважаю и сердце мое чувствуетъ къ ней привязанность; съ своей же стороны она смотритъ на мои посѣщенія какъ на удовольствіе, а не какъ на церемонію. Своимъ привѣтливимъ и кроткимъ обращеніемъ она нечувствительно внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе. Въ обществѣ она выказываетъ непритворную веселость и нѣкоторый родъ насмѣшливости, которая, повидимому, занимаетъ весь умъ ея; но въ частной жизни она говоритъ такъ умно и разсуждаетъ такъ основательно, что все прочее въ ея поведеніи есть, безъ сомнѣнія, ничто иное, какъ притворство. Она, однако, кажется искреннею. Я говорю «кажется», потому что никто не можетъ читать въ ея сердцѣ. Однимъ словомъ, она — милое созданіе, и хотя я нахожу, что въ настоящее время престолъ занять достойною особою, но нельзя не желать, чтобы впослѣдствіи онъ перешелъ къ ней.»

Въ описываемое время доходы Елизаветы Петровны, вмѣстѣ съ тѣмъ, что она получала съ своихъ собственныхъ имѣній, простирались до 40,000 р. въ годъ. Въ регентство же Бирона ей было назначено ежегодное содержаніе отъ казны въ пятьдесятъ тысячъ рублей. Но, привышая къ роскоши, любя наряды и удовольствія, цесаревна постоянно нуждалась въ деньгахъ и занимала вездѣ, гдѣ только могла достать.

Между тѣмъ за этой любезной и всѣмъ нравившейся цесаревной постоянно укрѣплялась популярность, но уже болѣе опасная, чѣмъ приобретенная ею крестьянская популярность въ селѣ Покровскомъ: она становилась популярною въ сердцѣ тогдашняго Петербурга, въ русской гвардіи, которая около этого времени начинала играть у насъ роль древне-римской гвардіи — давать престолъ тому, кому она захочетъ.

Въ это же время цесаревна должна была пережить и тяжелую эпоху своей первой страсти — это любовь ея къ Шубину.

Это тотъ Шубинъ, о которомъ, какъ мы видѣли, княжна Юсупова, впоследствии инокиня Прокла, на допросѣ въ тайной канцеляріи говорила: «Что-де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою-де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ-де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ-де еще въ монастырь не была я прислана, то-де оный Шубинъ посланъ въ ссылку, и эти слова я говорила такъ, за-просто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ...»

Шубинъ былъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, молодой дворянинъ незнатнаго рода, но ловкій, рѣшительный, энергическій. Красота его, безъ сомнѣнія, была поразительна, если мы находимъ не мало отзывовъ объ этомъ предметѣ, отзывовъ, безусловно подтверждающихъ обще-составившееся мнѣніе о красотѣ Шубина.

Цесаревна привязалась къ нему со всѣмъ пыломъ страсти. Она взяла его къ себѣ во дворъ, въ свою маленькую свиту и сдѣлала его ѣздовымъ. Она дѣйствительно любила его и думала соединить свою судьбу съ его судьбою — она рѣшилась на бракъ съ своимъ возлюбленнымъ.

Сохранились даже стихи, которые влюбленная цесаревна писала по вдохновенію страсти, и эти стихи обращены, какъ водится, къ предмету ея привязанности.

Одну строфу изъ этихъ стиховъ Бантышъ-Каменскій приводитъ въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей». Вотъ она:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легче бъ ты не знати, нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ.

Шубинъ былъ любимъ гвардейцами, какъ солдатами, такъ и офицерами, и это еще болѣе усиливало популярность цесаревны въ войскѣ. Черезъ Шубина Елизавета Петровна сблизилась съ гвардіей больше, чѣмъ съ покровскими и александровскими слобожанами и переяславскими посадскими и ямскими людьми. У гвардейцевъ, по старому рускому обычаю, она крестила дѣтей, бывала на ихъ свадьбахъ. Какъ нѣкогда стрѣльцы за царевну Софью Алексѣевну, гвардейцы готовы были головы сложить за свою обожаемую красавицу-цесаревну: и здѣсь, какъ и тамъ, помогали сближеніе, обходительность, ласковость съ солдатами умной и доброй дѣвушки. Какъ тамъ Василій Васильевичъ Голицынъ, «братецъ свѣтъ Васинька», увеличивалъ популярность между стрѣльцами Софьи Алексѣевны, такъ здѣсь Шубинъ поднималъ Елизавету Петровну въ глазахъ войска, которое еще продолжало чувствовать, что оно оставалось войскомъ ея отца, «солдатскаго

батюшки-царя». По русскому обычаю, всякій солдатъ имянинникъ сталъ свободно приходить къ своей цесаревнѣ, къ своей «матушкѣ», и приносилъ ей, по-просту, имянинного пирога; а ласковая цесаревна подносила ему чарку анисовки и сама выпивала за здоровье имянинника. Матушка-цесаревна съѣла въ сердцѣ каждаго солдата; а тутъ и Шубинъ съ своей стороны нашептывалъ, что дочь-де она Петра Великаго, да сидитъ въ сиротствѣ, и солдатики уже проговаривались, что Петровой-де дочери «не сиротой плакаться», а сидѣть бы ей на отцовскомъ престолѣ.

Такое состояніе умовъ въ гвардіи не могло не сдѣлаться извѣстнымъ двору, и Шубинъ былъ схваченъ. Въмѣсто брачнаго вѣнца, которымъ онъ мечталъ завершить свою любовь къ цесаревнѣ, на смѣлаго гвардейца надѣли оковы и посадили въ «каменный мѣшокъ» — особый родъ тѣснаго одиночнаго заключенія, въ которомъ нельзя ни лечь, ни сѣсть.

Шубина, мечтавшаго быть женихомъ цесаревны, ждала Камчатка. Мало того — его ждала и невѣста: въ поруганіе надъ дерзкимъ мечтателемъ, его насильно женили на камчадалкѣ.

Шубинъ лишился даже своего имени: когда его ссылали, то имя его не было объявлено, ради большей тайны; ему же самому запрещено было подъ страхомъ смертной казни называть себя кому бы то ни было.

Первая любовь цесаревны была потеряна для нея навѣки.

Но молодая дѣвушка естественно должна была искать привязанности, утѣшенія въ новомъ чувствѣ — и привязанность эта была перенесена на Разумовскаго, никому дотолѣ невѣдомаго придворнаго пѣвчаго.

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ однимъ изъ тѣхъ баловней счастья, которыхъ умѣло создать, кажется, одно лишь XVIII-ое столѣтіе: Екатерина I, Монсы, Меншиковы, Потемкинъ,

Ломоносовъ, Разумовскій — это какіе-то волшебные лица, изъ невѣдомыхъ селъ и жалкихъ избушекъ восходившіе до престола, до обладанія почти цѣлой Россіей если не въ правительственныхъ, то въ другихъ сферахъ. Если когда-либо былъ въ Греціи вѣкъ героическій, вѣкъ полубоговъ, то такой вѣкъ былъ и въ Россіи: этотъ вѣкъ иначе нельзя охарактеризовать, какъ вѣкомъ поразительныхъ контрастовъ.

Разумовскій былъ ровесникъ цесаревны Елизаветы Петровны. Родился онъ гдѣ-то въ глухомъ уголкѣ Черниговской губерніи, въ селѣ Лемешахъ, въ десяти верстахъ отъ Козельца, и былъ сынъ простаго малороссійскаго казака Грицька Розума. Родное село Розума состояло изъ нѣсколькихъ казацкихъ хатокъ и нѣсколькихъ десятковъ жителей: тутъ-то росъ будущій графъ Разумовскій, будущая звѣзда русскихъ сановниковъ, будущій супругъ императрицы Елизаветы Петровны и отецъ злополучной княжны Августы Таракановой.

У маленькаго Алексѣя Розума былъ хорошій голосъ — отличительная черта малоруссовъ до настоящаго времени, и будущій графъ пѣлъ на клиросѣ приходской церкви, какъ это до сихъ поръ водится въ Малороссіи, гдѣ все, могущее пѣть, поетъ или на улицѣ, или въ церкви вмѣстѣ съ причетниками.

Въ то время водилось обыкновеніе — для укомплектованія придворнаго пѣвческаго хора посылать за голосами въ Малороссію: такъ изъ Малороссіи вывезенъ былъ уже извѣстный намъ пѣвчій Чайка, о смерти котораго въ Килѣ извѣщала, въ одномъ изъ своихъ писемъ, цесаревну Елизавету Петровну любимица ея «Маврутка» Шенелева. Такъ вывезенъ былъ изъ Малороссіи и Алексѣй Розумъ, котораго случайно нашелъ въ Лемешахъ полковникъ Вишневскій, посланный изъ Петербурга для набора пѣвчихъ: голосъ Алексѣя Розума обратилъ на себя вниманіе Виш-

невскаго, и двадцати-лѣтній казакъ былъ взятъ ко двору. Елизавета Петровна, можетъ быть когда-то замѣчавшая и Чайку, умершаго въ Киль (не даромъ же о смерти его извѣщала цесаревну ея ближайшая наперница), обратила свое вниманіе и на молодого Розума. Цесаревна постаралась перевести его въ свой маленькій штатъ и переименовала его изъ Розума — въ Разумовскаго.

Въ штатѣ Елизаветы Петровны онъ и оставался до самаго восшествія ея на престолъ.

Мы уже знаемъ, какъ, при помощи обожавшей цесаревну гвардіи и нѣкоторыхъ изъ ея друзей, совершилось воцареніе дочери Петра Великаго.

Но обратимся прежде къ ея личнымъ дѣламъ, не какъ государыни, а какъ женщины: для характеристики личности дѣла эти гораздо важнѣе и цѣннѣе, чѣмъ дѣла государственныя, инициатива которыхъ не всегда принадлежитъ царственнымъ лицамъ.

Елизавета Петровна, сдѣлавшись императрицей, не забыла тѣхъ, кого она прежде любила.

Дарью Егоровну Шенелеву, вышедшую замужъ за Шувалова, она сдѣлала своею первою статсъ-дамою.

Вспомнила она и о своей первой молодой привязанности — о ссыльномъ Шубинѣ. Императрица приказала немедленно возвратитъ его изъ Камчатки. Но сосланнаго безъ имени и съ запретомъ подъ угрозою смерти произносить его имя — не легко было найти въ далекой Камчаткѣ. Приходилось разыскивать безыменнаго или переименованнаго арестанта, можетъ быть уже умершаго.

Около двухъ лѣтъ искали несчастнаго — и нашли только въ 1742-мъ году. Посланный для этого офицеръ искрестилъ всю Камчатку, заглядывая во всѣ далекія юрты и жилища захоластья, вездѣ спрашивая ссыльнаго Шубина; но такого нигдѣ не было, по крайней мѣрѣ никто не могъ назвать таковаго ссыльнаго и

никто на имя Шубина не отзывался. Въ одной юртѣ посланный тоже распрашивалъ арестантовъ, не слыхалъ ли кто о Шубинѣ, никто и на это не далъ ему отвѣта — о Шубинѣ не слыхали. Разговаривая съ арестантами, посланный какъ-то упомянулъ имя императрицы Елизаветы Петровны.

— Развѣ Елизавета царствуетъ? - спросилъ одинъ изъ арестантовъ.

— Да вотъ уже другой годъ, какъ Елизавета Петровна воспріяла родительскій престолъ, - - отвѣчала офицеръ.

— Но чѣмъ вы удостовѣрите въ истинѣ? - спросилъ арестантъ.

Офицеръ показалъ свою подорожную и другія бумаги, изъ которыхъ видно было несомнѣнно, что царствуетъ Елизавета Петровна.

— Въ такомъ случаѣ Шубинъ, котораго вы отыскиваете, передъ вами, - - сказалъ арестантъ.

Это и былъ Шубинъ.

Послѣ долгой ссылки онъ прибылъ въ Петербургъ. Государыня, «за невинное претерпѣніе» Шубинымъ многолѣтнихъ мученій одной изъ самыхъ изысканныхъ сибирскихъ ссылокъ, произвела его прямо въ генералъ-майоры и лейбъ-гвардіи семеновскаго полка въ майоры, да кромѣ того пожаловала ему александровскую ленту. Затѣмъ Шубинъ пожалованъ былъ богатыми вотчинами, и въ томъ числѣ ему дали село Работки, на Волгѣ, въ макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, гдѣ теперь часто пристають пароходы, постоянно снующіе по Волгѣ, и гдѣ до сихъ поръ можно услышать отъ мѣстныхъ жителей преданіе объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, о любви ея къ Шубину и о благородномъ характерѣ этого послѣдняго.

Этотъ первый любимецъ Елизаветы Петровны не долго, впрочемъ, оставался при дворѣ, гдѣ его мѣсто уже занято было болѣе

чѣмъ онъ счастливымъ соперникомъ — Разумовскимъ. Притомъ же Камчатка и физически и морально добила Шубина: онъ весь погрузился въ набожность, дошедшую до аскетизма, и въ 1744-мъ году просилъ увольненія отъ службы. Императрица согласилась на удовлетвореніе его просьбы. Прощаясь съ человѣкомъ, который когда-то былъ ей очень дорогъ, она подарила ему драгоценный образъ Спасителя и часть ризы Господней. Священныя сокровища эти до сихъ поръ хранятся въ Работкахъ, въ мѣстной приходской церкви, какъ историческая память о дочери Петра Великаго.

Но обратимся къ отношеніямъ, существовавшимъ между Елизаветой Петровной и Разумовскимъ.

Выше мы замѣтили, что обстоятельства личной, индивидуальной жизни историческихъ дѣятелей бываютъ не менѣе важны, особенно въ отношеніи біографическомъ, государственной и общественной ихъ дѣятельности, дѣятельности, которая не всегда служитъ выраженіемъ личной самодѣятельности, тѣмъ болѣе царственныхъ особъ, а лишь отражаетъ собою общій ходъ дѣлъ, общія потребности страны и времени или же коллективную дѣятельность правительства и общества.

Отчасти этого мнѣнія мы держимся и въ данномъ случаѣ.

Вступивъ на престолъ 25-го ноября 1741-го года, Елизавета Петровна еще болѣе приблизила къ себѣ своего любимца Разумовскаго, сдѣлала его дѣйствительнымъ камергеромъ, затѣмъ оберъ-егермейстеромъ, а при торжествѣ своей коронаціи, 25-го апрѣля 1742-го года, возложила на него андреевскую ленту.

Счастье, такъ сказать, хлынуло потокомъ на любимца императрицы: викарій римской имперіи, курфирстъ саксонскій, возвелъ Разумовскаго въ графы римской имперіи, а Елизавета Петровна, не желая уступить въ щедрости курфирсту, пожаловала своему фавориту графское достоинство россійской имперіи.

Это событіе совершилось въ многознаменательный день для Разумовскаго и для самой императрицы: въ день пожалованія Разумовскаго графомъ россійской имперіи, 15-го іюня 1744-го года, Елизавета Петровна тайно обвинчалась съ своимъ любимцемъ, въ Москвѣ, въ церкви воскресенія въ Барашахъ, что на Покровской улицѣ.

Вънчанье совершенно было формально, и графу Разумовскому вручены были документы, свидѣтельствовавшіе о бракѣ его съ коронованною особою: документы эти онъ хранилъ какъ святыню, пока уже престарѣлымъ старикомъ не пожертвовалъ этой великой для него памятью, чтобы имя его царственной супруги осталось неприкосновеннымъ передъ людскимъ судомъ.

Послѣ брака императрица пожаловала своего супруга званіемъ генераль-фельдмаршала, несмотря на то, что онъ не былъ ни въ одномъ походѣ.

Отъ этого-то брака и родилась принцесса Августа, извѣстная подъ именемъ княжны Таракановой, а умершая подъ именемъ инокини Досифеи.

Первое время послѣ брака графъ Разумовскій жилъ въ одномъ дворцѣ съ императрицей, а потомъ для него выстроенъ былъ особый дворецъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Аничкова.

Казацкая хатка въ селѣ Лемешахъ и царскій дворецъ въ Петербургѣ — все это отдаетъ чѣмъ-то легендарнымъ, мистическимъ.

Но бывшій казачонокъ и лемешкинскій пѣвчій умѣлъ держать себя на новой высотѣ своего положенія: хотя всѣмъ были извѣстны отношенія его къ императрицѣ, однако онъ имѣлъ столько такта и деликатности, что старался скрывать это и спасать отъ несправедливыхъ толковъ имя своей царственной супруги. Честный и мягкій по природѣ, онъ не загордился, не забылся на своей недостигаемой высотѣ, а былъ со всѣми ласковъ, услужливъ, пред-

упредителенъ, не то что, напримѣръ, Биронъ. Съ своими громадными богатствами онъ постоянно дѣлалъ добро и тѣмъ вызывалъ новую и болѣе задушевную привязанность [подданныхъ] къ императрицѣ, передъ которой онъ былъ первый ходатай за всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ и притѣсняемыхъ. Если онъ узнавалъ, что кто-нибудь изъ достойныхъ участія, но совѣстливыхъ людей нуждался въ деньгахъ, онъ приглашалъ его къ себѣ на банкъ и съ умысломъ проигрывалъ ему сумму, въ которой тотъ нуждался или которая могла спасти несчастнаго.

Но излишняя страсть къ вину и хмельное казацкое поведеніе нѣсколько охладили къ нему привязанность императрицы.

Любимцемъ Елизаветы Петровны, весьма впрочемъ на короткое время, сдѣлался Никита Афонасьевичъ Бекетовъ. Но это былъ метеоръ, который скоро исчезъ изъ глазъ и изъ памяти Елизаветы Петровны.

Въ 1750-мъ году Бекетовъ былъ еще кадетомъ сухопутнаго корпуса. Онъ былъ очень красивъ и ловокъ. Начальникъ кадетскаго корпуса, князь Юсуповъ, завелъ тамъ театральныя представленія, и кадеты разыгрывали трагедіи Вольтера и Сумарокова, а всѣхъ больше плѣнялъ собою кадетъ Бекетовъ. Извѣстный актеръ Волковъ, основатель русскаго театра, говорилъ однажды знаменитому Н. А. Дмитревскому — трагику: «увидя Бекетова въ роли Синава, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ я былъ — на землѣ или на небесахъ; тутъ во мнѣ родилась мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ». Это и былъ первый русскій театръ. Елизавета Петровна, узнавъ о достоинствѣ кадетской труппы, приказала играть актерамъ при дворѣ, и такъ ихъ полюбила, что театръ изъ дворцовой залы переведенъ былъ во [внутреннія ея покои. Императрица забавлялась костюмировкой актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды и убирала ихъ своими драгоцен-

ными камнями. Однажды она увидѣла на сценѣ спящаго Бекетова, и такъ имъ плѣнилась, что въ ту же минуту приказала играть музыкѣ, не опуская занавѣса, а послѣ спектакля пожаловала молодого кадета сержантомъ. Такъ рассказываетъ Бантышъ-Каменскій. Съ этого времени началось счастье для Бекетова: современники говорили, что ему «счастье во снѣ пришло». Начались великія милости императрицы: внѣ театра на Бекетовѣ появились драгоценныя брильянтовыя застѣжки, перстни, часы, дорогія кружева и все необходимое для комфорта. Вскорѣ получилъ онъ чинъ подпоручика, произведенъ въ армію премьеръ-майоромъ, назначенъ «генеральсъ-адъютантомъ» къ графу Разумовскому и немедленно потомъ произведенъ въ полковники, несмотря на то, что только шесть мѣсяцевъ назадъ былъ кадетомъ.

Разумовскій, впрочемъ, не боялся потерять милость императрицы, не ревновалъ ее ни къ кому, а напротивъ самъ приставилъ къ Бекетову въ помощь И. П. Елагина, жена котораго при императрицѣ была одною изъ самыхъ довѣренныхъ камеръ-фрау. Она-то и доставляла двадцатидвухлѣтнему Бекетову деньги на наряды и прочее. При дворѣ со дня на день ожидали паденія фаворита императрицы, всесильнаго Ив. Ив. Шувалова. Разумовскій покровительствовалъ Бекетову особенно для обезсиленія графовъ Шуваловыхъ, съ коими былъ не въ ладахъ; но Шуваловы перехитрили: П. Ив. Шуваловъ, вкравшись въ довѣріе Бекетова, далъ ему притиранье, которое, вмѣсто бѣлизны, навело угри и сыпь на лицо его. Тогда жена графа, извѣстная намъ Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, пользовавшаяся особою любовью императрицы еще до вступленія ея на престолъ, посоветовала государынѣ удалить Бекетова, какъ человѣка подозрительной нравственности, развратнаго и зараженнаго, — и Бекетовъ удалился. Императрица, уѣхавъ на нѣсколько дней изъ Царскаго Села въ Петергофъ, при-

казала Бекетову оставаться въ Царскомъ Селѣ подѣ предлогомъ болѣзни. Онъ, пораженный горемъ, съ отчаянія впалъ въ горячку и едва не лишился жизни. По выздоровленіи онъ снова явился ко двору, но прежней милости уже не было, и онъ долженъ былъ удалиться отъ двора навсегда.

Какъ бы то ни было, но охлажденіе императрицы къ графу Разумовскому не лишило его окончательно расположенія царственной супруги, и Елизавета Петровна до конца своей жизни сохранила къ нему должную благосклонность.

Похоронивъ, впоследствии, свою коронованную супругу и состарившись, графъ Разумовскій глубоко чтить ея память.

Разсказываютъ, что вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II Григорій Григорьевичъ Орловъ, стремившійся занять положеніе, подобное положенію Разумовскаго, сказалъ императрицѣ, что бракъ Елизаветы, о которомъ пишутъ иностранцы, дѣйствительно былъ совершенъ, и у Разумовскаго есть письменныя на то доказательства. На другой день Екатерина велѣла графу Воронцову написать указъ о дарованіи Разумовскому, какъ супругу покойной императрицы, титула императорскаго высочества и проектъ указа показать Разумовскому, но попросить его, чтобъ онъ предварительно показалъ бумаги, удостоверяющія въ дѣйствительности событія.

Такое приказаніе - - разсказывалъ впоследствии графъ С.С. Уваровъ - - Воронцовъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ, и на лицѣ его изображалась готовность высказать свое мнѣніе; но Екатерина, какъ-бы не замѣчая этого, подтвердила серьезно приказаніе и, поклонившись благосклонно, съ свойственною ей улыбкою благоволенія, вышла, оставя Воронцова въ совершенномъ недоумѣніи. Онъ, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поѣхалъ къ себѣ, написалъ проектъ указа и отпра-

*

вился съ нимъ къ Разумовскому, котораго засталъ сидящимъ въ креслахъ у горящаго камина и читающимъ священное писаніе.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, между разговоромъ, Воронцовъ объявилъ Разумовскому истинную причину своего пріѣзда; послѣдній потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ, развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ молчаніемъ и вниманіемъ.

Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, возвелъ глаза, орошенные слезами, къ образамъ, перекрестился и, возвратясь съ примѣтнымъ волненіемъ души къ камину, у котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, помолчавъ еще нѣсколько, сказалъ:

«Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не бывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ былъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать миллионовъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслию сблизиться съ ея царственнымъ величіемъ. Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, егоже не преидемъ, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, излитыхъ на меня отъ престола. Еслибы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвен-

ную память монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ, доложите обо всемъ этомъ всемиловѣйшей государынѣ, да продлить милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство! Да останется все происшедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ, что имъ угодно; пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ; но мы не должны быть причиною ихъ толковъ.»

Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ государынѣ и донесъ ей съ подробностью объ исполненіи порученнаго ему. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую онъ поцѣловалъ съ чувствомъ преданности, и вымолвила съ важностью:

«Мы другъ друга понимаемъ: тайнаго брака не существовало, хотя бы то для усыпленія боязливой совѣсти. Шепотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія.»

Разсказъ конечно окрашенъ тономъ стараго романтизма; но онъ сотканъ на исторической основѣ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, освѣтить тѣ стороны жизни и характера Елизаветы Петровны, въ которыхъ она проявлялась какъ женщина, безотносительно къ ея исторической и политической миссіи.

Но судьба предназначала ей стать во главѣ русскаго народа, и потому историческая и политическая миссіа этого послѣдняго должна была до извѣстной степени найти въ Елизаветѣ Петровнѣ своего выразителя и руководителя.

Съ самаго дѣтства, еще при жизни отца, маленькую цесаревну готовили-было къ иному назначенію: Петръ не могъ тогда еще

предполагать, что у него не останется въ живыхъ ни старшаго сына, царевича Алексѣя Петровича, на котораго, впрочемъ, онъ мало возлагалъ надеждъ, ни другаго, любимѣйшаго имъ сына, отъ Екатерины Алексѣевны, балованнаго «Піотрушки» — великаго князя Петра Петровича, котораго ему тоже пришлось похоронить, ни даже старшей его дочери Анны (Анны) Петровны, и что все его потомство сведется на одну младшую дочь, цесаревну Елизавету Петровну, которая и должна будетъ принять въ свои руки отцовское наслѣдіе.

На Елизавету Петровну смотрѣли какъ на будущую невѣсту чужаго государя, и потому ее готовили приспособить къ этой роли.

Петръ думалъ отдать свою младшую дочь за французскаго короля Людовика XV, за того самаго «каралицу», за ту «дитю весьма изрядную образомъ и станомъ», котораго русскій великанъ, во время посѣщенія Парижа, носилъ на рукахъ.

Къ этому велось и образованіе маленькой цесаревны. Современники говорятъ о ея матери, Екатеринѣ Алексѣевнѣ, что, слѣдя за воспитаніемъ Елизаветы, она «только и проситъ о стараніи къ усовершенствованію себя во французскомъ языкѣ, и что есть важныя причины, чтобы она изучила исключительно этотъ языкъ, а не какой другой.»

Мы знаемъ эти причины. Мы знаемъ также, что Петру не привелось выдать своей дочери за французскаго короля.

Впослѣдствіи, когда Петра уже не было въ-живыхъ, не осталось и ни одного изъ его сыновей, и когда русскіе сановники не могли не задумываться надъ вопросомъ, кому же перейдетъ въ руки корона Петра Великаго и не падетъ ли выборъ на которую-либо изъ двухъ цесаревнъ, Девиеръ дѣлаетъ такую характеристику обѣихъ дочерей Петра Великаго по отношенію къ тому, какими бы

онѣ могли бы быть какъ государыни: «цесаревна Анна Петровна умильна собою, и приемна, и умна; да и государыня Елизавета Петровна изрядная, только сердитѣе...»

Цесаревна Елизавета Петровна «сердитѣе» своей старшей сестры — это означало, что она была не въ буквальномъ смыслѣ «сердита», а только живѣе и бойче, чѣмъ мягкая и недолговѣчная Анна Петровна.

Затѣмъ, по смерти этой «умильной и приемной» Анны Петровны, изъ прямыхъ потомковъ Петра остается одна только «сердитая» Елизавета: мать ея умираетъ; на престолъ вступаетъ ея племянникъ, Петръ II, и тоже скоро умираетъ; престолъ переходитъ въ руки другой линіи — и на Елизавету Петровну начинаютъ смотрѣть какъ на претендента къ наслѣдію Петра Великаго, какъ уже на политическую силу, которая стала притомъ выказывать и свою индивидуальность, и свой характеръ.

Вотъ почему въ 1731-мъ году императрица Анна Ивановна приказываетъ Миниху ближайшимъ образомъ наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ Елизаветы Петровны, «понеже-де она, государыня, по ночамъ ѣздитъ и народъ къ ней кричитъ, то чтобъ онъ провѣдалъ, кто къ ней въ домъ ѣздитъ».

«Народъ къ ней кричитъ» — это значило, что на нее уже возлагаются надежды, и возлагаютъ ихъ преимущественно народъ, солдаты, гвардія, однимъ словомъ все то, что считало себя русскимъ, національнымъ и что не могло не видѣть преобладанія надъ собою иноземнаго элемента. Въ Елизаветѣ Петровнѣ видѣли представительницу русскаго элемента, національнаго, даже болѣе — чего-то стараго, допетровскаго, когда иноземнаго духу на Руси еще и въ заводѣ не было. Русскому человѣку могло казаться, что при Елизаветѣ Петровнѣ возможно было совершиться никогда не совершающемуся въ исторіи чуду — это возвращеніе

къ старому, обращеніе рѣки вверхъ противъ теченія, возвратъ къ допетровскому времени, къ прошедшему, какъ извѣстно, никогда, ни для отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, ни для народовъ, ни для государствъ — никогда и нигдѣ не повторяющемуся.

А эти мнимые признаки возврата къ прежнему въ Елизаветѣ Петровнѣ русскій человѣкъ могъ видѣть, какъ ему казалось, во многомъ и во всемъ:

Елизавета Петровна любитъ русскій народъ и съ русскими дѣвушками поетъ хороходныя пѣсни.

Елизавета Петровна креститъ у русскихъ солдатъ дѣтей, и русскій солдатикъ несетъ цесаревнѣ имениннаго пирога, цесаревна потчуетъ его анисовкой и сама выпиваетъ за здоровье солдата.

Елизавета Петровна любитъ русскую церковную службу, церковное пѣніе, и сама поетъ не хуже самаго блистательнаго въ хорѣ дисканта изъ малороссіянъ.

Такъ уже въ 1733—1734-мъ году цесаревна Елизавета Петровна оказываетъ вниманіе пѣвчому Якову Тарасевичу — и объ этомъ доводятъ до свѣдѣнія двора.

Въ 1736-мъ году она, при посредствѣ этого Тарасевича, заводитъ переписку съ малороссійскимъ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Горленкомъ — и Горленко берется къ допросу. Изъ допроса оказывается, что цесаревна, переданной Горленкѣ чрезъ Тарасевича записочкой, проситъ его прискаты для ея хора двухъ «альтистовъ», и записочку свою подписываетъ такъ: «первый дишгантистъ, о которомъ вы сами знаете». Горленка вновь допрашиваютъ, что это значить, и узнаютъ, что цесаревна любитъ церковное пѣніе. Горленко прибавляетъ: «слыхалъ-де отъ пѣвчихъ ея высочества, что изволить она для забавы сама пѣть первымъ дишкантомъ».

Оказывая предпочтительное расположение къ русскому обычаю, къ русской старинѣ и обрядности, цесаревна естественно становится въ разладъ съ господствующимъ направлениемъ, которое, со времени ея отца и особенно со смертью его, принимаетъ определенную форму направленія чисто иноземнаго, нѣмецкаго; а такъ какъ во главѣ тогдашняго правительства преобладаніе клонилось на сторону пѣмцевъ, то само собою разумѣется, что цесаревна становилась въ противорѣчіе и съ нѣмцами, и съ господствующею въ правительствѣ партіею. Это поняли представители иностранныхъ кабинетовъ въ Петербургѣ, преимущественно посланники французскій и шведскій, и начали дѣйствовать въ духѣ направленія Елизаветы Петровны, въ надеждѣ, что она, рано ли, поздно ли, займетъ престолъ отца.

На этихъ комбинаціяхъ Швеція строила свои собственныя выгоды: показывая тайное расположение цесаревнѣ и давая ей понять, что при помощи Швеціи она можетъ занять по праву принадлежащей ей престолъ, шведскій посланникъ въ тоже время ставилъ условіемъ помощи со стороны Швеціи — возвращеніе ей нѣкоторыхъ земель, взятыхъ у нея Россіею въ послѣднія войны Россіи и Швеціи. Хотя цесаревна и не отклоняла отъ себя предлагаемой ей помощи, однако дала почувствовать шведскому посланнику, что на уступку Швеціи русскихъ земель она никогда не согласится, что это было бы равносильно потерѣ ею всякой популярности въ русскомъ народѣ, что русскій народъ никогда не уступитъ Швеціи того, что принадлежитъ ему и по историческому, и по завоевательному праву.

Какъ бы то ни было, Швеція объявила Россіи войну, и въ манифестѣ по этому случаю, между прочимъ, оглашала, что начинаетъ эту войну какъ въ видахъ своихъ государственныхъ интересовъ, такъ и для освобожденія, будто бы, русскаго народа

отъ «несноснаго ига и жестокостей чужеземцевъ», именно — нѣмцевъ.

Какъ ни великодушнымъ казалось это со стороны Швеціи, однако война не принесла шведамъ существенной пользы, въ Россіи же она нѣсколько подорвала и безъ того слабую популярность тогдашняго нѣмецкаго правительства. Съ своей стороны Елизавета Петровна помогала паденію этой популярности, скорѣе кажущейся тѣни ея, тѣмъ, что тайно переводила манифестъ Швеціи о войнѣ и тайно отъ правительства распространяла его между народомъ и войскомъ.

Но едва цесаревна, въ памятную ночь 25-го ноября 1741 года, сказала солдатамъ, чтобы они шли помогать ей, «дочери Петра», занять прародительскій престолъ, солдаты прямо высказались, что за нее, матушку свою цесаревну, они готовы и въ огонь и въ воду, и сейчасъ пойдутъ избивать ея враговъ.

Хотя цесаревна и запретила проливать кровь при низверженіи существовавшаго правительства и крови дѣйствительно не было пролито ни одной капли, однако и восшествіемъ Елизаветы на престолъ ясно обозначалось, что нѣмецкому владычеству въ Россіи наступилъ конецъ, само собою разумѣется на данное время.

Недовольный бироновщиною и остермановщиною народъ громко кричалъ на улицахъ, что онъ перебьетъ всѣхъ нѣмцевъ, и хотя поборниковъ русскихъ началъ, показавшихъ неумѣренное усердіе, и остановили, однако нѣмцы сами поняли, что на-время они должны были сойти со сцены, и они сошли.

Вообще съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны замѣчается поворотъ къ лучшему не только во всѣхъ дѣлахъ правительственныхъ, но и самыя формы, въ которыхъ проявлялись отношенія правительства къ странѣ, становятся много мягче, много человѣчнѣе.

Правда, старое время оставило въ наслѣдство новому не мало такихъ недостатковъ, которые не легко исправляются, однако во всемъ строе государственной, законодательной и общественной дѣятельности замѣчается меньше жесткости и меньше произвола тамъ, гдѣ произволъ господствовалъ вмѣсто закона.

Казни уже перестаютъ быть такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, какимъ они казались прежде. Остаются еще ссылки, плети; но онѣ вызываются смутнымъ положеніемъ дѣлъ, какъ продуктомъ вчерашняго дня, броженіемъ умовъ, неулегшимися еще политическими страстями.

Первыя ссылки въ царствованіе Елизаветы Петровны—это наказаніе тѣхъ изъ верховниковъ-сановниковъ, которые оказались прямыми врагами цесаревны и искали ея гибели: Остерманъ, Головкинъ, Левенвольде,—вотъ кто пошелъ въ ссылку.

Вторыя ссылки въ ея царствованіе—это по заговору Лопухиныхъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ еще былъ обнаруженъ заговоръ въ 1742 году—и заговоръ этотъ вызвалъ новыя ссылки. Въ заговоръ противъ Елизаветы Петровны оказались замѣшанными камеръ-лакей Турчаниновъ, преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Квашнинъ и измайловскаго полка сержантъ Иванъ Сновидовъ.

«Принцъ-де Іоаннъ былъ настоящій наслѣдникъ, а государыня-де императрица Елизавета Петровна не наслѣдница, а сдѣлала-де ее наслѣдницею лейбъ-кампанія за чарку водки. Смотрите-де, братцы, какъ у насъ въ Россіи благополучіе состоитъ не постоянное, и весьма плохо и непорядочно, а не такъ, какъ при третьемъ Іоаннѣ было»,—вотъ что проповѣдывалъ своимъ товарищамъ Турчаниновъ.

Возвратъ къ прежнему, нѣмецкому правительству—руководящая нить этого послѣдняго заговора.

Оттого старая, нѣмецкая партія и не любила ни Елизаветы Петровны, ни гвардіи, помогшей ей вступить на престолъ. Оттого эту гвардію, этихъ лейбъ-кампанейцевъ недовольные и называли «триста-канальями».

Но это недовольство людей партіи было бессильно ослабить тѣ симпатіи, какія встрѣчала императрица въ массѣ населенія и въ духовенствѣ. Последнее видѣло въ ней ревнительницу церкви и ея обрядовъ, а народъ помнилъ только, что она родная дочь Петра и что солдаты называютъ ее «матушкой».

Шаховской рассказываетъ случай, отчасти характеризующій духъ правленія этой императрицы.

Увидѣвъ однажды Шаховскаго, государыня сказала ему: «Чего-де синодъ смотритъ? Я-де была вчерась на освященіи новосдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой-де на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности надлежало быть живо изображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, наподобіе купидоновъ, болваны.»

Шаховской, отчасти выгораживая себя, отчасти объясняя истинное положеніе дѣлъ въ синодѣ, рассказалъ императрицѣ одно дѣло, въ которомъ выказались небрежность и неосновательность синодальныхъ распоряженій.

Дѣло состояло въ томъ, что крестьяне одного села обвиняли увеличеннаго ими монаха въ прямомъ нарушеніи монашескаго обѣта. Доказательства были на-лицо. Но синодъ, подъ вліяніемъ Разумовскаго, всегда оказывавшаго сильное покровительство своимъ малороссіянамъ, духовенству и монахамъ въ особенности, наказалъ крестьянъ за доносъ, а монаха оправдалъ.

Императрица была сильно возмущена этимъ рассказомъ.

— Боже мой! -- говорила она: -- можно ль было мнѣ подумать, чтобъ меня такъ обманывать отважились? Весьма теперь о томъ сожалѣю, да ужъ пособить нечѣмъ!

Самое крупное обвиненіе, которое ей дѣлають иностранцы, это то, что въ послѣдніе годы своего царствованія Елизавета Петровна мало занималась государственными дѣлами. Иностранцы по этому случаю, отчасти конечно изъ неудовольствія на императрицу за отнятіе у нихъ преобладанія въ Россіи, рассказывали о ней множество такихъ вещей, которыя безъ строгой критики едвали могутъ быть принимаемы на вѣру. Какъ бы то ни было, иностранные писатели утверждаютъ, что усыпляемая Шуваловыми и ихъ клеветами императрица окончательно запустила дѣла, и часто случалось, что очень важныя государственныя бумаги оставались неподписанными по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Но сколько бы ни было обвиненій со стороны противниковъ царствованія Елизаветы Петровны, на обвиненіяхъ этихъ нельзя основывать оцѣнки всей дѣятельности этой государыни, тѣмъ болѣе, что историческая оцѣнка XVIII вѣка до сихъ поръ еще не исполнѣ возможна съ строго научной точки зрѣнія.

При всемъ томъ царствованіе Елизаветы Петровны представляетъ не мало явленій, которыя навсегда останутся лучшими памятниками нашего прошлаго.

Въ числѣ этихъ историческихъ памятниковъ на первомъ планѣ стоитъ основаніе ею перваго русскаго университета: это—университетъ въ Москвѣ. До Елизаветы Петровны Россія не имѣла высшаго учебнаго заведенія, тогда какъ европейскіе университеты считали свою жизнь многими столѣтіями.

Гимназій въ Россіи также не было до Елизаветы Петровны—и она же основала первую у насъ гимназію: это—казанская гимназія.

До Елизаветы Петровны не было въ Россіи и театра: кадетскіе спектакли послужили началомъ того, что императрица обратила на нихъ вниманіе, и въ Россіи созданъ театр, а че-

резъ нѣсколько лѣтъ у насъ, послѣ Сумарокова, былъ уже Фон-визинъ.

До Елизаветы Петровны въ Россіи не было академіи художествъ,—и она повелѣла быть академіи. По мнѣнію императрицы, академія должна была дать Россіи славу и принести «великія пользы казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія художники, получая великія деньги, обогатятся, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать».

И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ русскіе художники уже зарабатываютъ себѣ почетное имя въ Европѣ и картины ихъ до настоящаго времени имѣютъ цѣну классическихъ произведеній, какъ портреты работы Левицкаго и другихъ.

При Елизаветѣ Петровнѣ явилась русская литература въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе принято во всей Европѣ: при Елизаветѣ Петровнѣ выступили Ломоносовъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ; при Елизаветѣ же Петровнѣ въ первый разъ выступаютъ на литературное поприще женщины, какъ дѣятели, какъ писатели, что мы и увидимъ ниже.

Нельзя не обратить при-этомъ вниманія на одно весьма важное обстоятельство для правильной оцѣнки историческаго значенія царствованія Елизаветы Петровны.

Извѣстно, какою громадною славой пользовалось въ Европѣ имя Екатерины II, которая и своею личною дѣятельностью, и своею литературною славой, и перепискою съ такими знаменитостями какъ Вольтеръ и Даламберъ, и, наконецъ, своими блистательными побѣдами надъ непобѣдимыми дотождѣ турками высоко вознесла на западѣ русское имя. Но имя Екатерины II осталось неизвѣстнымъ у южныхъ славянъ. Напротивъ, тамъ прослав-

ляют имя Елизаветы, и сербы до сихъ поръ поютъ о ней въ своихъ былинахъ, славя ее подъ именемъ «госпы Елисавки, московской кралицы».

Одна былина, напимѣръ, говоритъ, что «московская кралица госпа Елисавка писала письмо турецкому царю султанъ-Сулейману о томъ, что у него находится ея очевина (наслѣдіе)—золотая корона царя Симеона, одежда святаго Іоанна, вѣстное знамя царя Константина, золотой посохъ (штака) святаго отца Саввы, острая сабля сильнаго Стефана и икона отца Димитрія. Госпа Елисавка просила, чтобъ султанъ прислалъ ей ея очевину, а она ему за это, въ воздарье, дастъ миръ на тридцать лѣтъ, пшеницы для продовольствія войска на девять лѣтъ и, кромѣ того, золотую памію. А если султанъ не отдастъ ей очевину, то пусть собираетъ войско и идетъ къ Кіеву:

«Войску купи, царе Сулеймане,
Войску купи, айде на Кіево,
Да ювачки мейданъ подѣлимо,
И сабляма землю размѣримо:
Я ль повратить мою очевину,
Я ль московску саблю отпасаи.

«На это ей турецкій султанъ отвѣчалъ врло лѣпо и смирно, что ея очевина не у него, а въ Крыму у царя Татарана. Тогда госпа Елисавка пишетъ царю Татарану и проситъ его прислать ей очевину, а она ему за это обѣщаетъ продолжительный миръ, много пшеницы и великолѣпную памію. Но царь Татаранъ отвѣчалъ ей врло грубо и непристойно, говоря, что ея очевина дѣйствительно у него, но что онъ ей ее не отдастъ, а пойдетъ на нее съ войскомъ и Петербургъ съ землей сравняетъ (Петрибора съ землемъ поравнити). Тогда началась война, и госпа Елисавка овладѣла Крымомъ и добыла свою очевину.»

Въ другой высоко-поэтической былинѣ изображается гибель турецкаго войска, уничтоженнаго «госпою Елисавкою» подѣ Озію (Азовъ).

«Полетѣли—говорить былина—два чорныхъ ворона отъ Озіи изъ-подѣ Московіи, кровавыя у нихъ крылья до самыхъ плечъ и клювы у нихъ кровавые до самыхъ глазъ. Перелетѣли вороны три-четыре земли — Каравланску и Карабогданску, Скендерію и Уруменлію, отлетѣли на Герцеговину, долетѣли до ровнаго Загорья, вьются кругами по небу, ни на чей дворъ не садятся, чтобъ хоть немножко отдохнуть, садятся лишь на башню Ченгійчь Бечиръ-паши. Съли вороны, оба закаркали и усталыя крылья долу опустили, отлетѣло отъ нихъ по кровавому перу, упали перья на балконъ и вѣтеръ принесъ ихъ въ комнату кади, а когда кади увидала ихъ, вышла къ бѣлой башнѣ, подняла глаза на бѣлую башню, да какъ увидѣла двухъ чорныхъ вороновъ, такъ и стала съ ними разговаривать: Богомъ братья, птицы-вороны! Чудныя на васъ примѣты—кровавыя у васъ крылья до плечъ и кровавые у васъ клювы до глазъ: чьей это вы крови напились! откуда вы такъ быстро летѣли? не изъ далекаго ли вы краю, отъ Озіи изъ-подѣ Московіи? видѣли ли вы тамъ сильное турецкое войско? видѣли ли вы Бечиръ-пашу моего, и его брата Хасанъ-бега, и моего сына Османъ-бега, и сыновца Смаилъ-агу, и нашего Омеръ-целивана, и стараго Дриду знаменосца, и остальныхъ турокъ начальниковъ? все ли здорово и весело войско? играютъ ли кони подѣ молодцами? вьются ли по воздуху знамена? люты ли турки, словно волки? впереди ли войска мой сераскиръ-паша? высылаетъ ли отряды въ горы? приводятъ ли ему плѣнныхъ? много ли у него русскихъ плѣнныхъ? и много ли около него тонкихъ рабынь? плачутъ ли плѣнные русскіе? играютъ ли ему русскія полонянки? что для меня добылъ мой паша? ведетъ

ли онъ мнѣ рабынь московскихъ, чтобы мнѣ вѣрно послужили? получили ли турки добычу? отдали ли старшинство пашѣ моему? идетъ ли ко мнѣ мой Бечиръ-паша? когда придетъ онъ — когда мнѣ встрѣчать его?

«Говорять ей два ворона черныхъ: «Поссетримо, прекрасная пашеница! Рады бы мы тебѣ добро сказать, только мы сами мало добра видѣли. Расскажемъ тебѣ, что мы видѣли: когда мы были около Ози, то все видѣли, о чемъ ты насъ спрашиваешь: было здорово и весело войско, и играли кони подъ молодцами, и вѣяли по воздуху знамена, и лютовали турки словно волки, и твой паша сераскиръ впереди войска, и посылалъ онъ отряды въ горы, и приводили ему плѣнныхъ, довольно было у него русскихъ плѣнныхиковъ и около него тонкихъ рабынь, и плакали русскіе плѣнные, и играли плѣнные рабыни въ неволѣ словно по доброй волѣ, у твоего паши до семи рабынь, и у твоего сына Османъ-бега три тонкихъ рабыни, и у другихъ богатырей у кого по двѣ, у кого по четыре.... Все это твой паша привелъ бы къ тебѣ, да не далъ ему дьяволъ, потому что пошелъ онъ дальше въ Россію. Когда его увидѣла московская кралица, по имени госпа Елисавка, то подкопала подкопы подъ турокъ и на подкопы турокъ заманила, и когда огнемъ взорвали подкопы, то взлетѣли подъ небеса турки—на третій день ужъ съ неба попадали!»—Говоритъ имъ Бечиръ-пашеница: «О два ворона, горе великое!»— «Милая кади! это еще не горе, а что мы тебѣ скажемъ, такъ это горе: что осталось отъ турецкаго войска, всѣхъ ихъ настигла московская кралица госпа Елисавка: шесть сотъ тысячъ всадниковъ послала она на нихъ, и погибло все турецкое войско — погибло двадцать великихъ визирей, погибло восемь малыхъ пашей и изъ Босніи восемнадцать беговъ!» — Говоритъ Бечиръ-пашеница: «О два ворона! великое горе!»— «Милая кади! это еще не горе, а что мы

тебѣ скажемъ, такъ это горе: твоего пашу живаго ухватили и твоего сына Османъ-бега, и отвели ихъ въ свою орду» и т. д.

«Когда услышала это Бечиръ-пашиница, отъ горя упала на черную землю—на землю упала и ужъ больше не вставала.»

Такими грандіозными очертаніями рисуется южный народъ образъ Елизаветы Петровны.

Имена другихъ русскихъ историческихъ личностей южному народу не извѣстны.

Елизавета Петровна царствовала ровно двадцать лѣтъ.

17-го ноября 1761 года она заболѣла, потомъ, перемогаясь нѣсколько времени, снова слегла 12 декабря, и ужъ больше не вставала до 25 декабря: это день ея кончины.

Одинъ изъ писателей прошлаго вѣка такъ характеризуетъ значеніе этой государыни:

«По кончинѣ ея открылась любовь къ сей монархинѣ и сожалѣніе. Всякій домъ проливалъ по лишеніи ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно, кои ее не видали никогда—только была любима въ своемъ народѣ!»

Дѣйствительно, Елизавета Петровна служила какъ-бы точкою отправленія для будущаго подъема народнаго духа и развитія народной самодѣятельности, литературы и науки. Время этого общественнаго духовнаго подъема прошло также и черезъ царствованіе Екатерины II, при которой, однако, съ восьмидесятыхъ годовъ и началась реакція этому подъему, а тамъ—застой.

Это-то время подъема общественнаго духа, время очень не продолжительное, даетъ намъ не мало женскихъ именъ, которыя оставили по себѣ историческое безсмертіе.

II.

Наталья Федоровна Лопухина, урожденная Валгъ.

Не мало прошло уже передъ нами женскихъ личностей, и, къ сожалѣнiю, почти ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, чтобы жизни ея не коснулись тѣ поразительныя превратности судьбы, гдѣ высшая степень благополучiя и славы смѣняется глубокимъ несчастiемъ и страданiями, богатыя палаты—сырою тюрьмою, монастырскою кельею или занесенною снѣгомъ бѣдною сибирскою лачугою, ласковыя и вѣжливыя рѣчи придворныхъ кавалеровъ—допросами слѣдователей, нѣжныя объятiя родныхъ и дорогихъ сердцу—грубымъ прикосновенiемъ палачей и тюремныхъ солдатъ. Почти ни одной изъ выведенныхъ нами доселѣ женщинъ не миновала ссылка или иная опала, за исключенiемъ весьма немногихъ.

Но таково было время и таковы были люди.

Не была исключенiемъ между людьми своего вѣка и Наталья Лопухина, которой привелось жить тогда, когда всѣмъ жилось или не-въ-мѣру хорошо, или не-въ-мѣру худо.

Наталья Лопухина, какъ мы видѣли выше, была племянница знаменитой красавицы нѣмецкой слободы Анны Монсъ, родная сестра которой, Матрена Монсъ, была замужемъ за генераломъ Балкомъ, и къ которымъ молодой царь Петръ питалъ особое благоволенiе.

Жизнь Натальи нѣсколькими днями коснулась еще XVIII-го столѣтія, потому что рожденіе ея относится къ 11-му ноября 1699 года.

Родившаяся въ богатомъ и приближенномъ къ Петру семействѣ, Наталья получила отличное, какъ принято выражаться, по своему времени образованіе, потому что Петръ, усилившійся высоко поставить въ своемъ государствѣ знамя образованности и самъ преклонявшійся предъ знаніемъ, желалъ и требовалъ, чтобъ въ его государствѣ всѣ учились, и эта воля была, конечно, не чужда той мысли, чтобы, соотвѣтственно общему подъему образованія въ странѣ, и женщина получила сообразныя ея полу знанія.

Маленькая Наталья Балкъ должна была, поэтому, получить приличное образованіе, хотя оно, въ сущности, было очень скудно и поверхностно. Но зато, какъ можно судить по отзывамъ современниковъ, нравственнаго воспитанія ей положительно не доставало, и, выростая въ такомъ семействѣ, какъ семейство ея матери, она не могла вынести оттуда въ жизнь хорошихъ нравственныхъ правилъ.

Она вынесла изъ этого семейства только то, чѣмъ оно отличалось, — физическую красоту и плѣнительность: красота была въ роду Монсовъ и Балковъ.

«Получивъ отличное воспитаніе въ домѣ родителей, — говоритъ нѣсколько восторженный Бантышъ-Каменскій, — Наталья Федорова затмѣвала красотой всѣхъ придворныхъ дамъ и, какъ увѣряютъ современники, возбудила зависть въ самой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.»

Деятнадцати лѣтъ красавица Наталья была помолвлена замужъ за морскаго офицера, любимца Петра Перваго, лейтенанта Степана Васильевича Лопухина, двоюроднаго брата нелюбимой

Петромъ царицы Авдотьи Федоровны Лопухиной, впоследствии камергера и одного изъ сильныхъ людей петербургскаго двора.

Судьбою дѣвушки, по обыкновенію, распорядился самъ царь, который любилъ лично сватать за своихъ фаворитовъ и «деньжиковъ» тѣхъ красавицъ, кои считались достойными задуманныхъ царемъ партій, и самъ въ качествѣ «дружки» или «маршала» возилъ ихъ ко дворцу, не спрашивая иногда, любятъ ли другъ друга женихъ и невѣста.

«Петръ Великій приказалъ мнѣ жениться: можно ли было его послушаться? - говорилъ впоследствии мужъ Натальи, когда ему намекали на невѣрность къ нему красавицы-жены. - Я тогда же зналъ, что невѣста меня ненавидитъ и съ своей стороны не любила и не люблю ее, хотя всѣ справедливо считаютъ ее красавицей.»

А между тѣмъ красавица Наташа дѣйствительно имѣла много поклонниковъ и могла сдѣлать любой выборъ между женихами, еслибы царь не былъ охотникомъ устраивать карьеры намѣченныхъ имъ своимъ вниманіемъ жениховъ и невѣсть по своему усмотрѣнію: этимъ способомъ онъ сливалъ между собою родою связью древніе русскіе роды, примѣшивая къ нимъ и роды нѣмецкіе, выдвигавшіеся въ его время.

Наталья, по отзыву ея біографовъ, была мила, хороша, умна и возбуждала постоянную зависть со стороны всѣхъ именитѣйшихъ красавицъ петербургскаго общества.

«Толпа воздыхателей - свидѣтельствуетъ одинъ изъ прежнихъ жизнеописателей Лопухиной, именно все тотъ же восторженный Бантышъ-Каменскій, увлеченный насчетъ красавицы своимъ пылкимъ историческимъ воображеніемъ - толпа воздыхателей постоянно окружала красавицу Наталью. Съ кѣмъ танцевала она, кого удо-

стоивала разговоромъ, на кого бросала даже взглядъ, тотъ считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Гдѣ не было ея, тамъ царствовало принужденное веселье; появлялась она—радость одушевляла общество; молодые люди восхищались ея прелестями, любезностью, приятнымъ и живымъ разговоромъ; старики также старались ей нравиться; красавицы замѣчали пристально, какое платье украшала она, чтобы хотя нарядомъ походить на нее; старушки рвались съ досады, ворчали на мужей своихъ, бранили дочекъ и говорили кое-что на ухо, но такимъ образомъ, чтобы проходящіе могли слышать, — понимается, съ большими прибавленіями.»

Въ первый же годъ замужества—1718-й — въ годъ молодой кабалы Натальи—всѣхъ родныхъ ея мужа постигла царская опала. Это былъ годъ казни по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, когда двоюродный братъ мужа Натальи и родной братъ царицы Авдотьи Федоровны Лопухиной, Абрамъ Федоровичъ Лопухинъ сложилъ голову на плахѣ 9 декабря 1718 года и когда всѣ прочіе его родные пошли въ ссылку—кто въ Сибирь, кто въ самые далекіе города европейской Россіи. Не веселъ былъ такой годъ для молодой замужней женщины и не могли быть радостны и безъ того немилые ей медовые мѣсяцы.

Казнь миновала, однако, мужа Натальи, любимца царя. Но молодая женщина видѣла передъ собой плахи и висѣлицы, столбы и колеса со взоткнутыми на нихъ головами казненныхъ — и эти казненные были ей такъ или иначе близки.

Немного спустя страшная казнь постигла и самыхъ близкихъ ея сердцу родныхъ—мать и дядю, красавца Виллима Монса: прекрасная голова, которая, какъ мы видѣли выше, была отрублена палачомъ, потомъ, для сохраненія ея красоты, положена въ спиртъ, поставлена въ кабинетъ Екатерины Алексѣевны и затѣмъ сдана въ академію наукъ, въ гунсткамеру, въ назиданіе будущимъ по-

колѣннѣмъ—это была голова роднаго дяди красавицы Натальи Лопухиной.

Вмѣстѣ съ дядей постигла страшная опала и еще болѣе дорогое для Натальи лицо—ея родную мать и родную сестру этого Монса-красавца: опала обрушилась на голову матери Натальи, генеральши Матрены Балкѣ, за то, какъ мы видѣли, что она позволяла своему брату любить Екатерину Алексѣевну и прикрывала собой отъ царя Петра эту непозволительную любовь.

Но время и перемѣна обстоятельствъ скоро изгладили изъ памяти Лопухиной эти страшныя впечатлѣнїя—и то, какъ голова ея дяди торчала на колу, а потомъ стояла въ спирту, и то, какъ на столбахъ была вывѣшена перечень взятокъ ея матери,—и красавица отдалась своимъ природнымъ инстинктамъ и привитымъ къ ней наклонностямъ, тѣмъ болѣе, что не любила своего мужа, какъ и онъ не любилъ ее.

Объ Натальѣ Лопухиной рассказываютъ, что она походила на свою мать, на знакомую уже намъ Матрену Балкѣ, не только красотою лица и станомъ, но и нѣкоторыми особенностями своего темперамента: подобно ей, она, какъ истинное дитя своей матери и своего времени, не отличалась супружескою вѣрностью.

Лопухина нашла себѣ при дворѣ поклонника, и со всею страстью отдалась ему. Это былъ знаменитый графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде.

«Щеголь, мотъ, любитель азартныхъ игръ, и человѣкъ честолюбивый, тщеславный, эгоистъ въ высшей степени; человѣкъ столь дурнаго нрава, какихъ не много на свѣтѣ; человѣкъ, готовый, ради своихъ выгодъ, жертвовать другомъ и благодѣтелемъ; человѣкъ лживый и коварный»—вотъ какъ отзывался о Левенвольде одинъ изъ его современниковъ, и вотъ на кого обратилась несчастная привязанность Лопухиной.

Объ отношеніяхъ ихъ всѣ знали, не исключая мужа самой Натальи Федоровны.

Но таково было то разнузданное время, когда люди такъ легко переходили отъ измѣны своему чувству къ измѣнѣ своему отечеству и изъ дворца—на плаху.

«Недавно у меня была одна изъ здѣшнихъ красавицъ, супруга русскаго вельможи, госпожа Лопухина, -- писала въ 1838 году леди Рондо въ Англію къ своей пріятельницѣ: -- его вы видѣли въ Англіи. Жена его — статсъ-дама императрицы и приходится племянницей той особѣ, которая была любовницею Петра I и исторію которой я вамъ рассказывала (т. е. Аннѣ Монсъ); но скандальная хроника гласить, что она не такъ твердо защищала свою добродѣтель. Лопухина и ея любовникъ — если онъ у нея на самомъ дѣлѣ только одинъ—очень постоянны и въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняютъ другъ къ другу сильную страсть. Когда она родила, то, при первой встрѣчѣ съ ея супругомъ, я поздравила его съ рожденіемъ сына и спросила о здоровьи его жены. Онъ отвѣтилъ мнѣ по-англійски: «зачѣмъ вы спрашиваете меня объ этомъ? спросите графа Левенвольде: ему это извѣстно лучше, нежели мнѣ.» Видя, что такой отвѣтъ меня совершенно озадачилъ, онъ прибавилъ: «что жъ! всѣмъ извѣстно, что это такъ и это меня нисколько не волнуетъ. Петръ Великій принудилъ насъ вступить въ бракъ; я зналъ, что она ненавидитъ меня, и былъ къ ней совершенно равнодушенъ, несмотря на ея красоту. Я не могъ ни любить ее, ни ненавидѣть, и въ настоящее время продолжаю оставаться равнодушнымъ къ ней; къ чему-же мнѣ смущаться связью ея съ человѣкомъ, который ей нравится, тѣмъ болѣе, что, нужно отдать ей справедливость, она ведетъ себя такъ прилично, какъ только позволяетъ ей ея положеніе.»

Такъ всегда бываетъ съ людьми послѣ долгой сдержки: а эту сдержку русскій бояринъ, превратившійся потомъ въ вельможу, терпѣлъ отъ Владимира Мономаха и отъ цѣломудренныхъ Верхуславъ и Предславъ до Петра и красавицъ «Кукуй-городка».

Сдержку заступила разнузданность.

«Судите о моемъ удивленіи -- продолжаетъ леди Рондо -- и подумайте, какъ поступили бы вы въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я же скажу вамъ, какъ поступила я: я внезапно оставила Лопухина и обратилась къ первому, кого увидѣла.»

Леди Рондо такъ характеризуетъ Лопухину: «эта дама говорить только по-русски и по-нѣмецки, а такъ какъ я плохо говорю на этихъ языкахъ, то нашъ разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ, и потому я могу сказать вамъ лишь о ея наружности, которая, дѣйствительно, прекрасна; по-настоящему, мнѣ и не слѣдовало бы говорить ни о чемъ другомъ, но я не могла пройти молчаніемъ этой исторіи, показавшейся мнѣ необыкновенно странной. Я презираю себя, однако, за злоязычіе, которое вы едвали захотите простить.»

Какъ бы то ни было, но Лопухиной повидимому жилось счастливо, и почти до сорока трехъ лѣтъ продолжалась эта безмятежная жизнь придворной, блестящей женщины.

Старшій сынъ ея Иванъ былъ уже взрослымъ молодымъ человекомъ. Онъ тоже былъ при дворѣ и носилъ камеръ-юнкерскій мундиръ, а потомъ получилъ и чинъ полковника арміи.

Но въ 1742 году красавицу Лопухину постигло несчастіе, не личное, но въ лицѣ того, кого она любила, — въ лицѣ графа фонъ-Левенвольде.

На престолъ вступила императрица Елизавета Петровна (въ ноябрѣ 1742 года). Лица, стоявшіе во главѣ правленія ея предшественницы, обвинены въ измѣнѣ и сосланы: ссылка, между

прочимъ, постигла старика Остермана, Головкина, мужа одной изъ выдающихся женскихъ личностей прошлаго вѣка, Екатерины Ивановны Головкиной, урожденной княжны-кесаревны Ромодановской, о которой сказано будетъ въ слѣдующемъ очеркѣ, и блестящаго Левенвольде, все-еще любимаго Лопухиной.

Левенвольде былъ сосланъ въ Соликамскъ — и это горе было очень тяжелымъ горемъ для Лопухиной. Сама же она была взыскана милостями императрицы, продолжала являться при дворѣ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ придворной жизни вмѣстѣ съ дочерью, которая уже была взрослая дѣвушка. Другіе же говорятъ, что ссылка Левенвольде сдѣлала ее большою нелюдимкой — она не могла забыть своего блестящаго друга.

Но еще болѣе страшное горе ждало ее, и горе это было не за горами.

Въ это время, какъ извѣстно, исключительнымъ вліаніемъ при дворѣ пользовался Лестокъ, лейбъ-хирургъ императрицы. Боясь соперничества другаго сильнаго лица, вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, Лестокъ рѣшился погубить его, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ, кого пришлось бы для этого втянуть въ пропасть.

Лестокъ рѣшился на сильную и удачную мѣру, которая почти всегда удается, — на доносъ, на обвиненіе въ измѣнѣ.

Хотя главный соперникъ его, Бестужевъ-Рюминъ, и не погибъ, но зато погибли другіе, невинные, или менѣе виновные, чѣмъ какими ихъ изображали, и въ томъ числѣ погибла Лопухина.

Это было въ 1743-мъ году, черезъ годъ послѣ ссылки Остермана, Головкина и Левенвольде.

Лестокъ донесъ императрицѣ, что противъ правительства составляется заговоръ, что заговорщики хотятъ будто-бы умертвить его, Лестока, камергера Шувалова и оберъ-штабмейстера Куракина, и затѣмъ, будто бы, при помощи камеръ-лакея, подававшаго закуски,

отравивъ государыню, возстановить прежнее правительство, съ регентствомъ принцессы Анны Леопольдовны.

Вѣсть о заговорѣ поразила дворъ.

«Я не въ силахъ изобразить тотъ ужасъ, который распространился при извѣстїи о заговорѣ (пишетъ одинъ современникъ этого событія). Куракинъ нѣсколько ночей сряду боялся провести у себя дома; во дворцѣ бодрствуютъ царедворцы и дамы, страшась разойтись по спальнямъ, несмотря на то, что у всѣхъ входовъ и во всѣхъ комнатахъ стоятъ часовые. Въ видахъ усиленія ихъ бдительности, именнымъ указомъ повелѣно кабинету давать солдатамъ, которые въ ночное время содержатъ пикетъ у нашихъ покоевъ (т. е. у покоевъ императрицы), на каждый день по десяти рублей. Бдительность и рвеніе тѣлохранителей усилено, но именитыя особы не ложились въ постель на ночь, ждали разсвѣта и высыпались днемъ. Отъ всего этого и безпорядокъ въ дѣлахъ, въ докладахъ, безпорядокъ и общая неурядица во всемъ съ каждымъ днемъ усиливаются.»

Но между тѣмъ ожидаемые, повидимому мнимые, заговорщики не являются, ихъ никто не видитъ, никто не знаетъ — не знаетъ даже самъ Лестоукъ.

Скоро однако таинственная драма разыгрывается, и невольной виновницей ея является Лопухина.

Въ эти тревожные дни ожидаемаго исполненія небывалаго заговора нѣкто Бергеръ, курляндецъ, офицеръ кирасирскаго полка, по всѣмъ отзывамъ человекъ распутный и низкій, получаетъ назначеніе въ Соликамскъ, въ мѣсто ссылки графа Левенвольде, на смѣну другаго офицера, находившагося при ссылкѣ.

Лопухина, узнавъ о назначеніи Бергера въ Соликамскъ, проситъ сына своего Ивана сказать Бергеру, чтобъ онъ передалъ отъ нея поклонъ любимому ею когда-то ссылке Левенвольде, увѣрить

въ неизмѣнной ея памяти о немъ и совѣтовать, «чтобы графъ не унывалъ, а надѣялся бы на лучшія времена».

Эта послѣдняя несчастная фраза погубила и ее и всѣхъ ея близкихъ — фраза эта и была — «заговоръ».

Бергеръ, желая выслужиться передъ Лестокомъ, а главное — получить позволеніе остаться въ Петербургѣ, явился къ всесильному лейбъ-хирургу и передалъ ему слова Лопухиной.

Для Лестога это была находка.

Хитрый лейбъ-хирургъ тотчасъ же поручилъ услужливому Бергеру вызвать молодаго Лопухина на откровенность и выпытать отъ него какимъ-либо образомъ признаніе, на чемъ его мать основываетъ надежды «на лучшія времена».

Бергеръ завелъ Лопухина въ погребокъ, наполнилъ его и, искусно втянувъ въ интимный разговоръ о правительствѣ, заставилъ пьянаго мальчишку болтать всякія несообразности.

А въ это время, въ погребкѣ, за стѣнкой, посажены были уши, долженствовавшія все слышать.

Лопухина арестовали. Вслѣдъ затѣмъ арестовали его мать и сестру-дѣвушку. Послѣднюю взяли въ тотъ моментъ, когда она гуляла съ великимъ княземъ и вмѣстѣ съ нимъ въ одной каретѣ возвращалась съ прогулки во дворецъ. Чтобы не огорчить великаго князя, который былъ очень расположенъ къ молодой дѣвушкѣ, ее вызвали изъ кареты въ другой экипажъ будто-бы для того, что ея мать отчаянно заболѣла. Тутъ же арестовали и графиню Анну Гавриловну Бестужеву-Рюмину, урожденную графиню Головкину, бывшую прежде за генераль-прокуроромъ Ягужинскимъ: она также была любимицею покойнаго Петра Великаго и онъ устраивалъ ея свадьбу съ Ягужинскимъ, какъ устроилъ свадьбу съ Лопухинымъ и Натальей Федоровны Балкъ. Арестовали, наконецъ, и старшую дочь этой Бестужевой-Рюминой.

Лопухину съ сыномъ и Бестужеву заключили въ крѣпость, какъ главныхъ заговорщиковъ, а дѣвушекъ держали подъ карауломъ въ домахъ.

По городу усилили патруль.

Наряженная по дѣлу слѣдственная коммисія привлекла къ допросамъ еще нѣсколько женщинъ, именно — бывшую фрейлину правительницы Софью Лилиенфельдъ и княгиню Гагарину, падчерицу Бестужевой-Рюминой. Точно это былъ заговоръ женщинъ.

Ушаковъ, неизмѣнный начальникъ тайной канцеляріи, Лестоць и генераль-прокуроръ Трубецкой были членами слѣдственной коммисіи.

На первыхъ же допросахъ арестованные повинились, что они иногда позволяли себѣ необдуманныя выраженія объ образѣ жизни нѣкоторыхъ именитыхъ особъ и фаворитовъ, о лѣности и безпечности ихъ къ дѣламъ управленія; признались и въ томъ, что высказывали недовольство настоящимъ положеніемъ дѣлъ и желали восстановленія прежняго правительства.

Бантышъ-Каменскій прямо говоритъ: «Въ частныхъ бесѣдахъ своихъ Лопухина и Бестужева-Рюмина изливали взаимно душевную скорбь и вскорѣ, подстрекаемыя неблагонамѣреннымъ министромъ королевы венгерской, маркизомъ Боттоу, дерзнули составить заговоръ противъ самодержицы всероссійской въ пользу младенца Іоанна!»

Послѣ выше прописанныхъ показаній растерявшихся женщинъ, подсудимыхъ повели въ застѣнокъ, къ пыточному допросу.

Сначала пытали молодого Лопухина; но онъ ничего не сказалъ. Привели въ застѣнокъ Лопухину и Бестужеву-Рюмину. Статсъ-дамъ и оберъ-гофмаршалшъ, по установленному пыточному порядку, оголили спины для кнута, связали руки и подняли на дыбу.

Странное то было время!

— Пусть разорвутъ насъ на части, но мы не станемъ лгать, не станемъ признаваться въ томъ, чего никогда не дѣлали и не знали, -- говорили женщины, висѣвшія на дыбѣ.

Но кнutomъ ихъ на этотъ разъ не били.

Главная цѣль Лестока состояла въ томъ, чтобы втянуть въ дѣло бывшаго передъ тѣмъ въ Петербургѣ австрійскаго посла, маркиза Ботта д' Адорно, который былъ друженъ съ Бестужевою-Рюминою и Лопухиной.

Бестужева-Рюмина на допросѣ показала, что такъ какъ она не любима мужемъ и сама его не любитъ, то ничего и не передавала ему: Бестужевъ - Рюминъ, врагъ Лестока, черезъ это ускользалъ изъ его тенетъ. О маркизѣ Ботта д' Адорно она показала, что такъ какъ самъ онъ былъ очень не расположенъ къ обоимъ Бестужевымъ-Рюминымъ, и къ вице-канцлеру, и къ обер-гофмаршалу, то и Ботта имъ ничего не могъ передавать изъ ихъ разговоровъ. — Тенета Лестока окончательно рвались.

Лопухина показала тоже, — ни дополненій, ни комментарий отъ нея допросчики не добились.

Только молодой Лопухинъ не вынесъ пытокъ.

— Мы-де зачастую говаривали въ семьѣ своей: что еслибы на вице-канцлера не было этого продувнаго канала Лестока, то оба Бестужевы и ихъ сторонники были бы самые первъшительные и слабые правители.

«Продувной канала» не простилъ врагамъ этого выраженія.

Чтобы обвинить австрійскаго посла, Лестока общалъ допрашиваемымъ, что если они покажутъ на Ботта д' Адорно, то ихъ ждетъ облегченіе участи.

Обманутыя этой уловкой Лопухина и Бестужева-Рюмина показали, что Ботта хлопоталъ объ освобожденіи изъ Сибири Ос-

термана, Миниха, Головкина, и общалъ помогать деньгами возстановленію прежняго правительства.

Но измученныя женщины напрасно покривили душой — ихъ участь не была смягчена.

Лестоку прямо говорилъ въ городѣ:

— Какъ же-де не быть строгимъ, если кромѣ пустыхъ сплетней да вздорной болтовни ничего нельзя добиться отъ упрямыхъ бабъ.

Съ допросами однако покончили быстро. 4-го — 6-го августа 1743-го года производились аресты, а 29-го августа уже извѣщалось о предстоящей казни осужденныхъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи суда одинъ изъ сенаторовъ подалъ такое оригинальное мнѣніе:

— Достаточно предать виновныхъ обыкновенной смертной казни -- говорилъ онъ, -- такъ какъ осужденные еще никакого усилія не учинили; да и російскіе законы не заключаютъ въ себѣ точнаго постановленія на такого рода случаи, относительно женщинъ, болшею частію замѣшанныхъ въ сіе дѣло.

На это горячо возражалъ пріятель Лестока, принцъ гессенъ-гажбургскій.

— Неимѣніе-де писаннаго закона не можетъ служить къ облегченію наказанія, -- настаивалъ принцъ: -- а въ настоящемъ случаѣ кнутъ да колесованье должны считаться самыми легкими казнями.

Кнутъ да смерть съ колесованьемъ — самая легкая казнь. Вотъ время!

Приговоръ, наконецъ, состоялся.

29-го августа, гвардейскій отрядъ прошелъ по улицамъ Петербурга и барабаннымъ боемъ извѣстилъ о предстоящихъ на 1-е сентября казняхъ.

Эшафотъ построенъ былъ на Васильевскомъ острову, противъ нынѣшняго университетскаго зданія, гдѣ былъ тогда сенатъ. Тамъ

же стоялъ столбъ съ навѣсомъ, подъ которымъ висѣлъ сигнальный колоколъ.

Въ день казни народъ, по обыкновенію, толпами валилъ къ мѣсту зрѣлища, занялъ всю площадь, галереи бывшего тамъ гостинаго двора, заборы, крыши. Народъ — вездѣ народъ: и въ Римѣ и въ Петербургѣ—онъ проситъ только «хлѣба и зрѣлищъ».

Впереди всѣхъ осужденныхъ шла Лопухина, все-еще красивая женщина.

Съ эшафота, говорятъ, она окинула взоромъ толпы народа, надѣясь увидѣть въ массѣ или своихъ друзей и родныхъ, или тѣхъ, которые когда-то любили ее, которые могли бы на мѣстѣ казни утѣшить и ободрить ее.

«Но -- восклицаетъ одинъ изъ современниковъ казни -- красавица забыла низость душъ придворныхъ куртизановъ: вокругъ помоста волновалась только чернь, алчущая курьезнаго зрѣлища».

Этотъ современникъ, аббатъ Шапъ, оставилъ даже рисунокъ казни. На этомъ рисункѣ изображенъ эшафотъ съ высокимъ барьеромъ. На эшафотѣ стоитъ палачъ безъ шапки, въ кафтанѣ и держитъ на своихъ плечахъ женщину — это Лопухина. Волосы ея забраны назадъ, голова откинута, тѣло обнажено; на поясѣ болтается ея мантилья, сорочка; верхняя одежда брошена у ногъ. Лопухина приподнята такъ, что ноги ея не достаютъ до земли. Сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ, виднѣется заплечный мастеръ, тоже безъ шапки, въ кафтанѣ; онъ обѣими руками приподнялъ вкнутъ, длинный хвостъ котораго змѣей взвился въ воздухѣ. Изъ за барьера видны женскія и мужскія головы толпы — въ платкахъ, теплыхъ шапкахъ и пр.; на заднемъ планѣ — крыши домовъ; влѣво — дерево.

Тотъ же аббатъ Шапъ такъ описываетъ самую казнь Лопухиной:

«Простая одежда придавала новый блескъ ея прелестямъ; доброта души изображалась на лицѣ; она окинула быстрымъ взоромъ предметы, ее окружавшіе, изумилась, увидавъ палачей подлѣ себя: одинъ изъ нихъ сорвалъ небольшую епанчу, покрывавшую грудь ея; стыдъ и отчаяніе овладѣли ею; смертельная блѣдность показалась на челѣ, слезы полились ручьями. Вскорѣ обнажили ее до пояса въ виду любопытнаго и безмолвнаго народа» (Бантышъ-Каменскій).

Прежде обыкновенно наказывали кнутомъ такъ, что подлежащаго наказанію бралъ одинъ изъ палачей или первый попавшійся здоровый и плечистый мужикъ и вваливалъ къ себѣ на спину: на этой спинѣ палачъ уже билъ виновнаго кнутомъ по голой спинѣ, стараясь не попасть въ голову. Послѣ стали сѣчь на кобылѣ, на чурбанѣ или на опрокинутыхъ полозьями кверху саняхъ.

Говорятъ, что Лопухина до послѣдней минуты сохранила твердость и съ мужественнымъ спокойствіемъ слушала манифестъ.

Она еще не знала, къ чему ее приговорили.

Вотъ этотъ манифестъ, какъ онъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ:

«Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ -- громко провозглашалъ чиновникъ сената: -- всѣмъ уже извѣстны изъ обнародованнаго манифеста 24 января 1742 года важныя и злоумышленные преступленія бывшихъ министровъ: Остермана, Миниха, Головкина и оберъ-маршала Левенвольда и ихъ сообщниковъ. Всѣмъ извѣстно, на что осуждены они были по государственнымъ законамъ и какая милость показана была государынею: вмѣсто жесточайшихъ и правильно придуманныхъ имъ смертныхъ казней, всѣ преступники въ нѣкоторые токмо отдаленные города въ ссылку сосланы.

«Мы уповали, что показанное милосердіе съ наиболѣе чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ будетъ принято не только осужденными, но

ихъ фамиліями и друзьями; однако нѣкоторые злодѣи, того же корня оставшіеся, приняли нашу милость не такъ: вмѣсто благодарности вящее отъ того въ краткое время произрасло, о чемъ мы узнали отъ нѣкоторыхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По учиненному слѣдствію оказалось, что бывшій генералъ-поручикъ Степанъ Лопухинъ съ женою Натальею и съ сыномъ, бывшимъ подполковникомъ Иваномъ, забывъ страхъ божій, не боясь страшнаго суда его, не смотря ни на какія опасности, не обращая вниманія ни на то, что по первому дѣлу они находились въ подозрѣніи и содержались подъ арестомъ, презирая наконецъ милости, имъ оказанныя, рѣшились лишить насъ нашего престола. А всему свѣту извѣстно, что престолъ перешелъ къ намъ по прямой линіи отъ прародителей нашихъ, и та прямая линія пресѣклась только съ кончиною племянника нашего Петра II; а послѣ его смерти приняли мы корону въ силу духовнаго завѣщанія матери нашей, по законному наслѣдству и божьему усмотрѣнію.

«Лопухины жъ Степанъ, Наталья и Иванъ, по доброжелательству къ принцессѣ Аннѣ и по дружбѣ съ бывшимъ оберъ-маршаломъ Левенвольдомъ, составили противъ насъ замыселъ; да съ ними графиня Анна Бестужева, по доброхотству къ принцамъ и по злобѣ за брата своего Михайлу Головкина, что онъ въ ссылку сосланъ, забывъ его злодѣйскія дѣла и наши къ ней многія, не по достоинству, милости. И всѣ они, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ часто съѣзжались въ домъ графини Бестужевой, Степана Лопухина и маркиза де-Ботты, совѣтовались о своемъ замыслѣ. Бывшій же при нашемъ дворѣ венгерскимъ министромъ марки-де-Ботта, не по должности своей, но какъ адгерентъ принцессинъ и другъ Михайла Головкина, во внутреннія дѣла нашей имперіи вмѣшивался, вводилъ не только внѣшнія, но и внутреннія безпокойства.

«Всѣ они хотѣли возвести въ здѣшнее правленіе, по прежнему, принцессу Анну съ сыномъ ея, не имѣющіе никакого законнаго права и только стараніями злодѣевъ Остермана, Миниха, Головкина и ихъ собесѣдниковъ владѣвшіе имперіей. На сѣздахъ своихъ де-Ботта обнадеживалъ вспомоgetельствомъ своимъ Лопухиныхъ и Бестужеву, и съ искреннею ревностію и усердіемъ къ принцессѣ говорилъ, что до тѣхъ поръ спокою не будетъ, пока ей, принцессѣ, не поможетъ. Зная дружескія отношенія нашего правительства къ королю пруссому и желая безсовѣстно водворить между нами несогласія, де-Ботта говорилъ, что король-де станетъ помогать принцессѣ. Извѣстно же намъ и вѣдомо, что такого намѣренія его величество никогда не имѣлъ, но онъ, Ботта, то разглашалъ, чтобы причинить внутри Россіи безпокойства, съ чѣмъ и отѣхалъ за границу; Лопухинымъ же и Бестужевымъ далъ неизмѣнныя надежды; они радовались, нетерпѣливо того ожидали и разные къ тому способы проискивали и употребляли, внушая то другимъ и приводя къ себѣ въ согласіе, злоковарныя, непристойныя слова разсѣвали, насъ въ огорченіе и озлобленіе народу приводили, принцессу прославляли, всѣхъ обнадеживали ея милостями, хотя и сами не видали ихъ, но кромѣ восьми челоувѣкъ никого къ злomu начинанію привести не могли. Увидавъ же, что мы съ королемъ прусскимъ алліансъ возобновили и орденъ отъ него приняли, и что намѣреніе де-Ботты безъ дѣйства осталось, и чаемой войны и перемѣны, чего ждали, не будетъ, о томъ сожалѣли. Вообще, по распросамъ, добровольно и по изобличеніи показали слѣдующее:

«Степанъ Лопухинъ, въ надеждѣ чаемой перемѣны, уничижая и отце презирая, насъ оскорблялъ зловредными и непристойными словами; наслѣдницею престола не признавалъ, другимъ чрезъ сына своего Ивана то внушалъ; его же, съ совѣта де-Ботта, поощрялъ

разсѣвать въ народѣ вредительныя и опасности касающіяся слова. Онъ же, Степанъ, поносилъ, ни во что вмѣнялъ и высказывалъ презрѣніе къ нашему самодержавному правленію, къ министерству, сенату, къ придворнымъ и другимъ, кого мы по достоинству и заслугамъ жалуемъ; хвасталъ своими службами, которыхъ никогда не бывало; желалъ возвращенія злодѣевъ Остермана, Миниха, Головкина и Левенвольда съ ихъ товарищами; совѣтовался о томъ съ де-Боттою, который обѣщалъ помочь собственнымъ не малымъ капиталомъ, только бы возвратитъ ссыльныхъ, а чрезъ нихъ Анну возстановитъ. На всѣхъ съѣздахъ, гдѣ только его компанія была, Степанъ Лопухинъ за лучшіе разговоры и увеселенія считалъ бесѣды о благополучіи принцессы и нашемъ паденіи.

«Жена его Наталья и Анна Бестужева были начальницами всего злого дѣла. Живя въ дружбѣ и любви между собою, совѣтовались о зловредныхъ дѣлахъ, разговоры съ де-Боттою Степану передавали, къ единомыслию съ нимъ привлекли бывшего лейб-гвардіи капитана князя Ивана Путятина, по дѣлу принцессы не только бывшего въ подозрѣніи, но и въ розыскѣ (т. е. подъ пытками), и Софью Лиліенфельдъ камергершу, бывшую при принцессѣ фрейлиною. И всѣ они между собою непристойныя и зловредныя слова о собственной нашей персонѣ произносили. Наталья жъ Лопухина, будучи при дворѣ нашемъ статсъ-дамою, презирая насъ въ надеждѣ чаемой перемѣны, самовольно ко двору долгое время не являлась, и хотя ей о томъ неоднократно говорено ея родными, но она не слушалась.

«Бывшій оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ Александръ Зыбинъ, слыша многократно отъ Натальи Лопухиной о ея замыслахъ и зловредныя поношенія насъ, и признавая то худымъ, о томъ однако не доносилъ, понынѣ молчаніемъ прошолъ и тѣмъ явнымъ сообщникомъ себя явилъ.

«Иванъ Степановъ сынъ Лопухинъ не только поносительныя слова отца и матери распространялъ, но и отъ себя приумножалъ. При вступленіи нашемъ на престолъ у первой присяги не былъ, надѣясь будущей перемены. Бывая во многихъ компаніяхъ съ вице-ротмистромъ Лиліенфельдомъ, адъютантомъ Колычевымъ, подпоручикомъ Акинфовымъ, старался вымышленно уловить другихъ, но никого оболстать не могъ, а напротивъ того, по усердной вѣрности нашихъ же офицеровъ, самъ Иванъ Лопухинъ пойманъ и изобличился, причемъ оказалось, что, узнавъ о измѣнѣ де-Ботты, онъ отечество хотѣлъ оставить.

«Поручикъ гвардіи Иванъ Мошковъ сообщникомъ и такимъ же злодѣемъ явился, въ чемъ и повинился.

«За всѣ эти богопротивныя противъ государства и насъ вредительныя, злоумышленныя дѣла, по генеральному суду духовныхъ, всего министерства, нашихъ придворныхъ чиновъ, также лицъ гражданскихъ и военныхъ, приговорено всѣхъ злодѣевъ предать смертной казни.

«Степана Лопухина,

«Наталью Лопухину,

«Ивана Лопухина,

«Анну Бестужеву,

«Ивана Мошкова

«Князя Ивана Путятина

} вырѣзавъ языки, колесовать;
тѣла положить на колеса.

} четвертовать; тѣла положить на колеса.

«Александрѣ Зыбину отсѣчь голову, тѣло положить на колесо.

«Софьѣ Лиліенфельдъ отсѣчь голову».

«Всѣ они этимъ казнямъ по правамъ подлежатъ, но мы, по матернему милосердію, отъ смерти ихъ освободили и, по единой императорской милости, повелѣли имъ учинить слѣдующія наказанія:

«Степана Лопухина

«Наталью Лопухину

«Ивана Лопухина

«Анну Бестужеву

} бить кнутомъ; вырѣзать
языки, сослать въ Сибирь,
все имущество конфисковать.

«Ивана Мошкова } битъ внудомъ, сослать въ
«Князя Ивана Путятина } Сибирь, имѣніе отобрать.

«Александра Зыбина битъ плетьми, сослать въ ссылку, имущество конфисковать.

«Софію Лиліенфельдъ, выждавъ, когда она разрѣшится отъ бремени, битъ плетьми, послать въ ссылку, имѣніе конфисковать.

«Камергера Лиліенфельда отрѣшить отъ двора, лишить всѣхъ чиновъ, сослать въ деревни его, гдѣ жить ему безвыѣздно; брата его

«вице-ротмистра Лиліенфельда, подпоручика Никола Ахнерова, адъютанта Степана Кольчева } выключить изъ гвардіи, съ пониженіемъ чиновъ, написать въ армію.

«Дворянина Николая Ржевскаго написать въ матросы.

«О всемъ этомъ публикуется, дабы наши вѣрноподданные отъ такихъ прелестей лукавыхъ остерегались, о общемъ покоѣ и благополучіи старались, и ежели кто впредь таковыхъ злодѣевъ усмотритъ, тѣ бѣ доносили, однакожъ самую истину, какъ и нынѣ учинено, не затѣвая напрасно по злобѣ, ниже по другимъ какимъ страстямъ, ни на кого, за что таковые будутъ щедро награждены. Что же касается до злыхъ и безсовѣстныхъ поступковъ маркиде-Ботта, объ немъ, для полученія надлежащей намъ сатисфакціи, къ ея величеству королевѣ венгерской и богемской сообщено, въ несомнѣнной надеждѣ, что ея величество, по справедливости и дружбѣ съ нами, за его богомерзкіе поступки достойное наказаніе учинить.»

Когда чтеніе кончилось, одинъ изъ палачей подошелъ къ Лопухиной и сорвалъ съ нея мантилью. Лопухина заплакала и сѣла прикрываться отъ взоровъ толпы, въ подобныхъ случаяхъ всегда жадно слѣдящей за каждымъ движеніемъ жертвы: всякому

любопытно видѣть, какъ люди борются съ смертью и какъ умирають, особенно когда смерть является въ видѣ насилія.

Лопухина боролась не долго; хоть ее не ждала смерть, но ждали страшныя мученья—и оттого борьба ея была упорна.

Одинъ изъ заплочныхъ мастеровъ схватилъ осужденную за обѣ руки, повернулся и вскинулъ къ себѣ на спину.

Этотъ именно моментъ изобразилъ аббатъ Шапъ на своемъ рисункѣ.

Другой палачъ билъ несчастную кнутомъ. Лопухина громко кричала.

Послѣ кнута Лопухину опустили на землю, и у полумертвой отъ страданій урѣзали конецъ языка.

— Кому надо языкъ? - - кричалъ палачъ со смѣхомъ, обращаясь къ народу: - - купите, дешево продамъ!

Безъ сомнѣнія, циническая выходка вызвала смѣхъ толпы—толпа такъ привыкла къ этимъ зрѣлищамъ.

Лопухиной сдѣлали перевязку и усадили въ телегу.

Стали раздѣвать Бестужеву-Рюмину, которая видѣла всю предыдущую сцену съ Лопухиной.

Бестужева не упала въ обморокъ и не боролась съ палачами. Напротивъ, она съумѣла задобрить ихъ: Бестужева сняла съ себя золотой крестъ, усыянный брильянтами, и подарила главному палачу.

Это было славянское «побратимство» жертвы съ палачомъ. Бестужева, нѣкогда всемогущая графиня Ягужинская, становилась крестовою сестрою своему палачу.

Палачъ понялъ, что женщина побѣдила его, — и этотъ звѣрь уже съ нѣкоторой снисходительностью относился къ своей крестовой сестрѣ: онъ слегка билъ ее кнутомъ и вмѣсто половины языка—отрѣзалъ только кончикъ.

По окончаніи казни надъ прочими осужденными арестантовъ разсадили по телегамъ и вывели изъ Петербурга верстъ за десять, гдѣ они и должны были распрощаться съ родными.

Отсюда ихъ развели въ разные отдаленныя мѣста, въ вѣчную ссылку.

Такъ кончилось недоразумѣніе, извѣстное въ старыхъ исторіяхъ подъ именемъ «лопухинскаго заговора».

Извѣстно мѣсто ссылки одной только Бестужевой-Рюминой: ее увезли въ Якутскъ, за 8617 верстъ отъ Петербурга.

По странному стеченію обстоятельствъ, черезъ 83 года, въ нынѣшнемъ уже столѣтіи, именно въ 1826 году, въ Якутскѣ же находилось и другое ссыльное лицо, носившее фамилію Бестужевыхъ: это былъ извѣстный Александръ Бестужевъ.

Дочери Лопухиной, Настасья, любимица великаго князя, Анна и Прасковья, отсланы были въ дальнія деревни.

Двадцать лѣтъ Лопухина прожила въ Сибири; но говорить она уже не могла: говоръ ея похожъ былъ на мычанье, и только близкіе въ состояніи были понимать ее.

Черезъ двадцать лѣтъ, съ воцареніемъ императора Петра III, Лопухина получила прощенье и возвратилась въ Петербургъ.

«Въ Петербургѣ -- говоритъ Бантышъ-Каменскій -- Лопухина снова посѣщала большія общества, гдѣ толпа любопытныхъ, а не поклонниковъ, окружала ее! Такъ время и печаль изгладили съ лица красоту, причинившую гибель Лопухиной».

Бантышъ вѣрить, что ее погубили изъ зависти къ ея красотѣ...

Дочери Лопухиной — такая же какъ мать красавица Настасья вышла впоследствии замужъ за графа Годовина, Прасковья — за князя Голицына, а Анна умерла черезъ три года послѣ матери.

Сама Лопухина кончила жизнь въ царствованіе Екатерины II, именно 11 марта 1763 года, на 64 году своей жизни.

Судьба Бестужевой-Рюминой была многозначительнѣе: когда она находилась еще въ ссылкѣ, въ Якутскѣ, мужъ ея, шестидесятидвухлѣтній старикъ, успѣлъ жениться въ другой разъ, въ Дрезденѣ, на молодой вдовѣ.

Годъ смерти Бестужевой не извѣстенъ.

Красота Лопухиной пользовалась такою популярностью, что народъ долго помнилъ ее и, по своимъ творческимъ инстинктамъ, создалъ о ней легенду: Лопухина была такая красавица, что когда солдатамъ велѣно было ее разстрѣлять, то они стрѣляли въ нее зажмурившись, не смѣя взглянуть въ лицо красавицѣ.

Теперь и народъ ее забылъ.

III.

Екатерина Александровна Бняжнина, урожденная Сума- рокова.

Намъ предстоитъ теперь сказать о первой, по времени русской писательницѣ.

Едва тяжелая бироновщина покончила свое существованіе, какъ на Руси является женщина - писатель.

Выяснимъ это явленіе въ исторіи русской жизни.

Кому не извѣстно, какое тяжелое время переживала Россія въ теченіе первой половины XVIII-го столѣтія: пятьдесятъ еще лѣтъ послѣ того, какъ Россію насильно поворотили лицомъ отъ востока къ западу и указали ей тамъ, гдѣ заходитъ солнце, образцы иныхъ обычаевъ, иныхъ общественныхъ порядковъ, иного строя жизни, — послѣ того, какъ этотъ «страховатый» для русскаго человѣка западъ, приславшій когда-то, по преданію, варяговъ, чтобъ «княжить и володѣти нами», сталъ высылать къ намъ, помимо фряжскихъ винъ, астрадамовскихъ суконъ и венецейской обьяри, фряжскую цивилизацію съ фряжскими «недоумѣнными» книжками и нѣмецкими «грѣховидными» кафтанами и пр., — пятьдесятъ еще лѣтъ старая Русь старалась вновь поворотить свое лицо отъ запада къ излюбленному востоку и, отворачиваясь отъ этого немилаго запада, упорно вела, въ силу исторической инерціи, неравную борьбу противъ всего, что оттуда исходило и нарушало привычный покой.

Тяжела была эта борьба и для тѣхъ, которые глядѣли на западь, и для тѣхъ, которые отъ него отворачивались. Въ высшихъ слояхъ общества и въ правительственныхъ сферахъ шла — нельзя сказать чтобы ломка: насильственной ломки никакой почти не было — а скорѣе расчистка мусора, кучами оставшагося отъ ветхихъ, самообрушивавшихся зданій ветхой Руси, которыя, падая сами собой, какъ падали когда-то и древнія свайныя постройки съ извѣденныхъ червоточиною устоевъ, давили иногда и обитателей своихъ, заранѣе не выбравшихся изъ своихъ ветхихъ привычныхъ жилищъ.

Много и женщинъ погибло подъ развалинами рушившихся ветхихъ зданій. Не мало такихъ жертвъ уже перечислили мы, и могли бы насчитать еще больше, еслибъ это не стало наконецъ утомительнымъ, притупляющимъ вниманіе и интересъ: женщины ссыльныя, казненныя, заточенныя въ монастыри, сѣченныя кнутами, кошками, батогами, битыя шелепами, плетью, женщины съ отрѣзанными языками, женщины почти въ дѣтствѣ умиравшія отъ невозможности дышать въ 'душной' и пыльной атмосферѣ разрушавшихся зданій — все это такъ однообразно, такъ утомительно, такъ похоже одно на другое.

Но вотъ Россія переваливается за вторую половину XVIII-го столѣтія. Отошли времена Меншиковыхъ, Монсовъ, Миниховъ, Остермановъ, Лестоковъ, Бирововъ.

Становится свободнѣе дышать, привѣтливѣе смотреть русская земля, легче повидимому становится жить нѣкоторой части русскаго общества, которое непосредственно выносило на своихъ плечахъ тяжесть падавшей старины.

И женщинѣ становится относительно легче дышать: мусоръ по-немногу убирается, пыль улегается, болѣе оживленныя женскія лица выступаютъ на свѣтъ божій, женщины съ другими интересами, съ другими чертами, съ другими стремленіями.

Является особый типъ женщины — женщина-писатель.

Это уже не та женщина, которая сидѣла въ теремѣ, въ монастырской кельѣ, вышивала воздухи и орари на церковь, и не та, которая танцевала только на петровскихъ ассамблеяхъ и интриговала при дворѣ съ «деньщиками», а потомъ «пети-метрами», не та, наконецъ, которая шла вмѣстѣ съ мужемъ или любовникомъ въ дворцовые заговоры, чтобы посадить того или другаго у кормила правленія и быть «во времени» — многозначительное слово! — или которая безмолвно шла въ ссылку съ мужемъ или съ отцомъ, замѣшаннымъ въ государственное злоумышленіе.

У этой женщины иная слава, иное честолюбіе. Идеалы ея другіе. Она уже больше, сравнительно, живетъ умомъ. Для нея не чуждъ головной трудъ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ внѣ сферы двора или монастыря. Придворная интрига не влечетъ ее къ себѣ — и жизнь ея слагается иначе, она менѣе пуста и менѣе преступна, и жизнь эта не имѣетъ въ перспективѣ ни ссылки, ни монастыря, ни публичной казни.

Такая русская женщина впервые является именно со второй половины XVIII-го вѣка, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, представляющееея такимъ относительно-полнымъ отдохновеніемъ русскаго общества, истомленнаго борьбами партій, возвышеніями однихъ, паденіями другихъ, снова возвышеніями павшихъ, преслѣдованіями однихъ, паденіями другихъ, снова возвышеніями павшихъ, преслѣдованіемъ однихъ любимцевъ другими, ссылками вчерашнихъ временщиковъ нынѣшними, а завтра — нынѣшнихъ вчерашними, возвращеніями изъ ссылокъ прежнихъ опальныхъ съ замѣною ихъ новыми, недавно опальными.

Женщина-писательница является вслѣдъ за мужчиной-писателемъ, потому что лучшая женщина, во всѣ времена и у всѣхъ историческихъ народовъ, всегда старается дѣлать по-возможности то, что

дѣлаетъ мужчина и что ему нравится: если мужчина танцуетъ въ ассамблеѣ — женщина ничего кромѣ ассамблеи знать не хочетъ; если онъ думаетъ о дворцовыхъ интригахъ—она становится крайнею интриганткою; онъ идетъ въ ссылку—она слѣдуетъ за нимъ.

Но когда лучшіе люди русскаго общества поняли цѣну умственнаго труда и промѣняли на него придворныя и всякія чиновничьи интриги — женщина взялась за книгу, за перо.

Едва явился Ломоносовъ, Сумароковъ, Бняжнинъ, Фонвизинъ — явились и женщины на нихъ похожія, имъ подражающія.

Когда интриговали при дворѣ Монсы, Остерманы, Минихи, Бестужевы-Рюмины, Лопухины — интриговали и ихъ жены, сестры, дочери: Матрена Монсъ-Балкъ, Анна Бестужева-Рюмина, Наталья Лопухина.

Когда же Сумароковъ отдался служенію литературѣ — за его письменнымъ столомъ учится этому служенію и его дочь.

Дочь Сумарокова является первою женщиною-писателемъ въ Россіи.

Знаменитый литературный противникъ Ломоносова, Александръ Петровичъ Сумароковъ имѣлъ двухъ дочерей — Екатерину и Прасковью, изъ которыхъ первая рано обнаружила несвойственное въ то время женщинамъ стремленіе къ занятіямъ литературою, къ производительному умственному труду, и до сего времени не ставшему еще достояніемъ и неотъемлемою принадлежностью женщины въ такой же, или приблизительно такой же мѣрѣ, въ какой онъ всегда былъ достояніемъ мужчины.

Съ той минуты, какъ страшная бироновщина признана покончившею свое существованіе и въ обществѣ, вмѣсто явныхъ толковъ и тайныхъ перешептываній о дворцовыхъ интригахъ, о томъ, который изъ временщиковъ сильнѣе и кто изъ двухъ столкнетъ своего противника съ мѣста, кто войдетъ «во время», въ силу, а кто

пойдетъ въ Тобольскъ, въ Березовъ, въ Пелымъ, — стали говорить о Ломоносовѣ, о его первой «Одѣ на взятіе Хотина», написанной не по образцу утомительныхъ писаній Симеона Полоцкого, Лазаря Бариновича, Іоаннікія Галятовскаго, Феофана Прокоповича и иныхъ, а чистымъ русскимъ языкомъ, о преобразованіи морской академіи, объ основаніи московскаго университета вмѣсто славяно-греко-латинской академіи, наконецъ о журналахъ, о «Трудолюбивой Пчелѣ» и пр., — то вмѣстѣ съ тѣмъ заговорили и о женщинѣ не исключительно съ точки зрѣнія танцовки, красавицы, возлюбленной или невѣсты такого-то, а о женщинѣ учащейся и пишущей.

Вмѣсто словъ «ассамблея», «застѣнокъ», «дыба», «ссылка», въ петербургскомъ и московскомъ обществѣ часто стали раздаваться слова, когда-то раздававшіяся и въ западной Европѣ въ эпоху ея возрожденія, слова— «муза», «Парнасъ», «Аполлонъ», «Геликонъ», «Граціи», и прочіе термины греческой мифологіи и поэзіи. «Ямбъ» и «хорей» замѣнили «дыбу» и «пытку», «диэирамбамъ» — «пристрастный допросъ», «сочинитель» — «запечнаго мастера».

И при дворѣ Елизаветы Петровны чаще и чаще упоминаются греческіе боги и богини. Часто, вмѣсто имени Андрея Ивановича Ушакова, произносятся тамъ имена не только Михайлы Васильевича Ломоносова, Александра Петровича Сумарокова, Якова Борисовича Княжнина, но и имя юной дочери Сумарокова, Катерины. О «Катинкѣ» Сумароковой говорятъ какъ о «пламенной любительницѣ музъ», и ею интересуются, ее хотятъ видѣть какъ рѣдкое, не бывалое явленіе, но ея и побаиваются: юныя сверстницы ея и старшія дамы, воспитанныя еще на меншиковскихъ, остермановскихъ и лестоковскихъ ассамблеяхъ, или въ традиціяхъ бироновщины, не знаютъ, о чемъ съ Сумароковой и говорить, какъ къ ней приступить.

Съ молоденькой Сумароковой — замѣчали впоследствии ^{ея} ея жизнеописатели — «по тогдашнему образу мыслей, большая часть

изъ ея современницъ, предупрежденныхъ не въ пользу наукъ для женщины, боялись сказать лишнее слово».

Но зато — прибавляли эти писатели — съ такою образованною дѣвушкою охотно говорили Ломоносовъ и Шуваловъ.

Извѣстно, что между Ломоносовымъ и Сумароковымъ часто возникали неудовольствія сначала литературнаго, а потомъ далеко не литературнаго свойства. Рѣзкіе отзывы одного о другомъ, еще болѣе рѣзкіе отвѣты другаго и новые нападки перваго; вспыльчивость и несдержанность характера Ломоносова, единоподержавно хотѣвшаго владычествовать на «россійскомъ Парнасѣ» и воевавшаго съ своими литературными русскими врагами въ такой же жесткой и крутой формѣ, въ какой онъ велъ войну въ академіи съ академиками нѣмцами, Шумахеромъ, Миллеромъ и др.; горячность самолюбиваго и входившаго въ силу новаго служителя музъ, такого же какъ и Ломоносовъ щедрого на крупное слово парнаскаго обывателя и гражданина Сумарокова, — все это очень занимало тогдашнее общество, развлекало дворъ, давало пищу толкамъ о литературѣ, о «пѣтигѣ», о «россійскомъ слогѣ и чистотѣ онаго» и еще большими смутами отражалось на «россійскомъ Парнасѣ», гдѣ другъ противъ друга стояли два борца, двѣ славы, старая и молодая, не щадившія одна другую.

Но, несмотря на все это, Ломоносовъ, воюя съ отцомъ юной Сумароковой, «благобовѣйно — говорятъ — всегда подходилъ къ ручкѣ Екатерины Александровны, привѣтствовалъ ее иногда стихами и публично говорилъ:

«Вотъ умница барышня! въ кого такая родилась!»

Конечно, эти слова, произносимыя публично, услужливые пріятели нашихъ литературныхъ противниковъ и тогдашніе сплетники тотчасъ спѣшили передавать Сумарокову, и война загоралась еще въ болѣе ожесточенныхъ формахъ.

Сказать «въ кого такая родилась умница барышня», когда отецъ этой барышни былъ Сумароковъ, это дѣйствительно значило зло пошутить, и шутка, конечно, не проходила даромъ.

Само собою разумѣется, что отецъ гордился своею «Катинькой», которую онъ, когда она была совсѣмъ еще маленькою дѣвочкой, самъ училъ грамотѣ, письму и стихотворству — «пѣтигѣ», потому что дѣвочка была очень понятлива и даровитая ученица, чего Сумароковъ не могъ сказать о другой своей дочери. — Прасковѣ, потому что эта послѣдняя, вышедшая впоследствии замужъ за графа Головина, въ служенію музамъ «не находила себя способною».

При всемъ томъ, Сумароковъ своеобразно относился къ участию женщины въ литературѣ. Страстно любя, чтобы дочери шли по его слѣдамъ, больше думали о Парнасѣ, чѣмъ о танцевальныхъ вечерахъ, о пѣтигѣ больше, чѣмъ о мушкахъ и фижахъ, говорили бы о стихотворствѣ и чистотѣ россійскаго слога больше, чѣмъ занимались бы толками о пети-метрахъ, — не могъ, однако, помириться съ тою мыслью, чтобъ женщина, а особливо дѣвушка, писала стихи отъ своего имени, отъ лица женщины, и всего менѣе когда рѣчь должна была касаться мнѳологическаго и дѣйствительнаго амура.

— Въ дѣвицамъ это нейдетъ! -- говорилъ онъ нерѣдко: -- благовоспитанная стихотворица дѣвица должна только думать о мастерствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ полюбовныхъ.

Какъ бы то ни было, но слава юной стихотворицы росла съ каждымъ днемъ въ обществѣ и при дворѣ.

Дѣвушка была уже на возрастъ, и у нея явилось не мало молодыхъ и старыхъ поклонниковъ. Многіе готовы были бы предложить ей руку; но смѣльчаковъ было мало, которые бы рѣшились присвататься къ образованной дѣвушкѣ.

— За кого ей идти? -- говорили въ городѣ: -- кромѣ Якова Борисовича не за кого. На такой барышнѣ люди простые не женятся, да и сама Катерина Александровна за простаго не пойдетъ.

Этотъ Яковъ Борисовичъ былъ никто другой, какъ тоже извѣстный писатель того времени, писатель уже третьяго поколѣнія, для котораго Сумароковъ былъ какъ-бы литературнымъ отцомъ, а Ломоносовъ — дѣдушкой: это былъ Княжнинъ.

Онъ одинъ осмѣливался показывать любезное расположеніе къ образованной дочери Сумарокова, и сблизился съ нею.

Съ своей стороны дѣвушка вполне довѣрилась Княжнину, который занимался съ нею литературою, читалъ ей и свои и чужія, входившія въ моду стихотворенія тогдашнихъ поэтовъ и иногда, тихонько отъ отца, поправлялъ ей ея собственныя произведенія, которыя дѣвушка, при его содѣйствіи, и печатала въ издававшемся тогда въ Петербургѣ журналѣ, въ «Трудолюбивой Пчелѣ».

Княжнинъ — повѣствуютъ наши старые хронографы — «былъ отъ Сумароковой безъ ума, и весь дворъ зналъ уже о любви Якова Борисовича; знали, что онъ совѣтовался о своихъ стихахъ съ будущею своею супругою; знали, что онъ поправлялъ ей стихи».

Такъ, при помощи Княжнина и тихонько отъ отца, дѣвушка напечатала свои пѣсни, конечно анонимно, и произвела ими большой эффектъ въ петербургскомъ обществѣ, которому надоѣли пятьдесятъ лѣтъ продолжавшіяся всякія дворцовыя и недворцовыя интриги и которому хотѣлось отдохнуть за чувствительной пѣсней, за хорошей музыкой. Приложенная къ пѣснямъ Сумароковой музыка сочинена была извѣстнымъ тогда композиторомъ Раупахомъ.

Сумароковъ догадался, что это—дѣло его дочери и Княжнина, становившагося новою литературною силою, — его дочка нашла издателя.

Старикъ разсердился на эту вольность дочери и перепечаталъ ея пѣсни отъ своего имени въ «Трудолюбивой Пчелѣ», снабдивъ это второе изданіе особою выноскою такого оригинальнаго содержанія:

«Сии пѣсни найдены мною, между прочими напечатанными моими пѣснями, съ приложенными къ нимъ нотами, подъ чуднымъ титуломъ».

Желая, чтобы дочь не выходила изъ-подъ его руководства, самолюбивый старикъ наблюдалъ, чтобы его «Катинька» писала только о томъ, о чемъ онъ желалъ говорить, и потому она иногда поневолѣ должна была дѣлаться его литературной союзницей.

Такъ, по поводу войны Сумарокова съ старыми и новыми литераторами, съ Ломоносовымъ и его юнѣйшими ученигами, Катерина Александровна Сумарокова напечатала стихотвореніе «Противъ злодѣевъ», подъ которыми разумѣлись именно литературные враги ея отца.

Вотъ это стихотвореніе первой русской писательницы, написанное отъ имени мужчины:

На морскихъ берегахъ я сижу,
Не въ пространное море гляжу,
А на небо глаза возвожу,
Стоя въ пуская въ селеніе далеко.
Сердце жалобы къ небу возноситъ печально:
Ахъ, злодѣи насъ мучать нахально!
Правосудное небо воззри,
Милосердіе намъ сотвори
И всѣ дѣйствія мои разбери.
Во всей жизни минуту я каждую
Утѣсняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду!
Иль на свѣтъ я рожденъ для того,
Чтобъ гонимъ былъ не зная для чего,

Чтобъ не трогаль мой стонъ никого?
Въ день и въ ночь мной тоска обладаетъ;
Томно сердце всечасно рыдаетъ, —
Иль не будетъ напастямъ конца?
Вопію ко престолу творца:
Умягчи, Боже, злыя сердца!

И злыя сердца дѣйствительно умягчались, когда узнавали, что это писала дѣвушка, — и суровый Ломоносовъ съ любовью повторялъ: «Умница барышня! Въ кого такая родилась!»

Случалось и такъ, что, повинувшись запрету отца, дѣвушка печатала свои стихи, какъ мужчина, съ обращеніемъ будто-бы отъ мужскаго имени къ коварной и жестокосердой возлюбленной, къ «любовницѣ», какъ тогда выражались, — и въ обществѣ вдругъ являлись передѣлки стиховъ Сумароковой, гдѣ ужъ жестокосердая «любовница» замѣнялась «коварнымъ» «любовникомъ»: всѣ были довольны остроумной пародіей, всѣхъ это занимало, и еще больше росла слава первой русской писательницы.

Въ скоромъ времени юная Сумароков а вышла замужъ за Бяжнина, и продолжала свою литературную профессію.

Такъ положено было начало переворота въ исторіи русской женщины, начало ея духовнаго возрожденія.

Сумароковой-Княжниной безспорно принадлежитъ достойный уваженія починокъ въ этомъ дѣлѣ. За Сумароковой-Княжниной исторія должна признать честь введенія русской женщины въ кругъ дѣателей мысли и слова, и было бы весьма желательно, чтобы русская наука не оставляла долге въ безвѣстности произведеній первой русской писательницы, какъ ни слабы, какъ ни дѣтски эти произведенія.

Еслибы наша академія приняла на себя трудъ компактнаго изданія всего, что успѣла высказать въ печати русская женщина

хотя бы со времени Сумароковой-Княжниной, а потому что высказано и что сдѣлано ея преемницами — Ржевскою, Вельяшовою-Волынскою, Зубовою, Храповицкою, Меншиковою, Буниною, Волконскою, Хвостовою, Орловою, Ниловою, Голицыною, Пospѣловою и др., о которыхъ нами будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, то этимъ академія оказала бы драгоценную услугу исторіи нашего духовнаго развитія. •

IV.

Александра Федоровна Ржевская, урожденная Каменская.

Не много, кажется, времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось первое поколѣніе женщинъ XVIII вѣка, женщинъ Петровской эпохи, а потомъ второе поколѣніе женщинъ этой же эпохи и слѣдующей за ней, женщинъ времени Екатерины I, Анны Ивановны, Бирона; однако уже цѣлая бездна раздѣляетъ женщинъ перваго и втораго поколѣній отъ третьяго.

Женщины первыхъ двухъ поколѣній хорошія танцорки, искусныя интриганки, иногда блестяще по тому времени воспитанныя, прекрасно говорящія на разныхъ языкахъ; но ни одна изъ нихъ не умѣетъ на письмѣ толково выразить свою мысль, грамматически не можетъ связать двухъ словъ. Анна Монсъ и Екатерина I, пользовавшіяся любовью преобразователя Россіи, писать совсѣмъ почти не умѣютъ, особенно послѣдняя; свѣтлѣйшая княгиня Дарья Михайловна Меншикова тоже пользуется секретарскими услугами своей сестры, Варвары Михайловны Арсеньевой, грамматическія познанія которой также не очень обширны,—это женщины перваго поколѣнія преобразованной Россіи. Второе поколѣніе женщинъ писать умѣютъ—но какъ? образчики этого письма представляютъ намъ письма «Маврутки» Шепелевой къ великой

княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, письма княжны Юсуповой къ Аннѣ Юленевой—кузничихѣ, письма, наконецъ, Александры Салтыковой, урожденной княжны Долгорукой, къ все-сильной Матренѣ Балкѣ:—это хуже литературы какихъ-нибудь горничныхъ.

«Маврутка» Шепелева, придворная особа, приближенное къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, супругѣ герцога голштинскаго, лице, живя съ герцогиней въ Килѣ, пишетъ интимныя письма въ Россію къ цесаревнѣ и будущей императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ такимъ невообразимымъ языкомъ:

«Великая государыня цесаревна Элизабетъ Петровна! Донашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здравьѣ. Поздравляю васъ тезаименитствомъ вашимъ, дай Боже вамъ долгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалась, которо у нас в Кили, и въвсяко ваша намереніе оканчалось. Еше шь данашу я вашему цесарьскому высочеству, что пріехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Августъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурьлинъ, и такъ тоногъ, глаза такія какъ у васъ цветомъ и такъ велики, ресницы черъныя, брови темнарусія, волосы такія какъ у Семона Кириловича, белъ, немного почерънея покойника Бышова и румяницъ алой всегда въ щекахъ, зубы беліи и хороши, губи всегда али и хараши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанка паходитъ на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молать, 19 летъ, волосы свои носить, и волосы на паесъ, руки паходятъ очинъ на Бутурьлини, и в Олександровъ день положила на нево кавалерию цесаревна», и т. д.

Подумать можно, что пишетъ какой-нибудь солдатъ изъ полка въ деревню.

Александра Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая, находившаяся, как мы видѣли, въ родствѣ съ царскимъ домоу, пишетъ ко двору, къ генеральшѣ Балкѣ:

«Гасудараня мая матрена ивановъна многолетню зъдравствуй купно со въсеми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюся... Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать по своему обещанію верьно такошъ где възможно¹, упоминать въ милости ее величеству, гасударыне циа, въчемъ на милость вашу безсумненъною надежду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что ви извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решение на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видетъ. Остаюсь вамъ² веръная до смерти александра. Прошу отъ меня покъланитъца ее милости анъне ильнишъне».

Читая это писанье, можно подуматъ, что это горничная пишетъ своей барынѣ, и притомъ горничная не благовоспитанная. А оказывается, что это дѣловое письмо одной придворной особы къ другой придворной особѣ, — однимъ словомъ, это пишетъ княжна Долгорукая къ ближней особѣ императрицы Екатерины Алексѣевны.

И вотъ, въ слѣдующемъ, третьемъ поколѣніи этихъ женщинъ являются уже писательницы: онѣ идутъ въ-уровень съ литературой своего времени; онѣ завоевываютъ себѣ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія и пріобрѣтаютъ историческое безсмертіе.

Такъ спасительно было удаленіе изъ русскаго общества глетворнаго духа дворцовой интриги, борьбы изъ-за мѣста, изъ-за власти, изъ-за «времени».

Мы уже познакомились съ одною изъ женскихъ личностей третьяго поколѣнія русскихъ женщинъ XVIII вѣка, съ первою русскою писательницею, Сумароковою-Княжниною.

Но если явилась первая, то должна была явиться и вторая.

Этою второю была Александра Федотовна Ржевская, родная сестра бывшего потомъ фельдмаршаломъ графа Михаила Федотовича Каменскаго.

Новиковъ говоритъ, что дѣвица Каменская «является на поприщѣ російской словесности почти современною Катеринѣ Александровнѣ Княжниной».

Замѣчательно, что появленію женщины на литературномъ поприщѣ способствовало вліяніе образовывавшихся въ то время литературныхъ кружковъ, интересы которыхъ, по счастью, вращались внѣ того заколдованнаго круга, въ которомъ, какъ бѣлка въ колесѣ, билось высшее русское общество первой половины XVIII столѣтія, внѣ круга дворцовой интриги, выискиванья мѣсть, подкапыванья подъ друзей и недруговъ, внѣ круга заговоровъ для личной выгоды, а не для выгодъ страны.

Литература сразу поставила себя выше этихъ дрязгъ и, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ Тредьяковскаго, хотѣвшаго во что бы то ни стало втереться въ этотъ заколдованный кругъ, выдѣлилась въ особый кружокъ, удалилась въ свою маленькую нравственную территорію, на свой мифологическій Парнасъ, и горячо разсуждала тамъ о греческихъ богахъ и богиняхъ, о «дактиляхъ» и «ексаметрахъ».

Литераторы явились хотя робкими, но честными борцами прежде всего за русское слово, за его чистоту, а потомъ и за идею правды и добра, за чистоту человѣка.

Оттого дворъ императрицы Елизаветы Петровны и отнесся къ нимъ сочувственно, какъ къ людямъ умнымъ и честнымъ,

не вмѣшивавшимся въ политику, которая тогда понималась такъ узко.

Общество литераторовъ стало привлекательнымъ, заманчивымъ. Лучшие люди потянулись въ этотъ лагерь.

Неудивительно, что потянулась туда и женщина, наиболѣе сочувственно отзывающаяся на всякое живое и доброе дѣло.

Дѣвицу Каменскую мы видимъ въ обществѣ Сумарокова и въ нѣкоторомъ товариществѣ съ его любимой дочерью «Катинькою», первую русскую писательницей.

Неудивительно, что вліяніе кружка Сумарокова сдѣлало и Каменскую писательницею.

Какъ «Катинька» Сумарокова вышла, замужъ за литератора Княжнина, такъ и Каменская нашла себѣ мужа въ литературномъ кружкѣ, въ лицѣ Алексѣя Андреевича Ржевскаго, принадлежавшаго къ числу хорошихъ знакомыхъ Сумарокова.

Ржевская, подобно Сумароковой, начала рано писать. Стихи ея помѣщались въ тогдашнихъ журналахъ и привлекали общее вниманіе людей, начинавшихъ интересоваться чтеніемъ, начинавшихъ учиться пониманію общественныхъ интересовъ.

Сумарокова-Княжнина и Каменская-Ржевская были пионерами чловѣчныхъ правъ женщины.

Ржевская, слѣдя за литературой западной Европы, искала тамъ образцовъ для своихъ произведеній и, побуждаемая славою извѣстныхъ тогда во всей Европѣ «Перуанскихъ писемъ», написала оригинальный романъ подѣ заглавіемъ — «Письма кабардинскія».

Еще когда романъ былъ въ рукописи, объ немъ много возбуждено было толковъ въ обществѣ. Всѣ наперерывъ старались прочесть его—и онъ читался въ кружкахъ литераторовъ.

Слухъ о новомъ произведеніи молодой русской писательницы, соперницы Сумароковой, дошелъ до двора.

Дворъ заинтересовался новымъ романомъ — это была уже побѣда женщины надъ преданіемъ.

Романъ, еще не напечатанный, пожелали прочесть во дворцѣ. Современники по этому случаю отзываются, что «рукопись была принята всѣмъ дворомъ съ необыкновенною похвалою».

Стихи молодой писательницы наперерывъ печатались въ тогдашнихъ журналахъ, потому что, по свидѣтельству бытописателей прошлаго вѣка, на Ржевскую литература возлагала много надеждъ, — «ожиданія были велики».

Но ожиданіямъ этимъ суждено было сбыться только на-половину, даже менѣе: русская литература лишилась одного изъ талантливейшихъ своихъ представителей.

Ржевская умерла въ 1769 году — всего двадцати осми лѣтъ отъ-роду.

Вотъ современная эпитафія, отчасти характеризующая нравственный образъ второй, по времени, русской писательницы:

Здѣсь Ржевская лежитъ: пролейте слезы, музы!

Она любила васъ, любезна вамъ была,
Для васъ и для друзей на свѣтѣ семь жила;
А нынѣ смерть ее въ свои прияла узы.
Среди цвѣтущихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,

Рокъ жизнь ея пресѣкъ:

Увянулъ острый умъ, увяла добродѣтель,
Погибло мужество и бодрый духъ ея.

Могущій Всесодѣтель!

Она ли участи достойна есть сая,
Чтобъ вѣкъ ея младый пресѣкло смерти жало?
Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало?
Въ достоинствахъ она толико процвѣла,
Что полу женскому здѣсь честію была:
Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,
Ни нравъ, кой столь же пріятно украшалъ,
Который и друзей и мужа утѣшалъ,

Ни сердце нѣжное ее не защитили
И смерти лютыя отъ ней не отвратили!
Великая душа, мужаясь до конца,
Достойна сдѣлалась лавровою вѣнца.
Скончавшись, Р жевская оставила супруга;
Супругъ въ ней потерявъ любовницу и друга,
Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать ввѣкъ:
Но что жъ ей пользы въ томъ? Вотъ что есть человѣкъ!

За Р жевской слѣдуютъ уже женщины-писательницы екатери-
нинскаго времени: первое время дѣйствуютъ еще ученицы Ломоно-
сова и Сумарокова, а потомъ онѣ уступаютъ мѣсто ученицамъ
Державина, Новикова, Фонвизина.

Но объ этомъ четвертомъ поколѣннн русскихъ женщинъ про-
шлаго вѣка мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

V.

Императрица Екатерина II.

Изъ всѣхъ русскихъ женщинъ осьмнадцатаго вѣка Екатерина II представляетъ собою наиболѣе полное отраженіе цѣлой половины этого вѣка— всю такъ-сказать сумму содержанія помянутаго пятидесятилѣтія, всѣ периферіи общественной и государственной жизни, совершившіяся въ полвѣка историческаго существованія Россіи, и всѣ ея положительныя и отрицательныя стороны.

Богатая личность эта могла бы быть названа, если можно такъ выразиться, микрокосмомъ тогдашней Россіи, еслибы только по рожденію своему не принадлежала чуждой намъ народности и связана была съ русскою землею не адоптивною, но кровною, органическою связью, хотя однакожь адоптивность эта не мѣшала ей быть едвали [не болѣе русскою по душѣ, чѣмъ тѣ многія изъ русскихъ женщинъ, въ жилахъ которыхъ безъ примѣси текла русская кровь, надъ колыбелью которыхъ пѣлась русская пѣсня о злой татарщинѣ и о полоняночкѣ и которыя съ колыбели росли на русскомъ солнышкѣ. Ничего этого не знала Екатерина II.

Но, разсматривая эту личность въ зависимости отъ среды, которая воздѣйствовала на ея собственное развитіе и давала для этого развитія необходимый матеріалъ, въ зависимости отъ условій, отъ

которыхъ не бываетъ свободна ни одна личность, какъ бы повидимому самостоятельно ни вырабатывалась ея индивидуальность, мы не можемъ не замѣтить, что Екатерина II, при всей видимой самобытности и цѣльности ея богато одаренной природы, была прямымъ и непосредственнымъ продуктомъ времени, нѣсколько ей предшествовавшего. Говоря другими словами, Екатерина является не творцомъ и не доминирующимъ началомъ такъ-называемаго «екатерининскаго вѣка», а только продолженіемъ того, что начали другіе, раньше ея. Если кто бросилъ въ русскую почву зерно, изъ котораго выросъ «екатерининскій вѣкъ», такъ это Елизавета Петровна и люди ея времени, начиная отъ Ломоносова и Сумарокова и кончая такими, мало кому извѣстными личностями, какъ Бняжнина, Ржевская и другія женщины. Самые блестящіе годы царствованія Екатерины II были только выполненіемъ программы, созданной творческой силою Елизаветы Петровны, значеніе которой для Россіи до сихъ поръ не объяснено достаточно: Екатерина II была только ея ученицей, но ученицей даровитой, неутомимо дѣятельной и практической.

Елизавета Петровна, какъ мы указали на это въ ея характеристикѣ, представляетъ собою болѣе цѣльный типъ, чѣмъ кака-либо другая женщина того времени, болѣе чѣмъ самыя выдающіеся государственные дѣятели ея вѣка и болѣе чѣмъ Екатерина. Она не поддавалась рабскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ только внѣшнему копированью всего нѣмецкаго, хорошаго и дурнаго, лишь бы оно было не русское. Напротивъ, будучи еще цесаревной, она была свободна отъ этого нравственнаго рабства: ея симпатіи лежали къ русской національной почвѣ, къ русскому народу и выражались самостоятельно. Живя частнымъ лицомъ и даже нѣсколько въ заточѣ отъ Миниховъ и Остермановъ, еще цесаревной, оставшись сиротой послѣ своего великаго родителя и скоро за нимъ сошед-

шей въ могилу матери, Елизавета Петровна сошлась съ народомъ. Она жила въ селѣ, на виду у крестьянъ и посадскихъ людей, участвовала въ сельскихъ крестьянскихъ хороводахъ, пѣла съ крестьянскими дѣвушками хороводныя пѣсни, сама ихъ сочиняла. Затѣмъ, она любитъ и ласкаетъ русскаго солдата и находитъ не неприятнымъ его сообщество. Всякій солдатикъ и компанеецъ свободно идетъ къ ней, къ своей «матушкѣ цесаревнѣ», съ имяниннымъ пирогомъ и получаетъ чарку анисовки изъ рукъ цесаревны, которая и сама непрочь, «по-батюшкину», выпить за здоровье солдата. Всѣ придворные пети-метры и маргизы не пользуются расположеніемъ цесаревны, а, напротивъ, ей больше нравится общество русскихъ и малорусскихъ пѣвчихъ, между которыми она сама поетъ «первымъ дишкантистомъ». Ей близокъ и пѣвчій Чайка, умершій въ Килѣ «отъ желчи», и пѣвчій Тарасевичъ, и сержантъ Шубинъ; а въ послѣдствіи пѣвчій Алексѣй, сынъ малороссійскаго казака Грицька Розума, становится ея супругомъ. Она сама пишетъ русскіе стихи. Она покровительствуетъ созданію русскаго театра, первыхъ русскихъ гимназій, перваго русскаго университета. При ней получаетъ начало русская литература, русская журналистика. Все русское, придавленное Петромъ, оживаетъ, получаетъ силу, хотя Россія и не отворачивается отъ запада, куда Петръ насильно повернулъ ее лицомъ такъ круто, что едва не повредилъ ей позвоночный столбъ.

Въ то время, когда все это совершалось, когда русская мысль и русскія симпатіи находили кругомъ отголосокъ и крѣпли явственно, въ это-то именно время молоденькая принцесса ангальтъ-пербстская, будущая Екатерина II, еще въ качествѣ великой княжны, присматривалась только ко всему русскому и училась тому, что находило и сочувствіе и поддержку въ Елизаветѣ Петровнѣ.

Своимъ практическимъ умомъ Екатерина поняла, что для того, чтобы быть русскою царицею и быть любимою своимъ народомъ,

необходимо быть такою, какова была Елизавета Петровна, подражать ей, продолжать то, что та начала.

И Екатерина II действительно была продолженіемъ Елизаветы Петровны и лучшихъ людей ея времени, хотя—нельзя этого отрицать — продолженіемъ блестящимъ, затмившимъ даже свое начало, какъ Екатерина блескомъ имени своего затмила скромное имя Елизаветы.

Иначе, по нашему мнѣнію, и нельзя понимать личность Екатерины II.

Все, что мы ниже скажемъ о Екатеринѣ II, будетъ подтвержденіемъ только того, что мы сейчасъ уже сказали: повидимому лишь а priori.

Екатерина родилась въ городѣ Штетинѣ, въ Помераніи, въ 1729-мъ году, 21 апрѣля, т. е. года черезъ четыре послѣ смерти Петра Великаго и черезъ два года по смерти Екатерины I.

По рожденію она принадлежала къ роду ангальтъ-цербстъ-бернбургскому, и родилась въ губернаторскомъ домѣ, потому что отецъ ея былъ губернаторомъ Прусской Помераніи. Мать ея была родная сестра того епископа любскаго, который былъ женихомъ Елизаветы Петровны, въ то время еще цесаревны, и котораго цесаревна страстно любила и долго не забывала; онъ, какъ извѣстно, умеръ женихомъ цесаревны.

Въ домѣ родительскомъ будущая императрица Екатерина II носила имя Софіи-Августы-Фредерики, гдѣ и получила первоначальное воспитаніе.

Изъ дѣтскихъ ея воспоминаній болѣе крупнымъ должно было оставаться то, что родители ея часто посѣщали дворецъ Фридриха II, и дѣвочка-принцесса видывала этого государя, имя котораго было такимъ громкимъ въ Европѣ. Никто, конечно, не догадывался, что и имя маленькой принцессы Софіи-Августы будетъ впоследствии

не менѣе громкимъ и будетъ оспаривать первенство у имени Фридриха, короля-философа.

Софія-Августа — это была дѣвочка живая и рѣзвая. Она, по свидѣтельству ея біографовъ, была гибка какъ сталь, но и упруга какъ стальная пружина: принявъ какую угодно форму подъ давленіемъ чужой воли, она потомъ опять выпрямлялась и подучала свою первобытную форму, въ какую выковала ее природа. При этой стальной гибкости, дѣвочка была послушна какъ ребенокъ, но подчасъ проявляла самостоятельность не ребяческую.

До пятнадцати лѣтъ дѣвочка ничего не видѣла кромѣ своего Штетина, если не считать посѣщеній королевскаго дворца. Съ пятнадцати же лѣтъ ей предстояло далекое переселеніе на востокъ.

Въ головѣ ея матери сложился широкій планъ — сдѣлать Софію-Августу русской императрицей, и она съ тактомъ подошла къ выполненію этого плана. Она знала, что Елизавета Петровна чтитъ память своего жениха; а этотъ покойный женихъ былъ дядя Софіи-Августы, Елизавета же Петровна была въ то время самодержавною русскою императрицею. И вотъ при помощи Фридриха II она начала устраивать судьбу своей дочери, взявъ въ основаніе своихъ домогательствъ то, что Софія-Августа — племянница того самаго любскаго епископа, который когда-то былъ такъ дорогъ Елизаветѣ Петровнѣ.

Въ 1744-мъ году мать привозитъ Софію-Августу въ Москву. Гибкая, упругая и послушная, пятнадцатилѣтняя дѣвочка скоро полюбилась императрицѣ, и дѣвочку оставляютъ въ Россіи.

Въ Россіи въ это время воспитывался племянникъ Елизаветы Петровны, сынъ несчастной сестры ея Анны Петровны, слишкомъ рано умершей въ Килѣ и въ наслѣдство послѣ себя оставившей ребенка, который впоследствии былъ императоромъ русскимъ, подъ именемъ Петра III.

Вотъ съ этимъ-то племянникомъ Елизаветы и предрѣшена была свадьба рѣзвой принцессы Софіи-Августы.

Какъ будущей невѣстѣ наследника русскаго престола, ей даютъ русскихъ учителей: въ грекороссійскомъ законѣ наставлялъ ее Симеонъ Тодорскій, въ русскомъ языкѣ — Ададуровъ.

Софія-Августа сама предугадала свою судьбу, и съ жаромъ занялась изученіемъ русскаго языка: русская рѣчь, русскія симпатіи, которыми была проникнута и Елизавета Петровна, — все это стало для Софіи-Августы путеводною звѣздою, и эта звѣзда довела ее до трона, пронесла ее прославленное имя по всей Европѣ, покорила ей часть Польши, Новороссію, Крымъ, часть Кавказа, вписала ее имя въ исторію въ числѣ великихъ женщинъ всего міра.

Ададурову Екатерина обязана столько же, сколько и своей даровитости: при его помощи она поняла, чѣмъ она можетъ быть сильна въ Россіи, и очень искусно умѣла этимъ воспользоваться.

Скоро Софія-Августа приняла греческій законъ и названа Екатериною: съ этимъ именемъ она прославилась, и это имя занесено на страницы исторіи.

Когда Екатеринѣ Алексѣевнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца, послѣдовало ея бракосочетаніе съ великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ.

Молодые люди были однихъ лѣтъ, но далеко не были одарены равномѣрными способностями, далеко также не сходились и характерами. Петръ Федоровичъ унаслѣдовалъ характеръ своего родителя, принца голштинскаго: это была личность далеко не сдержанная, воля, не направленная къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ она должна быть направлена. Для Петра Федоровича Россія была чужою страной: его симпатіи лежали къ западу, къ родной Голштиніи; русскіе интересы онъ могъ измѣрять только съ точки зрѣ-

нія своихъ симпатій; Россія почти не знала его, какъ своего великаго князя. У него на западѣ былъ одинъ образецъ—Фридрихъ II, и когда Россія вела войну съ Пруссіей, Петръ Федоровичъ, будучи наслѣдникомъ престола, тайно сообщалъ Фридриху, врагу Россіи, все, что противъ него предпринималось, въ чемъ сознавался самъ впоследствии, когда уже былъ императоромъ. Онъ окруженъ былъ голштинцами, а русскіе все стояли отъ него далеко.

Не такъ понимала задачу своей жизни его молодая супруга. Въ своей привязанности къ Россіи, къ русскимъ людямъ, къ русскому обряду, къ русской рѣчи она искала свою силу—и нашла ее.

Свои молодые годы Екатерина не даромъ употребила. Въ то время, когда ея супругъ изучалъ голштинскіе и прусскіе солдатскіе приемы, когда въ своемъ кабинетѣ дѣлалъ разводы и военные парады при помощи оловянныхъ игрушекъ, изображавшихъ солдатиковъ въ разныхъ прусскихъ и голштинскихъ мундирахъ, Екатерина усидчиво училась и намѣчала для себя дѣльныхъ людей изъ числа русскихъ придворныхъ.

Съ самаго начала она страстно отдалась набожности. Но ея живой умъ требовалъ новой пищи, новыхъ познаній, и Екатерина съ такою же страстью обратилась къ чтенію серьезныхъ книгъ, чѣмъ и подготовила для всей своей будущей государственной жизни обширный запасъ свѣдѣній. Начавъ съ Плутарха и Тацита, она перешла къ Монтескье, отъ Монтескье къ Вольтеру, къ энциклопедистамъ. Вся западная литература была ею прочитана, изучена, оцѣнена. Философскія тенденціи вѣка не прошли мимо нея: она пытливо взвѣшивала и теоріи энциклопедистовъ, и теоріи ихъ противниковъ. Въ двадцать лѣтъ она могла поддерживать философскій и политическій разговоръ съ самымъ просвѣщеннымъ человекомъ своего вѣка, и замѣчанія ея были умѣстны, вопросы осмысленны, отвѣты находчивы, иногда ѣдки, но не обидчивы.

Ко двору императрицы она являлась одѣтою просто, скромно. Въ то время, когда другія придворныя дамы искали ловкихъ, веселыхъ и красивыхъ собесѣдниковъ, Екатерина держалась больше около старичковъ, около иностранныхъ посланниковъ, министровъ, заѣзжихъ путешественниковъ и искала у нихъ чему-либо поучиться.

Эта черта замѣчена и за княгиней Дашковой, когда она была еще молоденькою графинею Воронцовою: это мы увидимъ ниже, въ характеристикѣ княгини Дашковой.

Разсказываютъ, что прусскій министръ Мардефельдъ, пораженный зрѣлостью суждений Екатерины, когда она была еще великою княжною, шепнулъ ей на одномъ изъ придворныхъ собраний:

— *Madame, vous regnerez, ou je ne suis qu'un sot.*

— *J'accepte l'augure*, -- также тихо отвѣчала Екатерина, — и была права.

Мардефельдъ не ошибся: она дѣйствительно царствовала.

Въ свой интимный кружокъ она допускала только людей съ русскимъ именемъ — это ей указывала ея путеводная звѣзда, ея практическій умъ. Такъ она приблизила къ себѣ извѣстнаго впоследствии Захара Чернышева, Льва Нарышкина, А. Строгонова, С. Салтыкова. Салтыковъ былъ камергеромъ ея супруга, Петра Федоровича, и потому имѣлъ болѣе свободный къ ней доступъ и пользовался ея дружбой.

Девять лѣтъ бракъ Екатерины былъ бесплоденъ, хотя она и испытала два раза несчастные роды—и будущаго наследника русскаго престола все-еще не было.

Наслѣдникъ этотъ родился только въ 1754-мъ году, когда Екатеринѣ было уже двадцать пять лѣтъ.

Но какъ императрица Анна Иоанновна взяла когда-то къ себѣ наследника русскаго престола, Иоанна Антоновича, едва онъ только родился, такъ Елизавета Петровна взяла у Екатерины ея сына,

Павла Петровича, помѣстила его въ своихъ покояхъ и только изрѣдка позволяла матери видѣть своего ребенка.

Такъ прошло шесть лѣтъ.

Екатерина Алексѣевна переживаетъ уже пору первой молодости. Ей уже исполнилось тридцать лѣтъ. Пятнадцать лѣтъ она замужемъ. То взаимное отчужденіе, которое сказывалось въ отношеніяхъ Екатерины и Петра вслѣдствіе несходства характеровъ и противоположности интересовъ, преслѣдуемыхъ ими, съ годами становилось открытѣе и росло въ возрастающей прогрессіи; между супругами ложилась пропасть—сближеніе было не возможно.

Надо было имѣть много вѣры въ свою силу, чтобы будущее не представлялось для Екатерины угрожающимъ, и она имѣла эту вѣру, имѣла и реальныя основанія думать, что у нея подъ ногами есть почва. Кругъ друзей Екатерины хотя былъ не великъ, но глубоко ей преданъ. Страстная привязанность къ ней княгини Дашковой, молодой энтузіастки, которую такъ-сказать на рукахъ носили лучшіе офицеры гвардіи, возвышала популярность великой княгини въ войскѣ. Екатерина все болѣе и болѣе становилась русскою, имя ея чаще и чаще упоминалось во всѣхъ вліятельныхъ кружкахъ, между тѣмъ какъ великій князь оставался въ тѣни, заслоняемый отъ Россіи своею голштинскою стѣною, которою онъ такъ-сказать самъ огородилъ себя.

Но вотъ умираетъ Елизавета Петровна. На престолѣ Петръ III—онъ выходитъ изъ тѣни по неизбежному ходу дѣлъ, а тѣнь переносится на Екатерину.

Но и въ этой тѣни ея фигура выступаетъ величаво, царственно.

Глубоко понять этотъ роковой въ нашей исторіи моментъ даровитымъ художникомъ Н. Н. Ге и перенесенъ на полотно въ послѣдней его замѣчательной картинѣ—«Екатерина у гроба Елизаветы Петровны». Императоръ Петръ III только-что поклонился

гробу отошедшей въ вѣчность царственной тетки своей и предметницы, и удаляется съ своею свитой: по праву, онъ долженъ былъ первый проститься съ покойницей; послѣднею подходит поклониться гробу покойницы Екатерина; но что-то во всей картинѣ художника говорить, что послѣдняя становится первою, а первый—послѣднимъ. Не уловимо повидимому выраженіе лица Екатерины; но художникъ далъ этому лицу столько обаянія и такую опредѣленность мысли, что оно безъ словъ говорить то, что желаетъ высказать: эта смѣлая, великолѣпная голова, съ ея скромною, исторически вѣрною прическою, такъ реально отдѣляется отъ полотна, что когдаходишь къ картинѣ, то такъ и ждешь, что голова эта повернется и окинетъ царственнымъ взглядомъ подходящаго къ картинѣ. И слѣдующая за нею княгиня Дашкова, и, всѣ эти въ почтительномъ отдаленіи стоящія мужскія фигуры всею своею солидностью выражаютъ, кажется, одну и ту же тайную мысль, которую когда-то Мардефельдъ шепнулъ на ухо Екатерины.

И эта мысль скоро осуществилась.

Въ характеристикѣ княгини Дашковой, на основаніи ея записокъ, мы обстоятельно излагаемъ самый фактъ возшествія на престоль Екатерины, а потому здѣсь мы не будемъ говорить объ этомъ предметѣ, чтобъ не повторяться.

Наша цѣль въ данномъ случаѣ—собственно характеристика самой Екатерины.

Мы сказали, что главная ея заслуга состояла въ томъ, что она, предъявляя свои права на престоль, дѣлала это въ видахъ ближайшаго огражденія русскихъ интересовъ, которымъ угрожала опасность. И въ этомъ случаѣ, роковымъ въ жизни Екатерины и Россіи, Екатерина явилась непосредственнымъ продолженіемъ той государственной идеи, полнымъ выраженіемъ которой была только-что скончавшаяся дочь Петра Великаго.

Эту чисто-русскую идею Екатерина и высказываетъ въ первомъ своемъ манифестѣ, съ которыми она обратилась къ Россіи, какъ императрица.

«Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества російскаго явно оказалось -- возглашала она въ манифестѣ 28 іюня, -- какая опасность всему російскому государству начиналася самымъ дѣломъ, а именно: законъ нашъ православный греческій перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности переменною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава російская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе; а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, всеѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемерное, вступить на престоль нашъ всероссійскій самодержавно, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили» (Полн. Собр. Зак. XVI, 11582).

Но, кромѣ того, русскому народу нужно было осязательное доказательство того, что новая императрица приняла близко къ сердцу нужды своего народа и что она хорошо знаетъ эти нужды.

А нужды эти были дѣйствительно велики. Эпоха преобразований, войны съ шведами и турками, созданіе флота, построеніе новыхъ крѣпостей, проведеніе каналовъ, учрежденіе фабрикъ и заводовъ—все это такую тяжестью ложилося на народную экономію,

что никогда, кажется, Россія не была такъ бѣдна и истощена, какъ при Петрѣ и первыхъ его преемникахъ, что народу приходилось расходиться врозь, и онъ расходился, убѣгалъ за границу, въ лѣса, скитался по степямъ, потому что ему было и ѣсть нечего и платить за свои души нечѣмъ.

Екатерина знала это, потому что съ самаго своего пріѣзда изъ Штетина прислушивалась къ нуждамъ народнымъ, знала больныя мѣста русской земли, и эти-то больныя мѣста она хотѣла заживить, едва только имя ея разнесено было по Россіи манифестомъ 28-го іюня.

И вотъ императрица, на осьмой уже день по возшествіи на престолъ, обращается къ русскому народу съ такою милостью, которую только русскій человѣкъ можетъ исполнѣ цѣнить. Это—удешевленіе соли, на дороговизну которой русскій народъ всегда жаловался.

Вотъ что по этому случаю гласилъ манифестъ 5 іюля:

«Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Мы, взошедъ на всероссійскій императорскій престолъ, промысломъ и руководствомъ божимъ, по желанію единодушному вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ російскихъ, за первое правило себѣ постановили навсегда имѣть неутомленное матернее попеченіе и трудъ о благополучіи и тишинѣ всего любезнаго російскаго отечества, возстановляя тѣмъ весь ввѣренный намъ отъ Всевышняго народъ въ вышнюю степень благоденствія; а въ слѣдствіе того, при самомъ теперь началѣ благополучнаго нашего государствованія, восхотѣли мы, не отлагая вдаль, но въ настоящее нынѣ время облегчить нѣкоторою частію тягость народную, въ наипервыхъ въ самой нужной и необходимой къ пропитанію человѣка вещи, яко то въ соли; но однакожь при семъ остаться не можетъ, а воля наша есть еще несравненно, какъ въ семъ пунктѣ, такъ и въ прочемъ для всего общества полезномъ и необходимомъ, оказать наши матернія милосердіи.»

И цѣна соли объявляется десятью копейками дешевле на пудъ противъ существовавшихъ цѣнъ. Это — крупная сбавка цѣны, и народъ дѣйствительно почувствовалъ облегченіе.

Таковъ былъ первый шагъ, который сдѣлала императрица Екатерина II для сближенія съ русскимъ народомъ, и шагъ этотъ сдѣланъ былъ какъ нельзя болѣе удачно, потому что увеличивалъ ея популярность даже въ тѣхъ далекихъ русскихъ захолустьяхъ, куда очень рѣдко заходило ея царственное имя, куда не проникали даже ея манифесты. Популярность Елизаветы была сильна тѣмъ, что она была и родомъ русская и душою русская, что не гнушалась она солдатскимъ имяниннымъ пирогомъ и оплачивала за него солдатку доброю чаркою анисовки, налитую притомъ рукой самой «матушки-цесаревны». Екатерина въ основаніе своей популярности клала русскую хлѣбъ-соль, и это основаніе было одно изъ самыхъ прочныхъ.

Но вотъ черезъ десять дней послѣ возшествія ея на престолъ умираетъ ея супругъ, императоръ Петръ III, и Екатерина вновь обращается къ своему народу съ манифестомъ:

«Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывший императоръ Петръ III обыкновеннымъ и часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ престоковую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь невскій, для погребенія въ томъ же монасты-

рѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрнопопданныхъ возбуждаемъ и увѣщаемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его божіе опредѣленіе принимали за промыслъ его божественный, который онъ судьбами своими неісповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строить путемъ, его только святой волѣ извѣстнымъ.»

Затѣмъ, цѣлымъ рядомъ мѣръ, льготъ, расцоряженій по части экономіи, по части суда и торговли Екатерина доказываетъ, что она помнитъ свои обѣщанія, данныя русскому народу при своемъ возшествіи на престолъ. Болѣе русской императрицы Россія еще, кажется, не видѣла. Она повидимому воскресаетъ послѣ тяжелаго времени петровскихъ ломоць, послѣ бироновскаго, остермановскаго, миниховскаго, курляндскаго, голштинскаго и всякихъ иноземныхъ владычествъ. Это было что-то похожее на первые годы царствованія Бориса Годунова, когда тотъ дѣйствительно исполнялъ данную имъ всенародно клятву — «за святыхъ божія церкви, за одну пядь московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ кровь свою пролить и голову положить». Какъ Борисъ, показывая на свою рубаху, клялся, что онъ и ее готовъ отдать народу, такъ и Екатерина объявляла, что ничего не считаетъ она ей принадлежащимъ, но что все это—собственность ввѣреннаго ей русскаго народа.

Въ первые же дни она начинаетъ преслѣдовать наше старое, историческое зло—всеобщее взяточничество, вымогательство, грабленіе слабого сильнымъ: она объявляетъ, что отъ нея не будетъ пощады судьямъ «съ омраченными душами» и что малѣйшее притѣсненіе народа будетъ замѣчено ея «недреманнымъ окомъ» и будетъ безпощадно наказано.

Подобно Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина доказываетъ свои русскія симпатіи и тѣмъ, что дѣлаетъ распоряженія, клонящіяся въ пользу духовенства, въ пользу церковныхъ и монастырскихъ имѣній. Если масса русскаго населенія недовѣрчиво относилась къ Петру и его преобразованіямъ, если преемники Петра заслужили въ населеніи еще меньшую популярность, то отчасти благодаря тому, что при нихъ духовенство считало себя обиженнымъ, угнетеннымъ: народъ не даромъ кричалъ, что церковные колокола льютъ на пушки, а церковными сосудами жалованье платятъ нѣмцамъ, за неимѣніемъ денегъ. Екатерина тотчасъ же постаралась сдѣлать себя свободной отъ подобныхъ упрековъ: русскіе уроки Тодорскаго и Ададурова и примѣръ Елизаветы пошли ей въ прокъ.

Екатерина знаетъ, что Москва — сердце Россіи, что за отчужденіе отъ Москвы, за переселеніе въ свой «парадись», какъ Петръ называлъ Петербургъ, онъ много потерялъ въ глазахъ русскаго народа, — и вотъ новая императрица, принявъ присягу своихъ подданныхъ, тотчасъ же собирается въ Москву, чтобы этимъ укрѣпить свою нравственную связь съ страной.

Но, собираясь въ путь, она пишетъ сенату этотъ лаконическій указъ, напоминающій донесенія цезаря римскому сенату:

«Господа сенаторы! прошу для пользы обществу потрудиться и до отъѣзда въ Москву, естли можно, окончать дѣла: 1) о сбавкѣ съ соли еще цѣны; 2) вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ благопристойнѣйшее учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять; 3) о мѣдныхъ легковѣсныхъ деньгахъ; 4) о таможнякъ, какъ имъ впредь полезнѣе быть».

Императрица не даромъ проситъ сенаторовъ «потрудиться». Она сама трудится съ необыкновенною энергіею, и надо удивляться, какъ у нея на все хватало времени и силъ. Во всю жизнь, до самой смерти, Екатерина проявляла дѣятельность изумительную.

Въ прїѣздъ свой въ Москву на коронацію Екатерина доказала, что, несмотря на иноземное происхожденіе, она знала, какъ и чѣмъ подѣйствовать на русское чувство москвичей: Москва увидѣла въ ней радѣльницу русскихъ интересовъ, и имя ея молва разносила по всѣмъ уголкамъ Россіи, и къ этому имени не относились съ тѣмъ чувствомъ недовѣрія, какое возбуждали имена Анны Леопольдовны и Анны Іоанновны, обставленныя не русскими фамиліями.

При всемъ томъ въ Москвѣ нашлась партія, старая дворянская, которая выказала свое недовѣріе къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ или намѣреніямъ Екатерины, которыхъ, можетъ быть, у нея и не было. Въ Москвѣ заговорили, что императрица намѣрена вступить въ бракъ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ, именно съ графомъ Орловымъ, подобно тому, какъ Елизавета Петровна вступила въ морганатическій бракъ съ графомъ Разумовскимъ. Этого достаточно было, чтобы составила особая партія, противная правительству, чтобы люди этой партіи заговорили то, чего говорить не подобало. При-этомъ, недовольные изъ гвардіи вспомнили старое время, бироновское и остермановское, когда какая-нибудь кучка гвардейцевъ могла по своему произволу располагать престоломъ, и пожелали воротить это старое время, чтобы, подобно турецкимъ янычарамъ или римскимъ гвардейцамъ-преторіанцамъ, возводить на тронъ кого имъ угодно и низводить того, кто имъ не угоденъ. Но Екатерина была не Анна Леопольдовна: недовольные, братья Гурьевы и Хрущовы, уже въ Камчаткѣ убѣдились, что съ Екатериной бороться не легко.

И въ отношеніи покровительства русской мысли, русскаго образованія, литературы и искусствъ Екатерина успѣшила доказать, что она выражаетъ собою продолженіе своей предшественницы, Елизаветы: она приблизила къ себѣ представителей русской

мысли; Сумароковъ принадлежалъ къ ея интимному кругу, и безъ Александра Петровича, съ своею дочкою сочинявшаго русскія народныя пѣсенки, не обходилось ни одно литературное предпріятіе во дворцѣ новой императрицы; Волковъ, основатель русскаго театра при Елизаветѣ, нашель также цѣнительницу въ Екатеринѣ II.

Во время коронаціи, въ Москвѣ, Сумароковъ и Волковъ устраиваютъ русскій народный праздникъ, который совсѣмъ не походилъ на «потѣшные» праздники Петра, почти постоянно оскорблявшіе русское чувство, русскій обрядъ и русскую народность. Въ праздникѣ Екатерины, напротивъ, все рассчитано было на возбужденіе національнаго чувства, и эти 250 колесницъ, разѣзжавшія по Москвѣ съ четырьмя тысячами «лицедѣйствующихъ», эти куплеты и пѣсни, сочиненныя для «лицедѣевъ» Сумароковымъ — все это было и понятно для московской массы, и возбуждало живѣйшій интересъ въ зрителяхъ.

Послѣ увеселеній и народныхъ празднествъ, Екатерина, подобно древней русской царицѣ, подобно добродѣтельной Анастасіи, супругѣ Грознаго, или подобно Соломоніи, отправляется, по русскому обычаю, на богомолье въ Ростовъ, гдѣ почивали мощи угодника Димитрія Ростовскаго. Тамъ, при многочисленномъ стеченіи народа, мощи угодника полагаются въ великолѣпную серебряную раку, и императрица отправляется въ другіе русскіе старинные города и доѣзжаетъ до Ярославля, въ которомъ покойный царевичъ Алексѣй Петровичъ думалъ имѣть свою лѣтнюю резиденцію, еслибъ ему пришлось царствовать, и возстановить древнерусское благочестіе.

Мало того, Екатерина проявляетъ себя еще болѣе русскою, чѣмъ была Елизавета.

Уже въ первый годъ своего царствованія она торжественно объявляетъ, что съ этой минуты въ ея державѣ никто не смѣетъ пре-

слѣдовать ни раскольниковъ, ни русскаго платья, ни русской бороды. Болѣе полустолѣтія все русское терпѣло гоненіе, и вдругъ принцесса ангальтъ-цербеть-бернбургская становится на сторону русской бороды и русскаго зипуна: понятно, какой эффектъ должно было производить имя этой принцессы, ставшей императрицею Екатериною II.

Она вызываетъ изъ-за границы всѣ тѣ сотни тысячъ раскольниковъ, которыя бѣжали туда при Петрѣ и его преемникахъ, и отводятся для поселенія ихъ лучшія земли за Волгой и въ Сибири.

Мало того, она вызываетъ изъ-за границы всѣхъ русскихъ бѣжавшихъ туда изъ боязни наказанія за разныя совершенныя ими преступленія, а равнымъ образомъ дозволяетъ переселяться въ Россію и всѣмъ иностранцамъ, желающимъ колонизировать обширныя пространства впустѣ лежащихъ земель обширнаго царства.

«По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ -- объявляетъ она въ манифестѣ 11 декабря 1762 года -- главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобъ навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и объ умноженіи во оной обитателей. А какъ намъ многіе иностранные, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные бьютъ челомъ, чтобъ мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостію на поселеніе въ Россію приемлемъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказываема будетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя бѣ по законамъ и слѣдовало учинить

наказаніе, но однако жъ всё ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества».

Послѣ этого Екатерина задумываетъ еще болѣе широкіе планы по отношенію къ Россіи.

Петръ, постоянно занятый одною идеею — сдѣлать Россію, посредствомъ флота и войскъ, могущественнѣйшею военною державою въ Европѣ, заботился объ образованіи Россіи настолько, насколько это образованіе могло пригодиться ему въ достиженіи его собственныхъ государственныхъ цѣлей, и не успѣлъ подумать собственно объ образованіи русскаго общества, о просвѣщеніи всего народа и поднятіи его экономическаго быта. Екатерина, напротивъ, въ своихъ заботахъ о Россіи захватываетъ вопросъ объ образованіи болѣе широко. Она думаетъ дѣйствительно перевоспитать Россію, создать новое поколѣніе отцовъ и матерей, создать новыхъ людей. Чтобы поднять русскій народъ на ту высоту, на которой онъ, по своему историческому призванію, долженъ стоять, по мнѣнію Екатерины и ея помощника въ этомъ дѣлѣ, И. И. Бецкаго, «оставалось единое токмо средство—произвести сперва способомъ воспитанія такъ-сказать новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами».

Правда, эта великая мысль получила неудачное примѣненіе, потому что разрѣшилась основаніемъ «воспитательныхъ домовъ» въ Москвѣ и Петербургѣ, а равно открытіемъ «смольнаго» и другихъ институтовъ, посредствомъ коихъ надѣялись создать «новую породу или новыхъ отцовъ и матерей»; однако, въ основаніи самой идеи лежала глубокая истина. Дѣйствительно, институты, особенно «смольный», дали намъ новое поколѣніе русскихъ женщинъ, но,

какъ мы увидимъ ниже, не такихъ, какихъ, конечно, разумѣла Екатерина.

Уже въ 1766 году Екатерину занималъ одинъ изъ важнѣйшихъ во всей исторіи русскаго народа вопросовъ — это вопросъ о надѣленіи землею крестьянъ, и она поставила на очередь этотъ историческій вопросъ, получившій разрѣшеніе только черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ нимъ задумывалась Екатерина. По ея предложенію, основанное тогда вольное экономическое общество поставило для разрѣшенія такой вопросъ: «полезнѣ ли для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственныя земли или владѣлъ бы только движимостью, и до какой степени для пользы государства простираться должна сія собственность».

И при Петрѣ, и при преемникахъ его, а еще болѣе въ допетровскія времена русская земля страдала отъ неопредѣленности земельныхъ правъ владѣльцевъ, отъ неизвѣстности, кому что принадлежитъ, отъ невообразимой чрезполосности владѣній, — и вотъ Елизавета Петровна задумала исправить этотъ капитальный государственный недостатокъ, предпринявъ генеральное межеваніе всего государства. Екатерина, какъ продолжительница и исполнительница того, что задумано и начато было Елизаветою, продолжала и въ данномъ случаѣ начатое Елизаветою дѣло, и вотъ Россія до сихъ поръ основываетъ свои земельныя права на основаніи добытыхъ генеральнымъ межеваніемъ результатовъ.

Около десяти лѣтъ Екатерина неутомимо работаетъ надъ улучшеніемъ внутренняго государственнаго строя, принимаетъ личное и непосредственное участіе въ этой сложной работѣ, даетъ инициативу и направленіе коллективнымъ работамъ сената и разныхъ комиссій, пишетъ проекты, поощряетъ всякую выдающуюся умственную силу и въ самый разгаръ этой дѣятельности выступаетъ съ капитальнымъ своимъ произведеніемъ, прославившимъ ея имя

во всей Европѣ—съ «Наказомъ комисіи новаго уложенія». Цѣль этого обширно задуманнаго дѣла—создать для Россіи новые, сообразные съ условіями жизни, законы посредствомъ выборныхъ представителей отъ всей русской земли. «Наказъ» выражалъ собою какъ-бы программу и руководство для депутатовъ, которые должны были съѣхаться въ Москву со всѣхъ концовъ государства и выражать собою представительство всѣхъ сословій, всѣхъ состояній и всѣхъ мѣстностей съ ихъ разнороднымъ населеніемъ.

Много замѣчательныхъ истинъ разсѣяно въ «Наказѣ», истинъ, важныхъ собственно потому, что въ нихъ выражался личный взглядъ Екатерины на многіе государственные и общественные вопросы.

Во вступленіи къ «Наказу» Екатерина ставитъ слѣдующія слова: «Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да творю судъ людямъ твоимъ по закону святому твоему судити въ правду».

Трудно и неудобно было бы передать въ краткомъ біографическомъ очеркѣ все богатство содержанія «Наказа»; но мы позволяемъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ положеніяхъ, которыя должны остаться памятникомъ личнаго отношенія Екатерины къ той или другой высказываемой ею истинѣ.

Оригинальную мысль она высказываетъ о свободѣ въ государствѣ, о «вольности», какъ тогда выражались.

«Въ государствѣ -- говоритъ Екатерина -- т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принужденному дѣлать то, чего хотѣть не должно».

Относительно наказаній за преступленія императрица горячо высказывается противъ жестокости существовавшихъ тогда мѣръ наказаній, противъ смертныхъ казней и противъ пытокъ. «Искусство поучаетъ насъ, -- говоритъ она, -- что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія

наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими». Въ другомъ мѣстѣ она выражаетъ эту мысль такъ: «ежели найдется страна, гдѣ люди иначе не воздерживаются отъ пороговъ, какъ только суровыми казнями, вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности», т. е. что самыя наказанія и ихъ неумѣренность деморализуютъ общество, и чѣмъ суровѣе наказанія, тѣмъ развращеннѣе становится общество и тѣмъ нечувствительнѣе становится оно къ самой жестокости.

Собственно о пыткахъ императрица выражается еще опредѣленнѣе и абсолютно осуждаетъ ихъ даже въ самомъ принципѣ. «Употребленіе пытки - - по ея словамъ - - противно здравому естественному разсужденію: само челоуѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена».

Обширный «Наказъ» свой императрица заключаетъ слѣдующею рѣчью: «хорошее мнѣніе о славѣ и власти царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножаетъ оныя. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожь мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, а по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ болѣе справедливъ (*juste* — во французскомъ текстѣ «Наказа», такъ какъ онъ явился разомъ на двухъ языкахъ) и слѣдовательно болѣе процвѣтающъ (*heureux*) на землѣ, намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!»

Въ то время, когда, согласно этому «Наказу», въ Москву собирались со всѣхъ концовъ Россіи депутаты для составленія новаго

уложенія, императрица предприняла новое путешествіе по своему обширному царству, и на этотъ разъ вознамѣрилась ознакомиться съ верхнимъ и среднимъ поволжьемъ, чтобы лично ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ страны и съ жизнью ея населенія. Послѣ Петра и Елизаветы она была первая царственная особа, которая личное ознакомленіе съ народною жизнью считала необходимымъ вспомошествованіемъ въ дѣлѣ управления странюю.

2-го мая 1767 года императрица отправилась изъ Твери по Волгѣ въ сопровожденіи немногочисленной свиты, къ которой принадлежали братья Орловы, Чернышевы, Бибиговъ, Елагинъ и нѣкоторые придворные чины. Екатерина плыла по Волгѣ на богато отдѣланной галерѣ «Тверь», и посѣтила почти всѣ старые русскіе города, съ которыми соединялись важнѣйшія историческія воспоминанія. Прежде всего государыня посѣтила Угличъ, мѣсто дѣтскихъ игръ и смерти послѣдняго сына Грознаго, несчастнаго царевича Димитрія. Затѣмъ прослѣдовала до Ярославля, гдѣ къ свитѣ ея присоединились многіе чужестранные министры. Въ Костромѣ Екатерина осматривала ипатскій монастырь, гдѣ подъ надзоромъ матери росъ когда-то царственный отрокъ, первый русскій царь изъ дома Романовыхъ. За Костромой слѣдовалъ Нижній, родина прославленнаго въ русской исторіи нижегородскаго «говядаря» Козьмы Миныча Сухорукова. За Нижнимъ — Казань, гдѣ когда-то полегло не мало русскихъ головъ при взятіи этого города Грознымъ.

По всей Волгѣ Екатерину встрѣчалъ народъ, сходявшійся изъ самыхъ отдаленныхъ отъ Волги мѣстностей, чтобы только взглянуть на императрицу, имя которой съ каждымъ годомъ становилось популярнѣе.

Знакомясь, во время этого пути, съ нуждами населенія, императрица не прерывала своихъ занятій государственными дѣлами, и

въ то же время досуги свои посвящала какъ перепискѣ съ разными приближенными къ ней, но отсутствующими особами, такъ и специально литературой. Во время этого продолжительнаго путешествія она занималась переводомъ на русскій языкъ «Велизарія», извѣстнаго сочиненія Мармонтеля, раздѣливъ этотъ трудъ между нѣкоторыми лицами своей свиты. Такъ какъ раздѣлъ этого труда произведенъ былъ по жребію, то лично императрицѣ досталась девятая глава «Велизарія», гдѣ говорится о заблужденіяхъ верховной власти.

Насколько либераленъ былъ взглядъ императрицы, въ первое время своего царствованія, на литературное дѣло, видно изъ того, что «Велизарій» былъ напечатанъ ею въ слѣдующемъ году и посвященъ тверскому епископу Гавріилу, почти въ то самое время, когда сочиненіе это, по приговору Сорбонны и парижскаго архіепископа, въ Парижѣ осуждено было на сожженіе.

Что въ продолженіе своего путешествія Екатерина входила въ нужды народа и непосредственно изучала города и мѣстности, черезъ которыя проѣзжала, видно изъ писемъ ея къ Никитѣ Ивановичу Панину, писанныхъ императрицею съ дороги.

Изъ Симбирска, напримѣръ, она писала ему: «Никита Ивановичъ! письмо ваше отъ 3 числа я сего утра получила, изъ котораго я усмотрѣла, что сынъ мой, слава Богу, здоровъ; на будущей недѣлѣ неотмѣнно съ вами буду. Я завтра къ вечеру отселѣ ѣду. Гр. Орловъ отложилъ свою поѣздку въ Саратовъ, а вмѣсто его братъ его и совѣтники опекунства поѣхали. Здѣсь такой жаръ, что незнаешь куда дѣваться, городъ же самый скаредный, и всѣ дома, кромѣ того, въ которомъ я стою, въ конфискаціи, и такъ мой городъ у меня же; я не очень знаю, схоже ли это съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣ ли повернуть людямъ ихъ дома, нежели сіи лучинки имѣть въ странной собственности, изъ

которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости. Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили, и люди не приведены были вовсе въ истребленіе, а недоимки по соли и вину только сто семь тысячъ рублей, къ чему послужили какъ кража, такъ и разныя несчастныя приключенія.»

Черезъ пять дней (12 іюня 1767 года) Екатерина пишетъ уже изъ Муромъ: «Я на досугѣ сдѣлаю вамъ короткое описаніе того, что примѣтила дорогою. Гдѣ черноземъ и лучшія произрашенія, какъ-то симбирская провинція и половина алатырской, тамъ люди лѣнны, и верстъ по пятнадцати пусты, не населены, а земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса, и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ пяди земли нѣтъ, коя бы не была разработана, и хлѣбъ лучше нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ и, en dépit du misérable abbé Ziot, нигдѣ голоду нѣтъ, и истинно вездѣ хлѣба прошлагодняго не молоченнаго мало естли скажу вдвое противу того, что съѣсть могутъ въ одинъ годъ, не продаютъ же, страшась двухъ-лѣтняго неурожая; по городамъ же рубли по три четверть, а по деревнямъ вездѣ излишество; мужики же говорятъ: «нынѣ на все Богъ далъ цѣну; хлѣбъ дорогъ, и лошади дороги, и все дорого», и за то Богу благодарятъ, у пахотныхъ солдатъ особливо, въ хижинахъ живутъ, а скирдовъ съ хлѣбомъ бесчисленное множество.»

Между тѣмъ, когда императрица возвратилась изъ путешествія, комиссія новаго уложенія открыла свои засѣданія, и, первымъ долгомъ, прочитавъ «Наказъ», постановила поднести Екатерину ѣ наименованіе «великой, премудрой и матери отечества». Но императрица не приняла этого наименованія.

Хотя комиссія и не кончила своей великой законодательной работы, однако почти всѣ послѣдующія законоположенія Екатери-

ны едва ли не были выполненіемъ тѣхъ мнѣній о нуждахъ страны, которыя высказаны были депутатами по разнымъ случаямъ. Что же касается «Наказа», то онъ остался замѣчательнымъ памятникомъ ученой дѣятельности женщины, съ такою славой управлявшей русскою землею около тридцати-пяти лѣтъ.

Въ очеркѣ характеристики Елизаветы Петровны мы говорили, что она приобрѣла любовь народа непосредственнымъ съ нимъ сближеніемъ, когда была еще цесаревною. Екатерина выражала это сближеніе и свою нераздѣльную общность съ народомъ иными способами. Такъ, желая научить страну оспопрививанію, которое въ то время было дѣломъ новымъ и опаснымъ, такъ что никто не рѣшался подвергнуть себя вакцинаціи, боясь смерти, Екатерина не отступила передъ опытомъ перваго въ Россіи оспопрививанія, и первая между всѣми своими подданными позволила привить себѣ оспу.

Когда сенатъ, отъ лица всей русской земли, выразилъ Екатеринѣ свое глубокое удивленіе и благодарность за совершеніе этого громаднаго подвига, государыня отвѣчала, между прочимъ, сенаторамъ: «Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не зная пользы сего способа, онаго страшась, оставались въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо.»

При своей изумительно неутомимой государственной дѣятельности, Екатерина успѣваетъ удѣлять свои досуги литературѣ, и около нея при дворѣ сосредоточивается почти весь тогдашній литературный и ученый міръ. Кромѣ извѣстныхъ то время писателей, императрица покровительствуетъ также первымъ русскимъ женщи-

намъ-писательницамъ и переводчицамъ — княгинѣ Дашковой, Вельяшевой-Волинцевой, Храповицкой, Зубовой, урожденной Римской-Корсаковой, Херасковой и другимъ, о которыхъ мы намѣрены говорить особо. При ея покровительствѣ выступаетъ на литературное поприще Державинъ, пѣвецъ «Фелицы», т. е. самой же Екатерины. Херасковъ, Фонвизинъ, Новиковъ—все это находятъ нравственную поддержку въ той симпатіи, какую питаетъ императрица ко всякому умственному труду, ко всякому дарованію. Она сама пишетъ комедіи, сатиры, разныя стихотворенія, кромѣ политическихъ и другихъ сочиненій. Переводы лучшихъ произведеній иностранной литературы особенно ею покровительствуются. Она учреждаетъ даже при академіи особый переводческій департаментъ.

Для изслѣдованія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ она отправляетъ въ разныя мѣста экспедиціи изъ академиковъ и другихъ ученыхъ: Румовскаго—къ полярному кругу, Палласа, Георги, Фалька, Рычкова, Ловица, Гмелина, Лепехина, Зуева, Иноходцева—для изслѣдованія самыхъ отдаленныхъ мѣстностей обширнаго русскаго царства.

Ученыя и литературныя знаменитости изъ Европы слѣзаютъ въ Россію: стоитъ указать только на Эйлера, Даламбера, Дидро и другихъ.

Екатерина задумываетъ учредить университеты въ Псковѣ, Черниговѣ, Пензѣ и Екатеринославѣ, чтобы поднять общій уровень народнаго образованія.

У нея вездѣ, при всѣхъ случаяхъ, на первомъ планѣ—«русскій народъ», «отечество». Ея любимая фраза: «Я не лифляндская императрица, а всероссійская!»

Слава Екатерины растетъ быстро, неизмовѣрно.

Въ Россіи, между тѣмъ, ничто не нарушаетъ спокойнаго хода общественной жизни, хотя крестьянскія волненія то тамъ, то здѣсь

и обнаруживают, что положеніе крѣпостнаго населенія требовало бы какихъ-либо радикальныхъ мѣръ; но то было другое время, другіе люди, другія понятія.

Какъ бы то ни было, въ общемъ, Екатерина могла сказать, что она еще «не дожидается до того несчастія, до котораго—по словамъ «Наказа»—не желала дожить».

Таково было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, пока царствованіе это, можно сказать, шло тѣмъ путемъ, который намѣтили для Екатерины русскія, національныя симпатіи ея предшественницы, Елизаветы Петровны.

Но едва началось отклоненіе отъ этого пути, какъ начались и тѣ несчастія, смуты, безпокойства, до которыхъ Екатерина не желала дожить.

Первымъ отступленіемъ въ этомъ случаѣ было желаніе поверстать яицкое войско въ гусары.

Яицкимъ казакамъ, будущимъ гусарамъ, велятъ брить бороды. Россіи это кажется возвращеніемъ ко временамъ петровскимъ, къ петровскимъ преслѣдованіямъ и казнямъ.

Изъ-за бородъ и изъ-за казацкихъ вольностей—на Яикѣ бунтъ. Казаки убиваютъ Траубенберга и продолжаютъ волноваться. Ихъ усмиряютъ силою оружія. Они покоряются, но только наружно...

— То ли еще будетъ! - - грозятъ они. - - Такъ ли мы тряхнемъ Москвою!

И дѣйствительно—тряхнули...

Въ яицкомъ войскѣ является Пугачовъ. Мы знаемъ, что затѣмъ послѣдовало.

Заграницей является «сестрица Пугачова», мнимая княжна Тараканова. Но объ этой таинственной личности мы скажемъ особо.

Хотя война съ Турціею, раздѣлъ Польши, а равно приобрѣтеніе части Кавказа и расширяютъ и безъ того обширныя предѣлы

русской земли; но страна чувствует себя истощенною; казна разстроена; для пополненія казны прибѣгаютъ къ новымъ налогамъ.

Населеніе не въ силахъ выносить всѣ падающія на него тягости войны и налоговъ, и страна представляется разомъ обѣднѣвшею. Тягость этого положенія обнаруживается то тѣмъ, то другимъ образомъ — и нѣтъ прежняго спокойствія въ странѣ.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними измѣненіями, измѣняется какъ-бы и самый характеръ Екатерины, чему, конечно, не мало способствовало и время: Екатерина старѣлась, а съ лѣтами увеличивалась ея осторожность, недовѣрчивость, подозрительность и какъ-бы сожалѣніе о томъ, что прежде многое дозволялось, многое прощалось, чего бы не слѣдовало ни дозволять, ни прощать. Ко всѣмъ явленіямъ общественной и государственной жизни она начинаетъ относиться взыскательнѣе и жестче. Жестче становятся ея отношенія и къ провинностямъ народа, къ провинностямъ, которыя она, по смыслу своего «Наказа», прежде готова была прощать. Повелѣвая крестьянъ въ должномъ повиновеніи содержать, она постановляетъ правиломъ, что крестьяне не могутъ жаловаться на помещиковъ, «яко дѣти на родителей».

Вслѣдъ за усмиреніемъ яицкихъ волненій, за уничтоженіемъ всѣхъ видимыхъ явленій того, что носило общее наименованіе «Пугачевщины», уничтожается и самостоятельное существованіе Запорожской Сѣчи, и въ манифестѣ по этому случаю объявляется, что Сѣчь «въ политическомъ ея устройствѣ болѣе не существуетъ и причисляется къ новороссійской губерніи».

Кромѣ внутреннихъ безпокойствъ Екатерину смущаютъ и внѣшнія опасности. Швеція объявляетъ Россіи войну. Шведскій король Густавъ флотомъ своимъ угрожаетъ самому Петербургу и предлагаетъ тяжелыя условія мира.

Екатерина въ большой тревогѣ, но желаетъ скрыть ее, говорить, что она готова стать во главѣ своего войска.

— Если бы онъ (Густавъ) - - объявляеть императрица - - овладѣлъ даже Петербургомъ и Москвою, и тогда не приняла бы я столь унижительныхъ условий, сама выступила бы съ войскомъ и доказала бы свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя русскими!—

И послѣ неудачныхъ попытокъ Густава принудить Россію къ разнымъ уступкамъ, Екатерина въ посмѣяніе шведскому герою пишетъ забавную пьесу подъ названіемъ «Горе-богатырь».

Вспыхнувшая около этого времени революція во Франціи заставляетъ Екатерину еще строже относиться ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, которыя почему-либо казались ей подозрительными. Она даже высылаеть изъ Россіи всѣхъ французовъ и только позволяетъ оставаться въ ея царствѣ тѣмъ, которые подъ присягою отрекутся отъ революціонныхъ правилъ. Сочинена была для этого даже особая форма присяги.

Въ 1790-мъ году является въ свѣтъ извѣстное сочиненіе Радищева. Сочиненіе это возбуждаетъ сильный гнѣвъ императрицы.

— Тутъ разсѣяніе заразы французской - - говоритъ она о книгѣ Радищева: - - авторъ — мартинистъ!

Въ другой разъ императрица выразилась о Радищевѣ:

— Онъ хуже Пугачова: онъ хвалить Франклина.

Радищева судъ приговариваетъ за его вредное сочиненіе къ смертной казни; но императрица смертную казнь отмѣняетъ.

Въ обществѣ распространяются между тѣмъ мистическія ученія. Масонство охватываетъ высшіе слои общества. Противъ этого явленія императрица борется насмѣшкой, и сочиняеть въ осмѣяніе масонскихъ таинствъ комедіи — «Обманщикъ», «Оболенный», «Шаманъ Сибирскій».

Результатомъ измѣнившихся отношеній императрицы къ общест-
веннымъ выраженіямъ духовной самодѣятельности является преслѣ-
дованіе Новикова и его литературнаго общества. Новиковъ арестуется
и приговаривается къ пятнадцатилѣтнему заключенію въ крѣпости.
Его заподозрѣваютъ даже въ безбожии и повелѣваютъ архіепископу
Платону испытать его въ православномъ законѣ. Но Платонъ, по
испытаніи Новикова, доноситъ: «желательно, чтобы во всемъ мірѣ
были христіане таковыя, какъ онъ...»

Охлажденіе императрицы испытываютъ на себѣ даже такіе лица, какъ
княгиня Дашкова, ея старый другъ, и любимый пѣвецъ импера-
трицы — Державинъ: Дашкова — за дозволеніе напечатать при
академіи извѣстную трагедію Княжнина «Вадимъ», Державинъ —
за знаменитое свое стихотвореніе «Властителемъ и Судіемъ».

Вмѣсто академіи, исполнявшей цензурскія обязанности, цензура
надъ печатью передается сенату, и учреждаются особые цензора въ
главныхъ городахъ имперіи.

Частныя типографіи запрещаются, тогда какъ нѣсколько лѣтъ
тому назадъ Екатерина дозволяла всемъ открывать вольныя ти-
пографіи на правахъ всякаго заводскаго или промысловаго заведенія.

Въ это время и Державинъ, такъ много послужившій къ про-
славленію имени Екатерины, начинаетъ жаловаться и сѣтовать
о прошломъ: «въ это время - - говоритъ онъ - - не могъ уже я про-
должать писать оды въ честь Екатерины... не могъ воспламе-
нить такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокой прежній
идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческой съ великими
слабостями».

Лучшіе дѣятели, все эти «орлы изъ стаи Екатерины» во
вторую половину царствованія императрицы сходятъ со сцены.

Ушаковъ, оставившій по себѣ печальную извѣстность и сошед-
шій-было со сцены послѣ царствованія Петра, Екатерины I,

Анны Иоановны, Петра II, Анны Леопольдовны и Иоанна IV, номинально царствовавшего, воскресають въ лицѣ Шешговскаго.

Сходятъ со сцены и женщины-дѣятели, княгиня Дашкова, Храповицкая, Вельяшева-Волынцева, Зубова и другія писательницы, а вмѣсто нихъ являются Ржевская 2-я, Нелидова; послѣ этихъ весьма понятенъ переходъ къ г-жѣ Криднеръ, Свѣчиной и имъ подобнымъ.

Вмѣсто Даламбера, Дидро, Эйлера — Европа высылаеть въ Россію контингентъ католическихъ графовъ-эмигрантовъ, маркизовъ, виконтовъ, разныхъ кавалеровъ, выгнанныхъ изъ Франціи революціею, и эти-то пришельцы увлекають русскую женщину въ папизмъ, въ ханжество, а тамъ является и русскій абсентеизмъ.

Огорченія вмѣстѣ съ лѣтами все больше и больше подкашиваютъ между тѣмъ здоровье Екатерины и наконецъ окончательно убиваютъ ее.

Въ ноябрѣ 1796-го года въ Петербургъ является шведскій король Густавъ-Адольфъ, въ качествѣ жениха великой княжны Александры Павловны, дочери наслѣдника престола Павла Петровича и внучки императрицы. Огорченія, испытанныя въ это время государынею, ускоряють приближеніе неизбежнаго конца.

«Всѣ, окружавшіе императрицу Екатерину - - говоритъ Ростопчинъ, очевидецъ того, что онъ рассказываетъ, - - увѣрены до сихъ поръ, что происшествія во время пребыванія шведскаго короля въ С.-Петербургѣ суть главною причиною удара, постигшаго ее въ 4-й день ноября 1796 года, въ тотъ самый день, въ который слѣдовало быть стовору великой княжны Александры Павловны. По возвращеніи графа Маркова отъ шведскаго короля съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ на сдѣланныя ему предложенія не согласится, извѣстіе сіе столь сильно поразило императрицу, что

она не могла выговорить ни одного слова и оставалась нѣсколько минутъ съ отверстымъ ртомъ, доколѣ камердинеръ ея Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подаль ей выпить стаканъ воды.»

Ударъ поразилъ Екатерину черезъ день послѣ этого огорченія.

Когда императрица упала на полъ, то лакеи, по тучности ея тѣла, долго не могли поднять и положить на постель. Всѣ бывшіе при-этомъ растерялись и не знали что дѣлать.

«Князь Зубовъ - - говоритъ Ростопчинъ - - бывъ извѣщенъ первый, первый потерялъ и рассудокъ: онъ не дозволилъ дежурному лекарю пустить императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просили его и Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ.

Такимъ образомъ потерянь былъ цѣлый часъ. Когда пріѣхалъ придворный докторъ Ромерсонъ, то было уже поздно: ни кровопусканье, ни мушки ни что не помогло. Екатерина II скончалась.

Это было 6-го ноября 1796-го года, когда Екатеринѣ исполнилось шестьдесятъ семь съ половиною лѣтъ.

Павелъ Петровичъ, вступившій въ тотъ же день на престолъ, приказалъ перенести тѣло своего покойнаго родителя, бывшаго императора Петра III, изъ невской лавры въ петропавловскую крѣпость и поставить рядомъ съ гробомъ своей только-что отошедшей въ вѣчность матери.

Въ прошломъ году императрицѣ Екатеринѣ II воздвигнуть, въ Петербургѣ памятникъ противъ фаса публичной библиотеки, гдѣ собрана громадная масса книгъ, въ теченіе столѣтія написанныхъ объ одной этой замѣчательной женщинѣ.

VI.

Марья Савишна Перекусихина.

На кладбищѣ александровской лавры, которое теперь болѣе чѣмъ какое-либо другое кладбище въ Россіи можетъ быть названо историческимъ, потому что тамъ какъ-бы по уговору сошлись на вѣчное успокоеніе въ своихъ могилахъ Карамзинъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Глинка и множество другихъ славныхъ русскихъ людей, когда-то знавшихъ другъ друга и дружно работавшихъ на пользу русской земли, въ лѣвой половинѣ этого мирнаго жилища, между могилами знаменитыхъ и когда-то могущественныхъ сановниковъ русскаго царства, начиная отъ блестящаго князя Мещерскаго, смерть котораго прославлена безмернымъ стихомъ Державина болѣе чѣмъ была славна самая жизнь этого вельможи, и кончая не менѣе прославленными дѣятелями нашей земли, Чичаговыми, Завадовскими, Апраксинскими, Куракиными, Салтыковыми, Еропкиными, Строгановыми, Бибиковыми и иными многими, между всѣми этими могилами, изъ которыхъ каждая отличается одна отъ другой разными громкими прибавленіями къ именамъ погребенныхъ въ нихъ покойниковъ князей, графовъ, генераловъ, сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта, императорскаго двора гофмаршаловъ, оберъ-гофмаршаловъ, гофмейстеровъ, оберъ-гофмейстеровъ, адмираловъ и пр., и пр., у лѣваго развѣтвленія проложенныхъ между памятниками мостковъ

помѣщается одна скромная могила, которая никакимъ внѣшнимъ отличіемъ, ни громкимъ прибавленіемъ къ имени лежащаго въ ней покойника, ни гербомъ, ни гордымъ девизомъ не говоритъ о томъ, что покаяющіяся въ ней кости принадлежали когда-то графу или графинѣ, князю или княгинѣ, или княжескому младенцу, или, наконецъ иному именитому лицу.

Напротивъ, на памятникѣ этомъ только и значатся эти единственные слова:

«Раба божія Марія Савишна Перекусихина. Представилась 8-го августа 1824-го года, на 85-мъ году отъ рожденія».

Кто она такая была? какой постъ и какое положеніе въ свѣтѣ и въ жизни занимала? какой носила титулъ? чья была супруга или дочь, кто были ея родители? — ничего этого нѣтъ на памятникѣ.

Дѣйствительно, это единственная могила, которая ничего не говоритъ о жизни похороненнаго въ ней лица. Всѣ остальные, — славныя и не славныя, именитыя и простыя, — всѣ носятъ титулы, начиная отъ высшихъ государственныхъ и придворныхъ чиновъ и кончая мелкими гражданскими званіями и должностями. Даже могилки младенцевъ не лишены титуловъ, родительскихъ гербовъ, эпитафій, текстовъ изъ священнаго писанія.

Одна лишь сказанная могила передаетъ намъ только имя крестное, отческое и фамильное похороненнаго въ ней лица и годъ его смерти.

Между тѣмъ это имя не лишено исторической извѣстности. Лѣтъ сто назадъ оно было въ великой силѣ. О женщинѣ, носившей это имя, когда-то много говорилось. Къ ней, при ея жизни, все теперь лежащее около нея съ громкими посмертными титулами подходило съ ласкательствами и знаками глубокаго почтенія. У нея заискивало все, что правило русскою землею, начиная отъ законодателей и кончая славными полководцами, къ именамъ которыхъ исторія

прибавила безсмертные когномены «Задунайскихъ», «Таврическихъ» и иныхъ героевъ и побѣдителей, напоминающіе безсмертные когномены римскихъ полководцевъ, Сципіоновъ «Африганскихъ», «Утическихъ» и другихъ.

И при всемъ томъ эта женщина не носила никакого титула и похоронена безъ титула.

Въ чемъ же была ея сила и въ чемъ историческое безсмертіе?

Многіе, быть можетъ, не согласятся съ нами, когда мы скажемъ, что сила этой женщины и права на историческое безсмертіе заключались въ томъ, что она была—только честная женщина и честно любила другую, болѣе славную и самую могущественную въ прошломъ столѣтіи изъ всѣхъ женщинъ въ Европѣ—Екатерину II.

«Марья Савишна Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера императрицы Екатерины II, совершенно ей преданная и пользовавшаяся особою ея довѣренностію, которую никогда не употребляла во зло, заслуживаетъ стоять наряду съ знаменитыми соотечественниками, - - говоритъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ замѣчательныхъ людей». - - Она безотлучно находилась при государынѣ; довольствовалась двумя, а иногда одною комнатою въ дворцахъ; убѣгала лести, занятая единственно услугою своей благодѣтельница; первая входила въ ея опочивальню въ семь часовъ утра; сопровождала Екатерину во время прогулокъ; была счастлива тогда только, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ».

Такъ говоритъ человѣкъ, жившій въ то время, когда еще жива была характеризуемая нами личность, хотя и писавшій о ней въ то время, когда личности этой уже не было на свѣтѣ.

Между тѣмъ живая молва, не всегда правая въ своихъ отношеніяхъ къ дѣйствительнымъ событіямъ и обыкновенно искажаю-

щая истину прямо пропорціонально удаленію отъ ея источника, въ послѣднее время набросила на память этой личности болѣе чѣмъ сомнительную тѣнь. Вслѣдъ за болтливою молвою и наша анекдотическая исторія не поскупилась въ этомъ случаѣ на намеки и недомолвки довольно прозрачнаго свойства, которыя всегда заставляютъ предполагать большее именно, тогда когда слово не досказано, чѣмъ тогда, когда слово досказано громко. Результатомъ этихъ историческихъ киваній и подмигиваній было то, что при имени Марьи Савишны Перекусихиной всегда является двусмысленная улыбка на лицѣ и у того, который произноситъ это имя, и у того, который его выслушиваетъ.

Но едвали эти историческія подмигиванья имѣютъ основаніе.

Дѣвица Перекусихина, напротивъ, является одною изъ немногихъ женщинъ прошлаго вѣка, жизнь которой не положила на ея имя ни одного сомнительнаго пятна. Это была личность безукоризненной честности, и если имя ея не поставлено рядомъ съ другими историческими именами прошлаго вѣка, такъ это потому, что женщина эта была добросовѣстнѣе другихъ. Имѣя возможность быть всѣмъ чѣмъ угодно, пользуясь безграничною довѣренностью и дружбой Екатерины, находясь въ самомъ средоточіи придворной жизни, полной блеска и соблазновъ, окруженная избранною молодежью обѣихъ столицъ и всякими карьеристами, которые за счастье для себя сочли бы повести подъ вѣнецъ любимую камеръ-юнгферу императрицы, помогая другимъ достигать высокихъ должностей, графскихъ и иныхъ титуловъ,—Машенька Перекусихина такъ и осталась и умерла Марьей Савишной Перекусихиной, не сдѣлавшись ни княгиней, ни графиней, не привязавъ къ своему имени болѣе громкую фамилію или высокое офиціальное званіе статсъ-дамы, гофмейстерины и т. д. Она не поднялась наверхъ славы не потому, что не могла,

а потому, что не хотѣла. Она была когда-то и молода, и хороша собой. Уже пожилою особою она сохранила слѣды красоты и привлекательности. Ея портретъ, бывшій на петербургской исторической выставкѣ въ 1870 году, не могъ не обратить на себя вниманіе: съ стараго, нѣсколько потрескавшагося полотна Перекусихина смотреть такими добрыми, не лукавыми, но умными глазами. Это—чисто русское, открытое, простое, симпатичное лицо. Она смотритъ скорѣе русскою бабою, хорошею нянюшкою, чѣмъ придворною особою, которая могла давать аудіенціи свѣтиламъ государства, передъ которой заискивала въ черные дни своей жизни княгиня Дашкова, не хотѣвшая заискивать передъ Вольтеромъ и Руссо, отъ которой ждалъ ласковаго слова Державинъ, когда хотѣлъ, чтобы на него внимательнѣе взглянула Екатерина или внимательнѣе выслушала ея новую оду.

Перекусихина могла обогатиться, жить въ своихъ вотчинахъ, повелѣвать тысячами крестьянъ, являться, когда пожелаетъ, при дворѣ стоять у трона,—и между тѣмъ она пряталась за трономъ, на которомъ сидѣлъ ея царственный другъ, и служила этому другу до смерти, иногда, во время своей болѣзни, принимая взаимныя услуги отъ императрицы, которая сама ухаживала за ней.

И въ самомъ дѣлѣ, какая бы изъ придворныхъ особъ на ея мѣстѣ не захотѣла что-называется выйти въ люди? А Перекусихина не вышла—такъ и отнесена на кладбище просто Перекусихиной, «рабой божіей», безъ всякаго званія, безъ титула, безъ герба, безъ эпитафіи, даже безъ надгробнаго памятника, такъ или иначе бьющаго на эффектъ.

Перекусихина родилась въ 1739 году. Слѣдовательно, она десятью годами была моложе Екатерины. Когда послѣдняя вступила на престолъ, Марья Савишнѣ было двадцать три года. Когда Екатерина умерла, Перекусихиной было уже пятьдесятъ семь лѣтъ.

Какое и гдѣ получила она воспитаніе, не извѣстно. Но что она могла быть дѣвушкою образованною, видно изъ того, что братъ, Василій Савичъ Перекусихинъ, бывшій пятнадцатью годами старше сестры, получилъ хорошее по тому времени образованіе, дослужился до чина тайнаго совѣтника и умеръ сенаторомъ въ 1788-мъ году, въ то время когда сестра его оставалась попрежнему простою камеръ-юнгферою.

Изъ многихъ письменныхъ свѣдѣній, оставленныхъ современниками Перекусихиною, видно, что она пользовалась огромнымъ значеніемъ при Екатеринѣ; но это значеніе было не официальное, а чисто дружеское. Намъ извѣстно изъ свидѣтельствъ современниковъ, какъ, на примѣръ, княгиня Дашкова, другъ Екатерины и президентъ академіи наукъ, обращалась часто къ Перекусихиною, чтобъ найти у императрицы благопріятный приемъ для своихъ представленій. Всѣ придворные фавориты второй половины прошлаго вѣка находились въ нравственной зависимости отъ Перекусихиною.

Насколько сама императрица была привязана къ этой женщинѣ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа, приводимаго писателями прошлаго и нынѣшняго вѣка.

Однажды императрица и ея любимица занемогли въ одно время. Перекусихина была больна до такой степени, что не могла встать съ постели, и, слѣдовательно, не могла служить своей государынѣ, тоже сильно занемогшей. При всемъ томъ императрица, несмотря на свою слабость, во все время болѣзни Перекусихиною, навѣщала свою любимицу каждый день, будучи поддерживаема двумя камеръ-юнгферами. Но когда болѣзнь самой императрицы стала внушать всѣмъ опасенія, то Екатерина, боясь оставить свою любимицу безпомощною послѣ своей смерти, прежде всего вспомнила о ней и позаботилась о ея участи. Она вложила

въ особый пакетъ двадцать пять тысячъ рублей и написала на немъ: «Марья Савишнѣ по моей кончинѣ».

Послѣ своего выздоровленія императрица самолично вручила деньги Перекусихиной, согласно своему завѣщанію.

— Возьми это - - говорила императрица - - какъ залогъ моей дружбы, и пользуйся тѣмъ, что я тебѣ готовила, не надѣясь жить.

Екатерина, видя, что ея наперсница твердо рѣшилась не выходить замужъ, несмотря на возможность выбора себѣ партіи между самыми блестящими женихами изъ придворной молодежи и изъ служебныхъ людей всѣхъ сферъ, часто шутила на этотъ счетъ съ своей камергъ-юнгферой и называла себя самое женихомъ Перекусихиной.

Такъ, однажды, при помолвкѣ племянницы Перекусихиной, Екатерины Васильевны Перекусихиной, дочери брата Марьи Савишны, сенатора Василія Савича Перекусихина, съ Ардалиономъ Александровичемъ Торсуковымъ, впоследствии оберъ-гофмейстеромъ высочайшаго двора, императрица, одаривъ невѣсту, вручила теткѣ ея перстень съ своимъ портретомъ въ мужскомъ одѣяніи.

— Вотъ и тебѣ женихъ - - сказала Екатерина, - - которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь.

И дѣйствительно не измѣнила.

Первенство при дворѣ занимали многіе избранные, начиная отъ Салтыкова, Станислава-Августа Понятовскаго, Орлова, Васильчикова, Потемкина, Завадовскаго и кончая Зубовымъ; эти первенствующие лица уступали мѣсто другимъ, восходя отъ одной ступеньки почестей къ другой; много и придворныхъ дамъ выступало на первый планъ, какъ Дашкова, Протасова и другія; онѣ также проходили по придворной сценѣ какъ тѣни въ калейдоскопѣ:

*

одна Перекусихина оставалась на своемъ мѣстѣ, не поднимаясь ни на одну ступеньку выше и не спускаясь ниже, пока сама не опустила въ гробъ своего жениха Екатерину. «Можно представить себѣ отчаяніе Марьи Савишны 6-го ноября 1796-го года, - - говоритъ Бантышъ-Каменскій, - - когда услышала она о постигшемъ ударѣ императрицу! Ударъ былъ смертельный, въ голову: искусство и усердіе докторовъ остались бесполезны.»

Но и въ этомъ отчаянномъ положеніи Екатерина могла быть еще спасена, еслибъ придворные, и въ особенности Зубовъ, послушались Перекусихиной. Она первая настаивала, какъ мы уже видѣли въ характеристикѣ Екатерины, чтобы больной пустили кровь тотчасъ послѣ удара; но Зубовъ растерялся и потерялъ время.

Послѣдняго и единственнаго жениха у Перекусихиной не стало. Екатерина лежала мертвая.

«Сколь почтенна была тогда Марья Савишна Перекусихина, - - говоритъ очевидецъ, графъ Ростопчинъ, въ своемъ сочиненіи «Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II». - - Екатерина, переселившаяся въ вѣчность, какъ-будто покоилась въ объятіяхъ сладкаго сна: пріятность и величество изображались, по прежнему, на лицѣ ея. Почивальня, въ мгновеніе ока, наполнилась воплемъ женщинъ, служившихъ ей. Въ эту роковую минуту Марья Савишна, оставшаяся въ-живыхъ, чтобы оплакивать невозвратную потерю, вооружилась необыкновенною твердостью духа: она не спускала глазъ съ императрицы; поправляла ей то руки, то голову, то ноги; покоила тѣло и, несмотря на то, что Екатерина кончила бытіе свое, стремилась духомъ вслѣдъ за безсмертною душою.»

На престолъ взшелъ сынъ умершей, императоръ Павелъ Петровичъ.

Достоинo вниманiя слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что Павелъ не особенно любилъ лицъ приближенныхъ своей матери. Многихъ изъ нихъ постигла его холодность, даже болѣе — прямая опала, особенно тѣхъ, которые были прямыми или косвенными участниками въ дѣлѣ восшествiя на престолъ Екатерины II. Княгиню Дашкову, друга императрицы, Павелъ Петровичъ тотчасъ же сослалъ въ деревню «вспоминать о событiяхъ 28-го iюня 1762-го года», какъ императоръ самъ выразился. У императора Павла всѣ признавали рыцарскiя наклонности несмотря на его несдержанность. У него, говорятъ, было хорошее чутье на честныхъ людей, тѣмъ болѣе, что, оставаясь долго въ сторонѣ отъ двора матери при жизни ея, онъ могъ лично видѣть и слышать, что тамъ дѣлалось. Онъ, конечно, хорошо зналъ и ту роль, какую занимала Перекусихина при особѣ его матери: онъ зналъ, что роль эта была — честная, а не такая, какъ ее изобразили историческiе анекдоты послѣдняго времени.

Вотъ почему Павелъ Петровичъ, отсылая княгиню Дашкову въ деревню, Перекусихину не забылъ наградить тотчасъ же по восшествiи своемъ на престолъ. Въ день коронаванiя своего и императрицы Марiи Федоровны, 17-го декабря 1796-года, Павелъ I, «въ награду долговременной и усердной службы дѣвицы Перекусихиной», пожаловалъ ей пожизненный пансионъ изъ своего собственнаго кабинета въ тысячу двѣсти рублей.

Могила Перекусихиной, какъ мы сказали выше, вся окружена знаменитостями, а около ея собственнаго памятника помѣстились и ближайшiе родные этой женщины. Нѣсколько поодаль, съ лѣвой стороны, лежитъ ея братъ тайный совѣтникъ и сенаторъ Василiй Савичъ Перекусихинъ, умершiй тридцатью шестью годами раньше своей сестры, еще въ прошломъ столѣтiи. Упомянутая нами выше дочь его, Екатерина Торсукова, поста-

вила надъ отцомъ приличный памятникъ, который гласить: «Сіе плачевное изданіе отъ дочери его Катерины Васильевны, по супружеству Торсуковой». Въ головахъ у отца легла потомъ и сама эта дочь, оберъ-гофмейстерша высочайшаго двора. Рядомъ съ нею положенъ и мужъ ея, оберъ-гофмейстеръ — это все родня Перекусихиной. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нея лежатъ: адмиралъ Апраксинъ, родившійся въ годъ основанія Петербурга, покоится подъ великолѣпной бронзовой плитой, изукрашенной гербами, кораблями, орденами и девизами; черезъ мостки — Анна Александровна Жеребцова, урожденная Еропкина, которую Перекусихина знала еще крошечной дѣвочкой; тутъ же ея сестра Прасковья, о которой могильная надпись гласить: «У ногъ лежитъ сваво отца дѣвица Прасковья Алексѣевна Еропкина», которую Перекусихина также знавала ребенкомъ. Нѣсколько далѣе — графъ Гендриковъ: и его маленькимъ знала Перекусихина.

Памятникъ самой Перекусихиной — это простой четырехугольный пьедесталъ, аршина въ два съ половиною вышиной, изъ сѣраго камня, значительно изъѣденнаго временемъ, солнцемъ, дождемъ и всякою непогодю. На мраморной доскѣ простая надпись, которую мы уже привели: «раба божія» — и только. Наверху — крестъ, уже сильно покачнувшійся на-сторону.

Памятникъ вросаетъ въ-землю.

VII.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова.

Безъ сомнѣнiя, большей части читателей памятенъ весьма распространенный эстампъ, изображающiй одну замѣчательную женщину прошлаго вѣка въ томъ видѣ, въ какомъ сохранило ее для насъ время въ тогдашнемъ современномъ портретѣ: доброе женское лицо, уже даже далеко не молодое и не красивое; лицо это невольно останавливаетъ на себѣ вниманiе тѣмъ, что на плечахъ этой пожилой женщины—мужской мундиръ или кафтанъ прошлаго вѣка; грудь украшена звѣздою; на головѣ женщины—старушечiй чепчикъ, нѣчто вродѣ колпака.

Это, какъ всѣмъ извѣстно,—княгиня Дашкова.

Есть и еще портретъ русской женщины тоже въ мужскомъ, только военномъ мундирѣ, но значительно менѣе распространенный и менѣе извѣстный: военный мундиръ этой послѣдней женщины, тоже уже старушки, украшенъ георгиевскимъ крестомъ.

Это — Дурова, «дѣвица-кавалеристъ».

Скажемъ же прежде о Дашковой, какъ исторической женской личности; а о Дуровой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

«Въ XVIII столѣтїи, благодаря петровскому перевороту, русская женщина приобрѣла человѣческія права. Четыре женщины носили въ этомъ столѣтїи императорскую корону и нѣсколько замѣчательныхъ не коронованныхъ женскихъ личностей оставили слѣды своего существованія на поприщѣ болѣе видномъ и обширномъ, чѣмъ замгнутые терема. Если подобныя личности и появлялись до переворота, то онѣ составляли рѣдчайшія исключенія, и если послѣ переворота ихъ можно еще считать исключеніями, то уже далеко не столь рѣдкими. Въ 1762 году однимъ изъ главныхъ дѣятелей возведенія на престолъ русской Великой Екатерины II является девятнадцатилѣтняя женщина — княгиня Дашкова; она обращаетъ на себя вниманіе всей образованной Европы, которая въ лицѣ современныхъ писателей вноситъ ея имя въ исторію, и, разъ обративъ на себя ея вниманіе, она не исчезаетъ, какъ метеоръ, но до послѣдней минуты своей жизни остается личностію замѣчательнѣйшею. Съ большимъ успѣхомъ и честью исполняетъ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, должность директора академіи наукъ, — дѣло, до тѣхъ поръ неслыханное, — становится основательницей и президентомъ россійской академіи и до послѣдней минуты своей жизни остается женщиной настолько же, насколько и замѣчательнѣйшей личностію.»

Такими словами начинаетъ характеристику княгини Дашковой одинъ изъ современныхъ русскихъ писателей въ биографіи этой женщины, и нельзя не согласиться съ нимъ, что на подобныя личности между женщинами, какою является княгиня Дашкова, не богата исторія всего человѣчества. Тѣмъ болѣе должны дорожить такими, историческими женскими именами мы, русскіе, юнѣйшіе изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы, что эта послѣдняя, вообще мало цѣня наши заслуги въ исторіи общечеловѣческаго развитія, не отказываетъ въ этихъ заслугахъ нѣкоторымъ

русскимъ историческимъ женскимъ личностямъ, относительный процентъ которыхъ у насъ едвали ниже процента такихъ же историческихъ личностей въ остальной Европѣ.

Екатерина Романовна родилась около половины осмнадцатаго столѣтія, въ 1744 году, и потому не принадлежитъ уже къ русскимъ женщинамъ ни петровской, ни бироновской эпохи. Она происходила изъ знатнаго рода графовъ Воронцовыхъ, приходилась сродни графамъ Панинымъ и вообще принадлежала къ высшимъ родамъ русскаго царства. Уже при самомъ рожденіи она отличена была передъ другими знатными дѣвушками тѣмъ, что восприемницей ея отъ купели была сама императрица Елизавета Петровна, а крестнымъ отцомъ—тогдашній наслѣдникъ престола, впоследствии императоръ Петръ III.

Она лишилась матери, когда ей было всего два года. Отецъ ея, еще молодой человекъ, не могъ заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, потому что весь отданъ былъ свѣтскимъ удовольствіямъ, а потому маленькая Екатерина до четырехъ лѣтъ жила у своей бабушки, по обычаю почти всѣхъ бабушекъ не чаявшей души въ своей внучкѣ-сироткѣ; съ четырехъ же лѣтъ маленькую графиню взяли въ домъ къ дядѣ ея, вице-канцлеру Михайлу Иларіоновичу Воронцову, женатому на двоюродной сестрѣ государыни и пользовавшемуся, особенно послѣ паденія Бестужева-Рюмина, большимъ вліяніемъ при дворѣ. Въ домъ у Воронцова часто бывала сама императрица, обѣдала и проводила цѣлые вечера. Маленькая крестница императрицы нерѣдко играла на колѣняхъ у своей высокой крестной матери, сиживала съ ней рядомъ за столомъ и вообще пользовалась ея ласками. Воронцовъ въ своей привязанности къ племянницѣ не отличалъ ее отъ своей родной дочери Анны, съ которою маленькая Екатерина провела все дѣтство и первую молодость, живя въ одной комнатѣ. Ихъ и воспитывали вмѣстѣ, и

одѣвали въ одинакія платья, одни и тѣ же учителя учили обѣихъ дѣвушекъ.

И несмотря, однако, на эту внѣшнюю тождественность воспитанія, изъ одной дѣвушки вышла крупная историческая личность, занявшая почетное и даже рѣдко выпадавшее на долю женщины мѣсто женщины-дѣятеля въ исторіи, другая же ничѣмъ не заявила своихъ правъ на историческое бессмертіе.

«Мой дядя -- говоритъ о себѣ впоследствии Дашкова въ оставленныхъ ею запискахъ -- ничего не жалѣлъ, чтобъ дать своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей, и, по понятіямъ того времени, мы получили наилучшее воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ и мы говорили бѣгло по-французски; одинъ статскій совѣтникъ выучилъ насъ итальянскому языку, а г. Бектеевъ давалъ уроки русскаго, когда мы удостоивали ихъ брать. Мы сдѣлали большіе успѣхи въ танцованіи и немного знали рисовать. Кто могъ вообразить, что такое воспитаніе было не совершенно?»

Время воспитанія и обученія длилось до четырнадцатилѣтняго возраста маленькой графини. Но богатая натура ея не удовлетворялась тѣмъ, что она получила; въ душѣ былъ большой запросъ на многое, чего она еще не знала, не видѣла, не испытывала. Рано проявилось въ ней неясное сознаніе своей силы и чувство богатыхъ внутреннихъ задатковъ, и это обнаруживалось въ ней съ одной стороны какою-то гордостью, признаніемъ за собой чего-то большаго, чѣмъ то, что въ ней думали видѣть, а съ другой страстнымъ желаніемъ раздѣла чувствъ, впечатлѣній, знаній—желаніемъ дружбы и любви. Но отзывая на все это она не могла найти ни въ комъ: съ совоспитанницей своей она не сошлась душою, а другихъ родныхъ никого близко не имѣла, и только глубокую дружбу воспитала она въ себѣ къ своему брату Александру, къ которому питала это чувство

всю жизнь, какъ и вообще всѣ ея привязанности отличались полно-
тою и какою-то законченностью: она всякому чувству отдавалась вся.

Сначала она чувствовала себя вполне одинокою, именно въ
періодъ броженія молодыхъ силъ.

Но въ это время случившаяся съ ней болѣзнь едвали не была
тѣмъ роковымъ стимуломъ, который нерѣдко опредѣляетъ на всю
жизнь дальнѣйшее развитіе и самое призваніе человѣка. Она заболѣла
корью, и такъ какъ семья, въ которой она жила, имѣла постоянныя
сношенія съ дворомъ, то изъ опасенія, чтобы корь не занесена была
во дворецъ и не заразила великаго князя Павла Петровича, моло-
дую дѣвушку удалили за 60 верстъ отъ столицы, въ деревню, при-
ставивъ къ больной какую-то компаньонку-нѣмку.

Здѣсь-то, когда болѣзнь ея нѣсколько облегчилась, въ одино-
чествѣ она набросилась на книги, и когда воротилась уже въ домъ,
то страсть къ чтенію оставалась въ ней преобладающей страстью.
Она читала все, что находила въ богатомъ домѣ вице-канцлера;
Вольтера, Буадо, Монтескье и др. она читала, какъ это обыкно-
венно бываетъ въ періодъ броженія молодыхъ силъ, запоемъ, лихо-
радно. Она не останавливалась на легкомъ чтеніи: философскій
вѣкъ захватилъ и ее своимъ крыломъ. Всѣ свои деньги она тратила
на книги, и притомъ на такія, какъ знаменитая «Энциклопедія»
XVIII вѣка и «Лексиконъ» Морери. О всемъ прочитанномъ, о своихъ
впечатлѣніяхъ она ни съ кѣмъ не могла говорить, и это еще больше
волновало ее, потому что съ братомъ, уѣхавшимъ въ Парижъ, она
могла только переписываться. Жажда знаній доходила до страстно-
сти, до болѣзненности. Живя въ домѣ вице-канцлера, она еще ре-
бенкомъ заглядывала въ лежавшія у него въ кабинетѣ важныя госу-
дарственныя бумаги, и невольно интересовалась тѣмъ, что тамъ пи-
сано, а когда подросла, то рѣшительно не давала покоя всѣмъ посѣ-
щавшимъ вице-канцлера заѣзжимъ ученымъ, посланникамъ, худож-

никамъ, выпрашивая у нихъ обо всемъ, что занимало ея пытливый умъ. Замѣтивъ эту даровитость молоденькой дѣвушки, «русскій меценатъ» Иванъ Ивановичъ Шуваловъ любезно доставалъ ей все, что только выходило въ Европѣ замѣчательнаго по части литературы.

Эта болѣзненная страстность не могла не броситься въ глаза и не обезпокоить старшихъ за ея здоровье, а императрица показала настолько заботливости объ участи своей крестницы, что прислала къ ней своего врача, доктора Бургаве, который нашелъ, что молодая дѣвушка страдаетъ душевнымъ разстройствомъ. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы о причинѣ этого разстройства; всѣ приняли въ ней живое участіе, потому что видѣли въ молодой особѣ естественную блѣдность и утомленіе, — и на обращенные къ пей по этому случаю вопросы дѣвушка, не желая выдавать своей чувствительности и томившей ее внутренней гордости, отвѣчала, что все это—просто разстройство, головная боль и т. д.

Для молодой дѣвушки наступало время замужества.

Хотя она и пользовалась полною свободою въ домѣ своего дяди и могла располагать не только своимъ временемъ, но и выборомъ знакомыхъ и удовольствій, однако ее не влекло къ свѣтскимъ удовольствіямъ и къ тому, что соединено съ понятіемъ свѣтскихъ «выѣздовъ»; у нея былъ небольшой кружокъ знакомыхъ, къ которымъ она ѣздила запросто. Къ числу такихъ знакомыхъ принадлежала г-жа Самарина.

Знакомство съ Самариною косвеннымъ образомъ было причиною того, что въ жизни молодой дѣвушки совершился тотъ роковой фактъ, отъ котораго зависитъ весь дальнѣйшій ходъ жизни: Екатерина Романовна должна была проститься съ дѣвическою свободою.

Однажды Екатерина Романовна возвращалась отъ Самариной поздно вечеромъ. Ночь была лѣтняя и сестра Самариной звалась проводить молодую графиню до дому нѣшномъ, приказавъ

каретѣ ѣхать впереди. Когда они шли, то изъ другой улицы навстрѣчу имъ вышелъ какой-то мужчина въ военномъ платьѣ, который, въ сумеркахъ, показался молодой дѣвушкѣ какимъ-то гигантомъ. Оказалось, что это былъ князь Дашковъ, преображенскій офицеръ, котораго Екатерина Романовна никогда не видала, но который былъ хорошо знакомъ съ Самариными. Дашковъ заговорилъ съ дамами и произвелъ на молодую дѣвушку такое впечатлѣніе, что уличное знакомство превратилось въ пріязнь, а потомъ и въ глубокую привязанность съ обѣихъ сторонъ.

Но въ это время молодая дѣвушка нашла и новую привязанность, которая имѣла въ ея жизни едвали не болѣе роковое значеніе, чѣмъ замужество. Это — страстная привязанность ея къ супругѣ наследника престола, Петра Федоровича, къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, будущей императрицѣ Екатеринѣ II.

Однажды зимой, у дяди ея проводили вечеръ и ужинали наследникъ престола и его молодая супруга. Екатерина Алексѣевна давно слышала о молодой племянницѣ вице-канцлера, какъ о замѣчательной дѣвушкѣ; она знала ея привязанность къ серьезнымъ занятіямъ, о ея развитости, о ея далеко не дюжинномъ умѣ, выходявшемъ изъ ряда всего, что только было извѣстно любознательной цесаревнѣ. Цесаревна могла теперь лично убѣдиться, что такое была эта дѣвушка, и отмѣтила ее, какъ свою избранницу, потому что будущая императрица обладала именно этимъ рѣдкимъ свойствомъ — выбора людей.

«Въ продолженіе всего этого памятнаго вечера - - писать въ своихъ запискахъ Дашкова - - великая княгиня обращалась только ко мнѣ; ея разговоръ меня восхитилъ: возвышенныя чувства и обширныя познанія, которыя она выказала, заставляли меня смотрѣть на нее какъ на существо избранное, стоящее выше всѣхъ остальныхъ, существо возвышенное до такой степени, что она превосходила всѣ

мои самыя пламенныя идеи о совершенствѣ. Вечеръ прошелъ быстро; но впечатлѣніе, которое она произвела на меня, осталось неизгладимымъ.»

Когда великая княгиня прощалась съ хозяевами, то нечаянно уронила вѣеръ. Молодая графиня поспѣшила поднять его и подала Екатеринѣ; но эта послѣдняя, не принимая вѣера, поцѣловала дѣвушку и просила сохранить вѣеръ какъ память о первомъ вечерѣ, проведенномъ ими вмѣстѣ.

— Я надѣюсь, - - заключила она, - - что этотъ вечеръ положилъ начало дружбы, которая кончится только съ жизнію друзей.

Дѣйствительно, великая княгиня окончательно побѣдила сердце восторженной дѣвушки. Вечеръ положилъ начало не только дружбѣ, но и страстной привязанности молодой Воронцовой къ Екатеринѣ: Воронцова впоследствии доказала, что за этотъ вечеръ, за этотъ вѣеръ и за привѣтъ она готова была идти на плаху во имя той, которой всецѣло отдала свою волю. Вѣеръ остался самымъ дорогимъ ея воспоминаніемъ на всю жизнь, и она было завѣщала положить его съ собою въ гробъ, но только впоследствии, когда Екатерина оттолкнула отъ себя молодую энтузіастку своимъ царственнымъ, нѣсколько холоднымъ величіемъ, а Дашкова нашла полную дружескую привязанность въ другой женщинѣ, рѣшеніе это осталось неисполненнымъ.

Это было какъ-разъ передъ ея замужествомъ: въ февралѣ 1759 года Екатерина Романовна вышла замужъ за того, который ей показался когда-то гигантомъ, за князя Дашкова.

Будемъ и мы теперь называть ее княгинею Дашковою.

Обходя подробности о разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ жизни княгини Дашковой, мы будемъ останавливаться преимущественно на тѣхъ сторонахъ ея жизни, въ которыхъ проявлялась ея или политическая или общественная дѣятельность.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодые Дашковы представлялись Петру Федоровичу, который въ то время жилъ въ ораніенбаумскомъ дворцѣ.

— Хотя я знаю, что вы рѣшились не жить у меня во дворцѣ, - - обратился великій князь къ Дашковой, - - но надѣюсь васъ видѣть каждый день, и желалъ бы, чтобы вы проводили болѣе времени со мной, чѣмъ въ обществѣ великой княгини.

Но молодая Дашкова уже вся принадлежала именно этой великой княгинѣ.

— Дитя мое, - - говорилъ ей въ другой разъ великій князь, - - не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку.

Но Дашкова не думала этого и не боялась. Великая княгиня была ея кумиромъ, и этому божеству она поклонялась, тѣмъ болѣе, что и общество, окружавшее Екатерину, имѣло болѣе серьезные задатки и болѣе влекло къ себѣ Дашкову, чѣмъ общество поклонника голштинскаго обмундированія и прусскихъ порядковъ.

И теперь подъ стариннымъ, современнымъ разсматриваемой нами эпохѣ гравированнымъ портретомъ Екатерины II мы читаемъ слѣдующую подпись:

Природа въ свѣтъ тебя стараясь произвестъ,
Дары свои на тя одну истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвестъ,
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила.

Это такъ писала Дашкова къ своему высочайшему кумиру; и Екатерина съ своей стороны умѣла поддерживать въ Дашковой эту восторженность, хотя сама, повидимому, и не чувствовала вполне того, чѣмъ такъ ловко побѣждала и умъ и волю молодой энтузіастки.

Вотъ что, между прочимъ, отвѣчала ей Екатерина на письмо, при которомъ были присланы Дашковой эти стихи, которые мы привели выше: «Какіе стихи! какая проза! И это въ семнадцать лѣтъ! Я васъ прошу, скажу болѣе — я васъ умоляю не пренебрегать такимъ рѣдкимъ дарованіемъ. Я могу показаться судьей не вполне безпристрастнымъ, потому что въ этомъ случаѣ я сама стала предметомъ очаровательнаго произведенія, благодаря вашему обо мнѣ черезчуръ лестному мнѣнію. Можетъ быть вы меня обвините въ тщеславіи, но позвольте мнѣ сказать, что я не знаю, читала ли я когда-нибудь такое превосходное, поэтическое четверостишіе. Оно для меня не менѣе дорого и какъ доказательство вашей дружбы, потому что мой умъ и сердце вполне преданы вамъ. Я только прошу васъ продолжать любить меня и вѣрить, что моя къ вамъ горячая дружба никогда не будетъ слабѣе вашей. Я заранѣе съ наслажденіемъ думаю о томъ днѣ, будущей недѣли, который вы обѣщались мнѣ посвятить, и надѣюсь кромѣ того, что это удовольствіе будетъ повторяться еще чаще, когда дни будутъ короче. Посылаю вамъ книгу, о которой я говорила: займитесь побольше ею. Скажите князю, что я отвѣчаю на его любезный поклонъ, который я получила отъ него, когда онъ проходилъ подъ моимъ окномъ. Расположеніе, которое вы мнѣ оба выказываете, право, трогаетъ (меня) мое сердце; а вы, которая такъ хорошо знаете его способность чувствовать, можете понять, сколько оно вамъ благодарно.»

Екатерина не даромъ писала ей такимъ образомъ: она не могла не предвидѣть, что ей нужны будутъ люди, можетъ быть скоро, какъ они нужны были ей и во всякую данную минуту. Стихъ Дашковой, ставившій великую княгиню идеаломъ чело-вѣческаго совершенства, могъ легко облетать нетолько Петербургъ, но и всю Россію, увеличивая популярность Екатерины

насчетъ популярности ея супруга. Кроме того, и личнымъ своимъ характеромъ, своею пламенною и сильною натурою Дашкова могла пригодиться ей и въ случаѣ такихъ рѣшеній, гдѣ нужна чья-нибудь восторженная голова, гдѣ нужно, не задумываясь, пожертвовать жизнью, и этой жизнью пожертвуютъ. Дашкова, едва вступила въ придворную жизнь, какъ уже стала въ ряды бойцовъ Екатерины: своей красотой и молодостью, своимъ рѣдкимъ въ женщинѣ политическимъ тактомъ она уже вербовала Екатерины новыхъ союзниковъ, и смѣлыми, даже дерзкими отвѣтами великому князю она, какъ сама признавалась, приводила въ ужасъ его приверженцевъ и льстецовъ, и роняла имя Петра Федоровича, возвышая имя его супруги. Въ Дашковой видѣли силу воли, которая хотя и могла исходить изъ юношеской экзальтаціи, но тамъ, гдѣ все иногда зависитъ отъ пламеннаго слова, сказаннаго въ роковой моментъ, чтобы наэкзальтировать массу, ободрить нерѣшительныхъ — тамъ экзальтація хорошенькой женщины становилась сильнѣе цѣлаго корпуса гренадеровъ. Оттого вся гвардія, всѣ товарищи ея мужа какъ-будто инстинктивно ставили ее въ головѣ нѣмага заговора, который и созрѣвалъ въ мысли каждаго въ пользу другой женщины, долженствовавшей возвеличить Россію, а не привязать ее къ колесницѣ прусскаго короля, къ которой всѣми силами старался привязать ее наслѣдникъ престола, выдавая даже государственныя тайны своему идолу, прусскому королю, въ то время, когда Россія воевала съ Пруссією, какъ онъ впоследствии и признался секретарю государственнаго совѣта, Волкову, говоря: «Помнишь, какъ ты мнѣ сообщалъ приказанія совѣта, посылаемыя войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ пруссаковъ, а я о нихъ тотчасъ же предупреждалъ его величество короля.»

Понятно, что Екатерина должна была дорожить такой союзницей, какъ Дашкова.

Къ концу 1761 года здоровье императрицы Елизаветы не могло не возбуждать тревожныхъ опасеній. На престолѣ видѣлся уже Петръ III, а нелюбимая имъ супруга скорѣе всего должна была разсчитывать на монастырь вмѣсто трона, тѣмъ болѣе, что великій князь выражалъ желаніе развестись съ нею и жениться на сестрѣ Дашковой, Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой.

Надо было дѣйствовать.

Когда, въ половинѣ декабря, доктора рѣшили, что императрицѣ остается жить всего нѣсколько дней, и Дашкова узнала объ этомъ, она, не смотря на то, что сама была больна, 20 декабря въ полночь явилась къ Екатеринѣ, которая, вмѣстѣ съ другими членами царской фамилии, жила тогда въ деревянномъ дворцѣ на Мойкѣ. Шагъ былъ рискованный, потому что за поступками Екатерины Алексѣевны слѣдили, и потому необходимо было, чтобъ это ночное посѣщеніе осталось для всѣхъ тайной. Дашкова подъѣхала къ заднему крыльцу флигеля, занимаемаго Екатериной, и, несмотря на всѣ предосторожности, могла быть узнана, особенно когда ходы съ этой половины флигеля ей были неизвѣстны; но, къ счастью, ей попалась навстрѣчу самая вѣрная горничная великой княгини, Катерина Ивановна, которая тотчасъ же и поспѣшила провести ночную гостью въ покои великой княгини. Последняя тоже была больна и лежала въ постели. Ей доложили о Дашковой.

— О, ради Бога! введите ее поскорѣе ко мнѣ, если ужъ она въ самомъ дѣлѣ здѣсь, -- воскликнула она въ тревогѣ, зная, что и Дашкова больна.

Дашкова явилась.

— Дорогая моя княгиня, -- сказала ей Катерина, -- прежде чѣмъ вы сообщите мнѣ причину вашего необыкновенно поздняго посѣщенія, согрѣйтесь: право, вы ужасно мало заботитесь о

вашемъ здоровьи, которое такъ дорого для вашего мужа и для меня.

Она тутъ же уложила Дашкову къ себѣ въ постель и окутала ей ноги одѣяломъ.

Дашкова передала Екатеринѣ все, что знала объ ожиданіи скорой кончины императрицы и о томъ, какими роковыми послѣдствіями угрожаетъ ей вступленіе на престолъ Петра III. Екатерина конечно сама знала объ этомъ и приняла мѣры, о которыхъ Дашкова не знала; но Дашкова настаивала на необходимости дѣйствовать теперь же и употребить ее какъ орудіе, потому что она готова жертвовать своею жизнью для своего высочайшаго друга.

Екатерина плакала, прижимала къ сердцу руку Дашковой, благодарила ее и говорила, что у нея нѣтъ плана, что она отдастъ себя на волю божию.

Можетъ быть, опредѣленнаго плана у Екатерины дѣйствительно еще не было; но что уже было что-то задумано ею вмѣстѣ съ Орловымъ, это мы увидимъ впослѣдствіи.

— Въ такомъ случаѣ -- говорила Дашкова -- надо дѣйствовать вашимъ друзьямъ: я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобъ воодушевить ихъ всѣхъ; а сама я готова на всякую жертву.

Она говорила искренно, — и дѣйствительно, это была искра, которая могла зажечь мину: офицеры были на ея сторонѣ и готовы были идти за этой экзальтированной девятнадцатилѣтней головкой.

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности, чтобъ отвратить зло, котораго въ сущности нѣтъ средствъ отвратить, -- говорила Екатерина: -- если я буду причиной вашего несчастья, я вѣчно буду страдать за васъ.

— Во всякомъ случаѣ я не сдѣлаю ни одного шагу, который бы могъ повредить вамъ, -- возражала Дашкова: -- если встрѣ-

тится опасность, пусть я одна буду жертвой. Еслибъ слѣпая преданность вашимъ интересамъ привела меня на плаху, вы все-таки остались бы въ безопасности.

Черезъ пять дней императрица Елизавета Петровна скончалась. На престолѣ былъ Петръ III. Екатерина и ея друзья оставались въ тѣни; но дѣло, задуманное ею вмѣстѣ съ Григоріемъ Орловымъ и Дашковой зрѣло ни для кого невидимо.

Въ полгода кружокъ друзей Екатерины окончательно сплотился до того, что уже можно было рѣшиться на государственный переворотъ: кружокъ этотъ составляли — Григорій Орловъ, Дашкова, другіе Орловы, Пассекъ и Бредихинъ, друзья мужа Дашковой, Рославлевы и Ласунскій, гетманъ Разумовскій, — все это вліятельныя личности въ преображенскомъ и измайловскомъ полкахъ, а потомъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Наступилъ канунъ переворота.

27-го іюня (1762 года) Дашкова сидѣла у себя дома вмѣстѣ съ Панинымъ. Вдругъ является Григорій Орловъ, весь взволнованный.

— Пассекъ арестованъ, -- сказалъ онъ.

Извѣстіе это не могло не поразить: арестованіе Пассека, происшедшее вслѣдствіе того, что солдаты, посвященные въ заговоръ, своимъ нетерпѣніемъ видѣть скорѣе на престолѣ Екатерину выдали роковую тайну, равнялось обнаруженію заговора. Это значило, что оборвался волосокъ, на которомъ висѣлъ страшный топоръ.

— Развязка близка, -- сказала Дашкова, -- медлить нельзя: сейчасъ же узнайте, за что арестованъ Пассекъ — за нарушеніе ли военной дисциплины, или какъ государственный преступникъ? Если наши опасенія справедливы, тотчасъ же дайте намъ знать объ этомъ со всѣми подробностями.

Дашкова, накинувъ на плечи большой мужской плащъ и надѣвъ шляпу, бросилась къ Рославлевымъ, чтобъ увѣдомить ихъ о случившемся. Она шла пѣшкомъ.

На дорогѣ, какъ она сама рассказываетъ, ей повстрѣчался красивый всадникъ, который мчался куда-то во весь опоръ. Дашкова, никогда не видѣвшая младшихъ братьевъ Григорія Орлова, догадалась, что это кто-либо изъ нихъ. Она оглянулась. Это былъ Алексѣй Орловъ, который скакалъ отъ брата объявить Дашковой, что Пассекъ арестованъ какъ государственный преступникъ, что къ дверямъ его комнаты приставлены четыре часовыхъ и по два у каждаго окна.

— Мой братъ -- прибавилъ онъ -- поѣхалъ передать эту новость Панину, а я сейчасъ объявилъ ее Рославлевымъ.

Тутъ же на улицѣ, гдѣ было безопаснѣе совѣщаться о тайномъ дѣлѣ, чѣмъ дома, гдѣ могла подслушать прислуга, они условились, какъ имъ дѣйствовать. Дашкова поручила Орлову извѣстить о происшествіи всѣхъ своихъ сообщниковъ — офицеровъ измайловскаго полка, чтобъ они съ своими солдатами готовились къ принятію императрицы.

— А вы -- заключила она -- или кто-нибудь изъ вашихъ офицеровъ съ быстротою молніи неситесь въ Петергофъ (гдѣ въ то время находилась Екатерина) и просите отъ моего имени императрицу немедленно сѣсть въ приготовленную для нея карету (карету еще наканунѣ Дашкова велѣла приготовить черезъ жену камердинера Екатерины, Шкурину) и позволить везти себя въ Петербургъ, въ измайловскій полкъ, который ждетъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда можетъ провозгласить ее государыней и ввести въ столицу. Скажите ей, что ея пріѣздъ такъ необходимъ, что я даже не хотѣла написать записки, чтобъ не замедлить его нѣсколькими даже минутами, и только на улицѣ словесно просила

вась скакать въ Петергофъ и ускорить ея прїѣздъ. Можетъ быть, я сама отправлюсь къ ней навстрѣчу.

Эта предусмотрительная молодая заговорщица заказала портному для себя мужское платье, но только къ вечеру этого дня, и потому теперь не могла ѣхать навстрѣчу Екатеринѣ.

Воротившись домой, она, чтобъ избѣжать всякихъ подозрѣній, снова легла въ постель; но не прошло и часу, какъ явился младшій Орловъ, Владимїръ.

Онъ прїѣхалъ спросить, не слишкомъ ли рано беспокоить государыню? Не слѣдуетъ ли отложить ея прїѣздъ въ Петербургъ?

Эта затѣйка въ такомъ роковомъ дѣлѣ поразила Дашкову. Она рѣзко отозвалась о такой непростительной ошибкѣ Орловыхъ.

— Вы уже потеряли самое драгоценное время, -- говорила она съ досадою: -- а что касается до того, что императрица испугается, такъ, по моему, лучше въ обморокъ привезти ее въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть опасности провести всю жизнь въ монастырѣ или съ нами вмѣстѣ раздѣлить эшафотъ.

Тогда Алексѣй Орловъ поскакалъ въ Петергофъ. Уже въ два часа ночи онъ разбудилъ Екатерину словами: «Пассекъ арестованъ!»

Давъ императрицѣ наскоро одѣться, Орловъ посадилъ ее въ приготовленную, по распоряженію Дашковой, карету, самъ сѣлъ на козлы вмѣсто кучера и погналъ лошадей во всю мочь. На пути къ Петербургу лошади упали, не выдержавъ страшной гонки. Тогда Екатерина пересѣла въ попавшуюся имъ навстрѣчу крестьянскую телегу, и Орловъ снова погналъ въ столицу. Къ счастью, Григорій Орловъ спѣшилъ къ нимъ навстрѣчу съ каретою.

Въ семь часовъ утра 26 іюня 1762 года Екатерину подвезли къ казармамъ измайловскаго полка.

Императрицу встрѣтила небольшая кучка солдатъ. Это ее смутило. Но едва она показалась, какъ ударили тревогу, и весь полкъ

вышелъ привѣтствовать новую государыню. Къ измайловскому полку присоединились и другіе. Изъ домовъ высыпалъ народъ, и съ криками «ура» Екатерина въѣхала въ столицу.

Эта неожиданная вѣсть быстро разнеслась по Петербургу. Когда Екатерина только проѣзжала по улицамъ города, приближаясь къ казанскому собору, народъ уже встрѣчалъ ее на улицахъ и привѣтствовалъ въ ней свою императрицу.

Въ соборѣ встрѣтилъ ее новгородскій архіепископъ Сѣченовъ, благословилъ государыню и отслужилъ молебенъ.

Дашкова въ это время была дома. Она провела ужасную ночь: торжество ея державнаго друга, неудача, арестъ, эшафотъ— все это пережила она въ страшную ночь наканунѣ памятнаго ей на всю жизнь Петрова дни.

Но теперь и она знала, что та, у которой подъ одѣяломъ она отогрѣвалась еще такъ недавно, уговаривая ее позаботиться о тронѣ, въ это утро сѣла на тронъ.

Дашкова поспѣшила во дворецъ. Его окружали войска и народъ. Только пушка могла пробить эти живыя стѣны; но юная заговорщица, а теперь — другъ новой императрицы, легко прошла сквозь эти живыя стѣны: подданные ея друга узнали ее, взяли на руки и съ шумными привѣтствіями пронесли надъ своими головами прямо къ подъѣзду. Въ этомъ триумфальномъ шествіи по головамъ народа и войскъ Дашкова ничего не помнила: платье ея изорвали, волосы растрепались.

Увидѣвъ другъ друга, императрица и Дашкова бросились одна другой въ объятія.

— Слава Богу! слава Богу! - - больше ничего не могли выговорить взволнованныя женщины.

Дашкова, замѣтивъ, что на императрицѣ нѣтъ еще голубой андреевской ленты, которая составляетъ необходимую принадлеж-

ность царствующей особы въ Россіи, снимаетъ съ государыни екатерининскую ленту, и по ея приказанію кладетъ себѣ въ карманъ, а съ Панина снимаетъ андреевскую и надѣваетъ на императрицу.

Въ тотъ же день Екатерина приказала войскамъ, подъ ея личнымъ предводительствомъ, идти къ Петергофу. Дашкову она тоже пригласила слѣдовать съ собою.

Дашкова поспѣшила домой, чтобъ надѣть на себя мундиръ преображенскаго полка, который она взяла у офицера Пушкина, и въ то время ей пришло на мысль, что императоръ, еще не свергнутый съ престола, можетъ явиться въ Петербургъ, никѣмъ не защищенный, и тогда роли могли вновь перемѣниться.

Пораженная этою мыслью, она вновь явилась во дворецъ. Императрица въ это время совѣщалась съ сенаторами; зала совѣта была охраняема двумя офицерами; но когда проходила Дашкова, они приняли ее за молодого, неизвѣстнаго офицера, повидимому торопившагося по важному дѣлу къ государынѣ, и свободно пропустили ее. Дашкова подошла прямо къ Екатеринѣ и на ухо шепнула ей о своихъ опасеніяхъ. Тогда государыня тотчасъ же приказала секретарю совѣта, Теплому, изготовить указъ объ охраненіи въѣздовъ въ столицу.

Сенаторы повидимому не узнали въ молоденькомъ офицерѣ княгини Дашковой. Екатерина сама потомъ представила имъ этого юнаго офицера, перекофуженнаго своимъ внезапнымъ появленіемъ въ залу совѣта, и сенаторы, вставъ съ своихъ мѣстъ, поклонились этой энергической женщинѣ, явившейся передъ ними въ такое время и въ такомъ необыкновенномъ для женщины видѣ.

Къ вечеру Екатерина выступила изъ Петербурга съ войскомъ. Она ѣхала на красивомъ сѣромъ конѣ, въ мундиръ преображенскаго полка. Рядомъ съ ней ѣхала Дашкова, тоже на конѣ

и въ офицерскомъ платьѣ. За ними слѣдовала блестящая свита— бывшіе друзья Екатерины и Дашковой. Шествіе заключалось войскомъ, которое слѣдовало за своею государынею въ числѣ около пятнадцати тысячъ.

Это было необыкновенное шествіе. Двѣ молоденькія женщины шли во главѣ войска, чтобы отнять послѣднюю тѣнь власти у императора, для одной изъ нихъ мужа, для другой — государя и крестнаго отца. Подобные примѣры едвали представитъ исторія всего остальнаго человѣчества.

Ночь застала на походѣ это необычайное шествіе. Нужно было остановиться ночевать, и для этого избрана была извѣстная деревня, Красный Кабачокъ, гдѣ для молодой императрицы и отвели ночлеги въ харчевнѣ. Екатерина и Дашкова остались въ одной комнатѣ, гдѣ была узкая и грязная кровать, на которой и должна была спать русская императрица. Дашкова распорядилась разостлать на эту невзрачную царскую постель шинель полковника Керра и легла рядомъ съ императрицей.

Но юная заговорщица, теперь приближенная особа новой императрицы, была настолько предусмотрительна, что, замѣтивъ у изголовья государыни какую-то дверь, ведущую въ длинный коридоръ, тотчасъ же встала, осмотрѣла все и приставила ко входу въ коридоръ часоваго.

Но молодымъ женщинамъ не пришлось спать и въ эту достопамятную ночь. Уснуть они не могли отъ волненія, и потому до утра занимались разсмотрѣніемъ манифестовъ и указовъ, которые императрица уже заготовила для обнародованія по имперіи.

На другой день войска съ императрицей были уже въ Петергофѣ, гдѣ и нашли актъ отреченія отъ престола императора Петра III, который просилъ только снабдить его табакомъ, бургундскимъ виномъ и философскими сочиненіями.

На другой день карета съ опущенными шторами, съ четырьмя рослыми гайдуками на подножкахъ и конвоируемая отрядомъ Алексѣя Орлова, отвезла эксъ-императора въ его любимую Ропшу. Черезъ нѣсколько же дней онъ скончался тамъ, какъ сказано въ манифестѣ, отъ «геморридалныхъ колитъ».

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы, друга Дашковой, историческая миссія этой послѣдней, подобно миссии Анны д' Аркъ, казалась конченною.

Съ этой минуты пошли для Дашковой неудачи и огорченія. Императрица видимо охладѣла къ ней съ перваго же момента царствования. Да оно и понятно: между дружбой двухъ женщинъ становилась высокая стѣна, отдѣлявшая ихъ одну отъ другой: этой стѣной была корона, тронъ, скипетръ, шапка и бармы Мономаха, императорская мантія, идея помазанія. Двумъ женщинамъ нельзя уже было бросаться въ объятія другъ другу при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ онѣ бросались до сихъ поръ.

Екатерина II поняла это сразу. Дашкова повидимому не поняла этого до самой своей смерти и скорбѣла о томъ, будто потеряла дружбу императрицы, будто-бы послѣдняя употребила ее какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей и что сверженный императоръ былъ правъ, говоря Дашковой: «Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку.»

Ужъ въ Петергофѣ Дашкова поражена была неожиданностію. Она нашла Григорія Орлова въ покояхъ императрицы за распечатываніемъ пакетовъ съ важнѣйшими государственными бумагами. Мало того, Орловъ лежалъ на диванѣ, потому что у него была контужена нога во время послѣднихъ горячихъ скачекъ изъ Пе-

тергофа въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Петергофъ, и когда Дашкова съ негодованіемъ замѣтила ему, что онъ не имѣетъ права распечатывать бумагъ, которыя подлежатъ личному усмотрѣнію императрицы, Орловъ хладнокровно отвѣчалъ, что его уполномочила на это сама государыня.

Тутъ только поняла наивная молодая женщина, что не она одна возвела на престолъ своего друга и что не она первая въ сердцѣ Екатерины.

Двадцать лѣтъ потомъ ни Орловъ, ни Дашкова не говорили другъ съ другомъ.

Въ этотъ же день, въ первый день восшествія на престолъ, Екатерина успѣла уже высказать свое неудовольствіе Дашковой, какъ императрица подданной.

Дашкова, въ простотѣ своей юношеской невинности, начала распорядиться солдатами. Сначала, въ Петергофѣ, когда она объяснялась съ Григоріемъ Орловымъ по поводу распечатыванія имъ императорскихъ пакетовъ, ей пришли доложить, что усталые солдаты забрались въ царскіе погреба и безъ всякаго разбора пьютъ и разливаютъ дорогое венгерское вино, принимая его за медъ, и офицеры ничего не могли сдѣлать съ разгулявшеюся толпою. Дашкова вышла къ солдатамъ, объяснила имъ ихъ неблагоразумный поступокъ, и солдаты, тотчасъ же выливъ на землю нацѣженное ими въ шапки вино, отправились пить воду изъ ближайшаго ручья. Дашкова отдала имъ всѣ деньги, которыя при ней были; вывернула даже карманы, чтобъ показать, что у нея ничего больше не осталось, и обѣщала, по приходѣ въ Петербургъ, дозволить имъ пить вино въ питейныхъ домахъ на казенный счетъ, сколько будетъ душъ угодно. Солдаты охотно повиновались юному начальнику.

Но потомъ, когда императрица съ войскомъ и свитой воротилась въ Петербургъ и Дашкова поспѣшила домой, чтобъ пови-

даться съ своими, она въ домѣ отца нашла цѣлую сотню солдатъ и по часовому у каждой двери. Молодая женщина разбила за это начальника караула Каковинскаго, приказала увести половину солдатъ, и хотя говорила съ офицерами по-французски, однако солдаты видѣли, что она дѣлаетъ выговоръ ихъ начальнику, а равно и имъ самимъ.

Это ей не прошло даромъ.

Убъжая изъ дому во дворецъ, Дашкова захватила съ собою екатерининскую ленту со звѣздой, снятую наганунѣ съ императрицы и оставленную въ карманѣ платья, гдѣ ее и нашла горничная. Дашкова хотѣла возвратить эти знаки императрицѣ.

Когда она входила въ покои государыни, то уже нашла тамъ Каковинскаго съ Григоріемъ Орловымъ. Каковинскій, какъ поняла Дашкова, успѣлъ уже на нее пожаловаться.

Едва Дашкова увидѣла Екатерину, какъ послѣдняя высказала ей неудовольствіе за то, что она при солдатахъ сдѣлала выговоръ офицеру, притомъ же на французскомъ языкѣ, и сама распорядилась отпускать часовыхъ съ ихъ карауловъ.

— Нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ваше величество заняли престолъ - - отвѣчала огорченная Дашкова - - и въ это короткое время ваши солдаты выказали ко мнѣ такое довѣріе, что какія бы вещи и на какомъ бы языкѣ я ни говорила, они не могли оскорбиться.

При-этомъ Дашкова подала императрицѣ привезенную съ собою екатерининскую ленту.

— Потихе, - - сказала императрица: - - вы, конечно, сознаетесь, что не имѣли права отпускать солдатъ съ ихъ постовъ.

— Это такъ; но я не могла позволить Каковинскому, для исполненія собственной прихоти, оставлять ваше величество безъ достаточнаго числа стражи, - - защищалась Дашкова.

— Согласна, согласна, и довольна. Мое замѣчаніе относилось только къ вашей опрометчивости. А это — за ваши заслуги.

И при-этомъ Екатерина возложила на плечо Дашковой екатерининскую ленту. Молодая женщина, огорченная сдѣланнымъ ей замѣчаніемъ, не стала на колѣни для принятія награды, а гордо отвѣчала:

— Ваше величество, простите меня, если я вамъ скажу, что пришло время, когда истина должна быть изгнана изъ вашего присутствія. Позвольте мнѣ признаться, что я не могу принять этотъ орденъ: если это только украшеніе, то оно не имѣетъ цѣны въ моихъ глазахъ; если это награда, то она ничтожна для тѣхъ, которыхъ услуги никогда не были и никогда не будутъ продажными.

Екатерина нѣжно обняла своего бывшего друга, оставшагося все такимъ же наивнымъ.

— Дружба имѣетъ свои права - - сказала императрица: - - я хочу теперь воспользоваться пріятной стороны этихъ правъ.

Растроганная Дашкова бросилась цѣловать руку императрицы, которую, въ своей невинности, все-еще считала себѣ равной по правамъ дружбы.

Но на другой день ее ожидало новое разочарованіе.

Въ высочайшихъ приказахъ, въ числѣ прочихъ именъ, Дашкова прочла и свое имя: ей пожаловали 24,000 рублей изъ кабинета императрицы.

Однако императрица продолжала быть съ нею ласкова, заставляла ее съ мужемъ переѣхать во дворецъ. Каждый вечеръ Екатерина приходила къ нимъ, заставляла Дашкову играть на фортепіано, а сама съ ея мужемъ пѣла самые забавные дуэты, и притомъ государыня и Дашковъ сильно фальшивили, а императрица сверхъ того гримасничала и подражала кошкамъ. Въ это время, говоритъ біографъ этихъ двухъ замѣчательныхъ женщинъ,

въ юной Екатеринѣ трудно было еще узнать великую правительницу Россіи: она была только забавной, безцеремонной гостью Дашковыхъ; но, гдѣ нужно было, она и по отношенію къ Дашковой показывала себя вполне императрицей.

Дашкова была огорчена и во время коронаціи. Орловы отвели ей мѣсто не въ свитѣ императрицы, какъ кавалерственной дамѣ, носившей екатерининскую ленту, а въ самыхъ заднихъ рядахъ торжественнаго кортежа, какъ простой гвардейской полковницѣ. По въ тотъ же день она пожалована была статсъ-дамою.

Въ это же время, когда въ Москвѣ образовалась партія, которая просила императрицу вторично вступить въ бракъ, надѣясь, что она изберетъ въ супруги Орлова, и когда вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями своими Дашкова выказывала негодованіе по поводу толковъ объ этомъ, императрица, подѣ влияніемъ Орлова, написала мужу Дашковой записку слѣдующаго содержанія:

«Я искренно желаю, чтобы княгиня Дашкова, забывая свой долгъ, не заставила меня забыть ея услугъ. Напомните ей это, князь. Мнѣ сообщили, что она позволяетъ себѣ въ разговорахъ грозить мнѣ.»

Дашкову хотѣли даже запутать въ заговоръ Мировича, который составилъ планъ свергнуть съ престола Екатерину и на ея мѣсто посадить Іоанна Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости, въ Шлиссельбургѣ.

Все это окончательно отдалило отъ императрицы Дашкову, и она стала уклоняться отъ двора; особенно же, когда, по смерти мужа, вся отдалась заботамъ о воспитаніи своихъ дѣтей.

Такъ прошло болѣе семи лѣтъ съ того памятнаго дня, когда, стоя, въ числѣ прочихъ, въ головѣ государственнаго переворота, Дашкова позволила-было себѣ думать, что въ числѣ съ прочими она останется и въ головѣ управленія государствомъ.

Но Екатерина умѣла ставить людей на свои мѣста, и ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ сама заняла престолъ, она отвела около себя приличное мѣсто и для Дашковой, сдѣлавъ ее президентомъ академіи наукъ.

Въ концѣ 1769-го года Дашкова испросила себѣ у императрицы позволеніе отправиться на два года за границу для поправленія здоровья дѣтей.

— Чрезвычайно сожалѣю о причинѣ, которая заставляетъ васъ оставить Россію; впрочемъ, вы можете какъ угодно располагать собою, - - холодно сказала Екатерина, давая ей отпущь.

Дашкова выѣхала изъ Россіи подъ именемъ госпожи Михалковой. Это она сдѣлала для того, чтобы своимъ слишкомъ громкимъ въ Европѣ, послѣ переворота 27—28 іюня 1762 года, именемъ, которое и безъ того было извѣстно Европѣ какъ имя литературное, не привлекать къ себѣ излишняго вниманія иностранцевъ и тѣмъ оградить себя отъ безпокойства и расходовъ не по средствамъ.

Дашкову, съ которою было двое дѣтей, сопровождали госпожа Каменская, ея племянница и Воронцовъ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ.

Несмотря на принятое ею скромное имя, ее вездѣ узнавали. Въ Пруссіи, великій нѣмецкій король Фридрихъ II, настоялъ на томъ, чтобъ она явилась ко двору, и она такимъ образомъ познакомилась съ «старымъ Фрицемъ», первымъ творцомъ нынѣшней единой Германіи.

Въ Германіи разные коронованные особы оказывали большую любезность «русской женщинѣ», госпожѣ Михалковой.

Познакомилась она и съ госпожею Неккеръ, а въ Парижѣ подружилась съ старикомъ Дидро, такъ что была съ нимъ почти неразлучна въ продолженіе трехъ недѣль. Ежедневно она заѣз-

жала за старикомъ и увозила его къ себѣ. Философъ-энциклопедистъ для Россіи не потерялъ еще тогда того великаго обаянія, передъ которымъ недавно преклонялась вся Европа.

Въ высшей степени интересно, какъ эти двѣ замѣчательныя личности прошлаго вѣка, «русская женщина» и философъ-энциклопедистъ, рѣшали по-своему великій крестьянскій вопросъ, разрѣшенный только черезъ столѣтіе послѣ того, какъ Дидро и Дашкова привлекали его къ философскому разсмотрѣнію.

Но объ этомъ послѣ.

До какой степени старикъ-философъ овладѣлъ умомъ русской женщины, можно судить по слѣдующему разсказу самой Дашковой.

Разъ вечеромъ, когда у нея сидѣлъ Дидро, княгинѣ докладываютъ, что пріѣхали г-жа Неккеръ и г-жа Жофренъ.

— Отказать, отказать! - - быстро говоритъ Дидро челоуѣку.

Дашкова крайне удивлена.

— Что вы дѣлаете? - - говоритъ она: - - съ г-жею Неккеръ я еще въ Спа познакомилась, а г-жу Жофренъ очень бы хотѣла видѣть, потому что она находится въ постоянной перепискѣ съ русскою императрицей.

— Да вѣдь вы же говорили, что пробудете въ Парижѣ не болѣе двухъ, трехъ дней. Она можетъ съ вами видѣться два или три раза и не будетъ въ состояніи хорошо судить о васъ. Нѣтъ, я не могу допустить, чтобы идола мои подвергались осужденію. Повѣрьте мнѣ, еслибы вы еще мѣсяць оставались въ Парижѣ, я самъ первый познакомилъ бы васъ съ г-жею Жофренъ, потому что она отличная женщина, но такъ какъ это, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ парижскихъ колоколовъ, то я рѣшительно встаю противъ того, чтобъ позволить ей звонить про вашъ характеръ, знакомясь съ нимъ совершенно.

Въ другой разъ прїѣхалъ историкъ Рюльеръ. Дашкова знала его еще въ Петербургѣ, когда онъ состоялъ при французскомъ посольствѣ.

Старикъ Дидро схватилъ Дашкову за руку, услыхавъ имя Рюльера.

— Одну секунду, княгиня! - - воскликнулъ онъ: - - позвольте мнѣ васъ спросить: окончивъ ваше путешествіе, вы захотите вернуться въ Россію?

— Что за странный вопросъ! Развѣ я имѣю право экспортировать моихъ дѣтей?

— Въ такомъ случаѣ, прикажите, пожалуйста, отказать Рюльеру, а я послѣ объясню вамъ причину.

Рюльеру отказано. Тогда Дидро объяснилъ Дашковой, что, принимая Рюльера, она этимъ какъ-бы выказывала одобреніе его «Исторіи революціи 1762 года», гдѣ бросается очень дурной свѣтъ на поступки Екатерины, которая поэтому, какъ объясняетъ Дидро, и старалась всѣми мѣрами препятствовать распространенію этого сочиненія.

Дашковой оставалось только поблагодарить старика за эту находчивость и вниманіе.

Познакомилась она и съ старикомъ Вольтеромъ, который жилъ въ это время въ уединеніи, потому что былъ постоянно боленъ. Онъ принималъ ее въ халатѣ и въ большихъ креслахъ, которыя получили вмѣстѣ съ сидѣвшимъ въ нихъ старикомъ, историческое безсмертіе, называясь и доселѣ въ самыхъ захоlustьяхъ Россіи «вольтеровскими» креслами, т. е. глубокими, покойными, старческими.

За старикомъ ухаживала племянница его, г-жа Дени.

Вольтеръ былъ не по душѣ Дашковой, особенно своею приторною любезностью. Но когда эта великая развалина давала волю

своему великому уму, державшему въ уздѣ умы всего человѣчества въ теченіе почти столѣтія, то Дашкова невольно подчинилась этой силѣ, тогда уже угасавшей.

«Въ первые дни нашего пребыванія въ Женевѣ -- пишетъ она въ своихъ запискахъ -- мы также познакомились съ Губертомъ-«Птицеловомъ», — прозвище, которое ему доставила страсть къ соколиной охотѣ. Это былъ человѣкъ съ огромными достоинствами, обладавшій множествомъ пріятныхъ талантовъ. Онъ былъ поэтъ, музыкантъ и живописецъ. Крайняя чувствительность и веселость были въ немъ соединены съ прелестями превосходнаго воспитанія. Вольтеръ его боялся, потому что Губертъ очень хорошо зналъ все его особенности и умѣлъ изображать на полотнѣ такія сцены, въ которыхъ знаменитый писатель встрѣчалъ нѣкоторыя изъ своихъ слабостей. Они часто состязались въ шахматы. Вольтеръ почти всегда проигрывалъ и никогда не пропускалъ случая дать волю своему неудовольствію. У Губерта была маленькая любимая собачка, которая часто забавляла знакомыхъ хозяина. Онъ выучилъ ее дѣлать гримасы, чрезвычайно похожія на тѣ, которыя дѣлалъ Вольтеръ при проигрышѣ въ шахматы.»

Заграницей Дашкова познакомилась и страстно привязалась къ леди Гамильтонъ, дочери Рэйдера, архіепископа туамскаго, а равно сошлась и съ леди Морганъ, дочерью Тиздаля, обер-прокурора Ирландіи. Она такъ дорожила дружбой Гамильтонъ, что случайно доставшійся ей отъ послѣдней шарфикъ она хранила какъ святыню: шарфикъ этотъ вытѣснилъ изъ ея сердца тотъ историческій вѣеръ, который ей подарила Екатерина и который она желала положить съ собою въ гробъ. Леди Гамильтонъ вытѣснила изъ ея сердца и самую императрицу.

Въ Европѣ Дашкова оставалась вполнѣ патриоткой. Такъ въ Данцигѣ, въ отелѣ «Россія», она нашла двѣ картины, на ко-

торыхъ изображены были битвы русскихъ съ пруссаками. Русскія войска представлены были жалкими, разбитыми, а пруссаки—побѣдителями. Д а ш к о в а, оскорбленная этимъ, поручила Волчкову и Штеллингу, состоявшимъ при прусскомъ посольствѣ и сопровождавшимъ ее до Данцига, накупить кистей и красокъ — и въ ночь картины были передѣланы: русскіе мундиры, зеленые съ краснымъ, были передѣланы въ прусскіе, синіе съ бѣлымъ, и русскіе оказались побѣдителями.

Въ Ганноверѣ Д а ш к о в а была въ театрѣ съ Каменской. Герцогъ Эрнестъ мекленбургскій ожидалъ ея приѣзда и послалъ къ ней въ ложу своего адъютанта.

Раскланявшись съ русскими и не обративъ вниманія на двухъ нѣмокъ, сидѣвшихъ въ той же ложѣ и вѣжливо уступившихъ мѣсто впереди себя знатнымъ русскимъ дамамъ, такъ какъ въ городѣ всѣ догадывались, кто эти особы,—адъютантъ отъ имени его высочества спросилъ Д а ш к о в у: иностранки онѣ, или нѣтъ?

Д а ш к о в а отвѣчала утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ -- продолжалъ адъютантъ -- его высочеству угодно знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Милостивый государь, -- отвѣчала княгиня: -- не думаю, чтобъ въ этомъ была какая-либо надобность его высочеству или вамъ. А мы, какъ женщины, можемъ, я думаю, хоть разъ въ жизни испросить себѣ позволеніе умолчать и, вслѣдствіе того, не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Адъютантъ былъ совсѣмъ сконфуженъ, а нѣмки крайне удивлены смѣлостью Д а ш к о в о й. Тогда она захотѣла пошутить надъ ними.

— Хотя я и не желала сообщить своего имени адъютанту, однако не могу этого не сдѣлать для васъ, которыя были такъ вѣжливы и любезны съ нами. Я — театральная пѣвица, а она

(Дашкова указала на Каменскую) — танцовщица. Мы теперь путешествуемъ съ цѣлью ангажироваться на какой-либо театр.

Нѣмки были очень огорчены своею ошибкою, принявши Дашкову за важную особу—и повернулись къ ней спиной.

Черезъ два года Дашкова воротилась въ Россію.

Екатерина видимо перемѣнилась къ ней. Она пожаловала ей 70,000 р. для покупки какой-либо собственности, и вообще была любезнѣе, чѣмъ до отъѣзда за границу. Дашкова объясняла эту перемѣну тѣмъ, что при особѣ императрицы Потемкинъ уже замѣнилъ Орлова, недруга Дашковой.

Но Дашковой уже не жилось въ Россіи: ее тянула Европа, да и воспитаніе дѣтей заботило ее. Она вновь задумала поѣздку за границу, но уже лѣтъ на десять.

Екатерина вновь была не довольна этимъ предпочтеніемъ Европы передъ Россією. Но мы полагаемъ, что Дашкова осталась бы въ Россіи, еслибъ ей выпала на долю широкая государственная дѣятельность, къ которой рвалась ея честолюбивая душа.

Это дѣйствительно и случилось, когда Дашкова возвратилась въ Россію изъ своего вторичнаго и продолжительнаго путешествія по Европѣ, гдѣ она знакомствомъ со свѣтилами всего міра высоко подняла свое, и безъ того уже громкое имя.

Въ ноябрѣ 1782 года императрица, во время одного бала, разговаривая съ придворными особами и иностранными послами, сказала Дашковой:

— Я имѣю сообщить вамъ, княгиня, нѣчто особенное.

Окончивъ разговоръ, императрица остановилась среди комнаты и, подозвавъ къ себѣ Дашкову, объявила ей, что назначаетъ ее директоромъ академіи наукъ и художествъ.

Пораженная словами государыни, Дашкова не знала что отвѣчать. Императрица въ лестныхъ выраженіяхъ повторила свою волю.

— Простите меня, ваше величество! -- отвѣчала смущенная Дашкова: -- но я не должна принимать на себя такую обязанность, которую не въ состояніи исполнить.

Императрица доказывала противное.

— Назначьте меня директоромъ надъ прачками вашего величества -- говорила Дашкова -- и вы увидите, съ какою ревностію я буду вамъ служить. Я не посвящена въ тайны этого ремесла; но упущенія, которыя могутъ произойти отсюда, ничего не значать въ сравненіи съ тѣми вредными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собою каждая ошибка, сдѣланная директоромъ академіи наукъ.

Императрица настаиваетъ. Говорить, что другіе директора были менѣе способны.

— Тѣмъ хуже! -- возражала Дашкова: -- они такъ мало уважали себя, что взялись за дѣло, котораго не могли выполнить съ честью.

— Хорошо! хорошо! -- сказала императрица: -- оставимъ теперь этотъ разговоръ. Впрочемъ, вашъ отказъ утвердилъ меня въ той мысли, что лучшаго выбора я не могла сдѣлать.

Всѣ взоры придворныхъ обращены на разговаривающихъ. Лицо Дашковой изобличаетъ ея крайнее волненіе. Враги ея ждутъ, что гордую ученую постигаетъ немилость, онапа.

Воротившись съ бала домой и не раздѣваясь, Дашкова тотчасъ же пишетъ императрицѣ свою благодарность и отказъ, называетъ ея «выборъ неблагоразумнымъ», говорить, что «сама природа сотворила женщинъ не директорами», что назначеніе ея на такой постъ — историческое событіе, а какъ историческое — оно должно подлежать и суду исторіи, что за этотъ выборъ ждетъ судъ исторіи и императрицу, что частная жизнь коронованной особы еще можетъ не появляться на страницахъ исторіи, но что этотъ шагъ императрицы исторія осудитъ, что, наконецъ, чувствуя свою

неспособность для такого рода публичной дѣятельности, какъ управление академіей, она не посмѣла бы даже сдѣлаться членомъ какого-либо ученаго общества, даже въ Римѣ, гдѣ это званіе можно приобрести за нѣсколько дукатовъ, и т. д.

Написавъ письмо, Дашкова, несмотря на то, что было уже далеко за полночь, скачетъ въ Потемкину и настаиваетъ на томъ, чтобъ онъ принялъ ее, еслибы даже и легъ уже спать.

Потемкинъ принялъ ее, хотя, дѣйствительно, и былъ уже въ постели.

Дашкова объявляетъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи.

— Я уже слышалъ объ этомъ отъ ея величества, -- говорилъ Потемкинъ, -- и знаю очень хорошо ея намѣреніе. Она рѣшила непременно поставить академію наукъ подъ ваше руководство.

Дашкова стояла на своемъ.

— Принять на себя эту должность это значило бы съ моей стороны поступить противъ совѣсти -- говорила она. -- Вотъ письмо, которое я написала ея величеству и которое заключаетъ рѣшительный отказъ. Прочтите, князь, потомъ я хочу его запечатать и передать въ ваши руки для того, чтобы завтра поутру вы вручили его императрицѣ.

Потемкинъ пробѣжалъ письмо и разорвалъ его на клочки. Дашкова вспыхнула при одной мысли, какъ онъ смѣлъ разорвать письмо, адресованное императрицѣ.

— Успокойтесь, княгиня, и выслушайте меня, -- говорилъ Потемкинъ. -- Никто не сомнѣвается въ вашей преданности ея величеству. Почему же вы хотите огорчить ее и заставить отказаться отъ плана, которымъ она исключительно и съ любовью занимается въ послѣднее время? Если вы непременно хотите остаться при своемъ намѣреніи, въ такомъ случаѣ вотъ перо, бумага и чернила; напишите еще разъ ваше письмо. Но, повѣрьте мнѣ, поступая про-

тивъ вашего желанія, я однако дѣйствую какъ человѣкъ, который заботится о вашихъ интересахъ. Скажу болѣе: ея величество, предлагая вамъ эту должность, можетъ быть имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и доставить вамъ поводъ къ болѣе частымъ и непосредственнымъ сношеніямъ съ нею.

Доводы Потемкина подѣйствовали на самолюбивую женщину. Она скачетъ обратно домой и, не ложась, не снимая бального платья опять пишетъ государынѣ.

Около 7-ми часовъ письмо послано, и тотчасъ же полученъ отвѣтъ:

«Понедѣльникъ, 8 часовъ утра.

«Вы встаете ранѣе меня, прекрасная княгиня, и сегодня къ завтраку прислали мнѣ письмо. Отвѣчая вамъ, я пріятнѣе обыкновеннаго начинаю свой день. Такъ какъ вы не отказываетесь безусловно на мое предложеніе, то я прощаю вамъ все, что вы разумѣете подъ словомъ неспособность, и оставляю до удобнаго случая присоединить къ тому мои собственные замѣчанія. А то, что вамъ угодно называть моимъ правомъ, я замѣняю болѣе приличнымъ именемъ: благодарность. Согласитесь однако, что для меня замѣчательная новость—побѣдить такой твердый характеръ, какъ вашъ. Будьте увѣрены, что во всякомъ случаѣ, когда я могу быть вамъ полезна словомъ или дѣломъ, я всегда буду готова къ тому съ радостію.»

Вечеромъ Дашкова получаетъ письмо отъ графа Безбородко и копію съ указа, отправленнаго въ сенатъ, относительно новаго директора академіи. Указъ уничтожалъ притомъ полномочіе «комисіи профессоровъ, которая въ послѣднее время, послѣ безпорядковъ, допущенныхъ въ академіи послѣднимъ ея директоромъ Домашневымъ, управляла дѣлами академіи.

Въ письмѣ графа Безбородко, между прочимъ, было добавлено: «Ея величество поручили мнѣ передать вамъ, что вы во всякое

время, когда вамъ угодно, утромъ или вечеромъ, можете обращаться къ ней по каждому дѣлу, касающемуся ввѣреннаго вамъ учрежденія, и что она всегда готова будетъ устранять всѣ затрудненія, которыя могутъ вамъ препятствовать при исполненіи вашихъ обязанностей».

Дашкова отправляетъ копію съ указа въ академію и проситъ, чтобъ комиссія два дня оставалась при своихъ занятіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она проситъ прислать ей отчеты академіи, уставъ, положеніе о правахъ и обязанностяхъ директора, и пр.

На слѣдующее утро она является во дворецъ уже съ докладомъ, какъ должностное лицо, какъ министръ. Въ толпѣ придворныхъ къ ней подходитъ Домашневъ и предлагаетъ ей свои услуги. Въ это время отворяется дверь и появляется императрица, но тотчасъ же снова затворяетъ дверь и приглашаетъ Дашкову въ кабинетъ.

— Очень рада васъ видѣть, княгиня; но скажите, пожалуйста, о чемъ могъ говорить съ вами этотъ негодный Домашневъ?

Дашкова сказала. При-этомъ не преминула сказать и фразу, до которыхъ вообще была охотница: она объяснила государынѣ, что ей придется «руководить слѣпою».

Какъ бы то ни было, въ первое же воскресенье пріемная новаго директора академіи была полна академиковъ, профессоровъ, ученыхъ.

Дашкова любезно приглашаетъ ихъ приходить къ ней безъ всякой церемоніи.

Въ понедѣльникъ — Дашкова въ академіи. Но предварительно она заѣзжаетъ къ знаменитому Эйлеру, въ то время уже слѣпому старику. Оскорбленный Домашневымъ, онъ давно пересталъ посѣщать академію. Дашкова беретъ слѣпаго старика въ свою карету, сажаетъ туда же его поводаря, Фуса, который былъ женатъ на дочери Эйлера, и молодого Эйлера.

Въ академіи Дашкова говоритъ блестящую, но высокопарную рѣчь.

Когда всё академики заняли свои мѣста, Дашкова сѣла на предсѣдательское кресло. Рядомъ съ ней сѣлъ профессоръ аллегоріи Штелинъ, опредѣленный въ академію еще императоромъ Петромъ III. Дашковой не нравится это сосѣдство, и она говоритъ обращаясь къ слѣпому Эйлеру:

— Садитесь тамъ, гдѣ вамъ угодно, и мѣсто, которое вы избереете, конечно будетъ первымъ между всѣми.

Слова эти вызвали сочувствіе всей академіи.

Послѣ засѣданія, она отправляется въ канцелярію, производитъ ревизію суммъ, находитъ растраты, неоплаченные долги, предупреждаетъ кассировъ, что будетъ держаться строгой экономіи. Академическую типографію она находитъ въ жалкомъ положеніи. Узнаетъ, что записки академіи не выходятъ потому, что для печатанія ихъ не достаетъ шрифту.

Дашкова немедленно дѣлаетъ распоряженіе о приобрѣтеніи шрифтовъ, о приведеніи въ порядокъ типографіи, о продолженіи изданія ученыхъ записокъ.

Между тѣмъ Дашкова еще не присягала. Генераль-прокуроръ сената, князь Вяземскій, спрашиваетъ императрицу, долженъ ли онъ привести къ присягѣ новаго директора-женщину, какъ это установлено закономъ для всякаго поступающаго на государственную службу.

— Безъ сомнѣнія, - - отвѣчаетъ Екатерина: - - я не тайкомъ сдѣлала княгиню Дашкову директоромъ академіи, и, хотя не нуждаюсь ни въ какомъ ручательствѣ за ея вѣрную службу, тѣмъ не менѣе считаю эту форму необходимою, потому что она освящаетъ мой выборъ и придаетъ ему торжественность.

Дашкова является въ сенатъ, и снова говоритъ блестящую рѣчь.

«Господа! - - обращается она къ сенаторамъ: - - навѣрное вы столько же, сколько и я, удивляетесь моему появленію среди васъ. Я пришла сюда произнести присягу въ вѣрности императрицѣ, которой уже съ давняго времени посвящаю каждое бѣніе моего сердца, — и вотъ женщина является въ стѣнахъ вашего святилища!»

Отъ генераль-прокурора она проситъ всѣ документы и свѣдѣнія, относящіяся до академіи, чтобы провѣрить обвиненія, возводимыя на это, столь упавшее послѣ Ломоносова, высшее ученое учрежденіе.

На нѣсколько лѣтъ Дашкова вся отдается дѣлу академіи, и доказываетъ личнымъ опытомъ, что и въ государственной дѣятельности женщина имѣетъ право стоять на одной высотѣ съ мужчиною.

Она увеличиваетъ доходы академіи, уплачиваетъ ея долги, увеличиваетъ число учениковъ академическихъ, открываетъ три новыхъ курса — математическій, геометрический и естественной исторіи. Чтеніе курсовъ она поручаетъ русскимъ профессорамъ и изъ закрытыхъ классовъ превращаетъ эти курсы въ публичные. Она же первая является и посѣтительницею академическихъ курсовъ.

Десять лѣтъ она ревностно исполняетъ свое дѣло, пока нѣкоторыя цензурныя неудовольствія, по поводу пропуска академіею трагедіи Княжнина—«Вадимъ новгородскій», вновь не вынуждаютъ ее на-время оставить Россію.

Какъ бы то ни было, но академическая дѣятельность княгини Дашковой — это самая свѣтлая сторона ея жизни.

Несмотря на то, что ей не мало было дѣла и съ одною академіею, она, черезъ годъ послѣ принятія въ свои руки этого учрежденія, дала императрицѣ инициативу къ открытію еще такъ-называемой «россійской академіи», что составляетъ нынѣ второе отдѣленіе императорской академіи наукъ.

Въ цвѣтистой рѣчи, сказанной по этому поводу Дашковою передъ лицомъ всего ученаго академическаго синклита, женщина эта между прочимъ, выражалась, что «императрица, свидѣтельница толикихъ нашихъ благъ, даетъ нынѣ новое отличіе покровительства и російскому слову, толь многихъ языковъ повелителю.»

Мы упомянули о цензурныхъ неудовольствіяхъ, испытанныхъ Дашковою. На ней, какъ на президентѣ академіи, лежали обязанности цензорскаго надзора надъ всѣмъ, что печатала академія. Вотъ почему Дашкова едва не впала въ немилость за дозволеніе напечатать «Вадима новгородскаго», направленіе котораго враги и завистники даровитой женщины старались представить императрицѣ въ ложномъ свѣтѣ.

Какъ бы то ни было, при нѣкоторыхъ размоlvкахъ и временныхъ охлажденіяхъ, Екатерина до конца своей жизни была милостива къ своему прежнему другу: трудно было забыть тотъ день, когда двѣ молоденькія женщины-амазонки ѣхали изъ Петербурга въ Петергофъ добывать русскій императорскій тронъ.

Но вотъ императрица умираетъ.

Для Дашковой начинается опальное, тяжелое время.

Тотчасъ же по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича Дашкова отрѣшается отъ всѣхъ должностей.

Едва она успѣла поблагодарить императора «за освобожденіе отъ бремени, которое превышало ея силы», и переѣхать въ Москву, какъ является къ ней московскій главнокомандующій, Измайловъ и объявляетъ ей приказъ императора—«выѣхать изъ города и въ деревнѣ вспоминать о событіяхъ 1762 года!»

Но едва она переѣхала въ свое имѣніе, село Троицкое, какъ отъ Измайлова пришло новое извѣстіе: императоръ приказываетъ Дашковой, оставивъ Троицкое, ѣхать въ одну изъ деревень ея сына, въ новгородскую губернію, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.»

Дашкова съ своими приближенными поселилась въ указанномъ ей глухомъ захолустьи. Крестьянская изба замѣнила княжескія палаты и императорскіе дворцы. Въ заброшенной деревнѣ, у этой дѣловой женщины, занявшей въ исторіи мѣсто въ числѣ первыхъ, по времени, русскихъ писательницъ, не было даже достаточно бумаги, чтобъ срисовывать скучные и неприглядные виды окрестностей.

Но однако нашелся одинъ листъ бумаги, на которомъ княгиня Дашкова и написала просительное письмо государю о смягченіи если не ея участи, то участи тѣхъ, которые добровольно послѣдовали за нею въ изгнаніе.

Государь, узнавъ, что письмо—отъ Дашковой, не хотѣлъ даже раскрыть его, а отправилъ немедленно курьера съ приказаніемъ—отобрать у княгини перья, бумагу, чернила.

Только когда, вслѣдъ за этимъ, въ кабинетъ вошла императрица, держа на рукахъ маленькаго великаго князя, которому въ рученку всунула письмо Дашковой, государь, растроганный, принялъ письмо изъ рукъ сына и обнялъ малютку, сказавъ:

— О женщины! знаютъ чѣмъ разжалобить.

И тотчасъ же, схвативъ перо, написалъ:

«Княгиня Екатерина Романовна, вы желаете переѣхать въ свое калужское имѣніе,—переѣзжайте. Доброжелательный вамъ Павелъ.»

Съ воцареніемъ императора Александра Павловича Дашкова опять возвращена была во дворъ, гдѣ она ужъ казалась и старушкою, и смѣшною въ своихъ старомодныхъ нарядахъ, съ устарѣвшими манерами.

Она увидѣла, что время ея отошло, и поспѣшила сама удалиться въ свою деревню, гдѣ, при содѣйствіи миссъ Мери Вильмотъ, двоюродной сестры своей любимицы, леди Гамильтонъ, и занялась составленіемъ своихъ знаменитыхъ мемуаровъ.

Княгиня Дашкова умерла 4 января 1810 года.

При всѣхъ недостаткахъ, отъ которыхъ не свободна была эта женщина, Дашкова тѣмъ неменѣе является одною изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія.

Современники слишкомъ не равнодушно относились къ ней: одни превозносили ее до идеальной высоты, другіе низводили въ грязь.

Такъ одинъ современный ей иностранецъ, бывшій въ Россіи уже въ восьмидесятыхъ годахъ, рассказываетъ о ней, между прочимъ:

«Княгиня уже съ давнихъ поръ сдѣлалась несносна по своему дурному характеру и заслужила общую нелюбовь. Знаменитая героиня революціи 1762 года хвалилась тѣмъ, что она подарила тронъ Екатеринѣ, и въ то же время со всѣхъ знакомыхъ офицеровъ и адъютантовъ собирала дань галунами или аксельбантами. Любимымъ ея занятіемъ было отдѣлять отъ шелку золото или серебро, которое она потомъ продавала. Такимъ образомъ, кто хотѣлъ приобрести расположеніе княгини, долженъ былъ прежде всего отослать ей всѣ свои старыя тряпки съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Зимой она не приказывала топить залы академіи, и однако требовала, чтобы члены акуратно посѣщали засѣданія. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, охотнѣе выслушивали ея жесткіе выговоры, чѣмъ соглашались сидѣть въ такомъ страшномъ холодѣ. Княгиня-президентъ каждый разъ являлась на засѣданіяхъ закутанная въ дорогую шубу. Очень оригинально было видѣть эту женщину одну посреди бородатаго духовенства и русскихъ профессоровъ, которые сидѣли подлѣ нея съ выраженіемъ глубокаго почтенія на лицѣ, хотя въ то же время сильно дрожали отъ холода. Ея обхожденіе съ членами академіи было чрезвычайно гордо и даже

грубо: съ учеными она обращалась, повидимому, какъ съ солдатами и рабами.»

Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель говоритъ:

«Окончательно смѣшно сдѣлалъ княгиню процессъ съ Александромъ Нарышкинымъ, который имѣлъ помѣстье по сосѣдству съ ея землею. Однажды его свиньи поѣли капусту на поляхъ Дашковой, и та велѣла перебить животныхъ. Когда Нарышкинъ, послѣ того, встрѣтилъ княгиню при дворѣ, то громко сказалъ: «Посмотрите, какъ съ нея течетъ кровь моихъ свиней!»

«Такова была эта знаменитая женщина, -- заключаетъ онъ, -- которая въ Голландіи подралась съ своей хозяйкой, а въ Парижѣ хотѣла застрѣлить бѣднаго аббата Шапо (неодобрительно отзывавшагося о Россіи въ своемъ сочиненіи), которую Вольтеръ старался увѣрить въ томъ, что онъ ей удивляется, а нѣмецкіе писатели выставили какимъ-то божественнымъ гениемъ, и которая кончила тѣмъ, что сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ для всей Россіи.»

Хотя это едвали правда, потому что Россія поступила бы дурно, еслибъ только смѣялась надъ такой женщиной, которыхъ она все-таки много не можетъ насчитать, однако и эти отзывы нельзя обходить молчаніемъ, потому что они — отклики времени и лѣвая сторона суда современниковъ.

Не хорошо отзывался о ней и Державинъ, да онъ и рѣдко о комъ хорошо отзывался. Онъ приписываетъ ей «склонность къ велерѣчію и тщеславію», «хвастовство», своекорыстные расчеты, «безъ которыхъ она ничего и ни для кого не дѣлала.» Онъ говоритъ также, что Дашкова безъ всякихъ причинъ не любила и извѣстнаго механика-самоучку Кулибина, и все это «по вспыльчивому ея или лучше—сумасшедшему нраву».

Но всѣ подобные отзывы, если въ нихъ есть и значительная доля правды, ни мало не отнимаютъ историческаго значенія у этой

женщины: это была все-таки крупная личность, и русскія женщины всегда могут указать на нее какъ на одного изъ первыхъ практическихъ пионеровъ современнаго «женскаго вопроса», начавшагося теперь такъ, какъ ему давно слѣдовало начаться, — съ работка собственнаго женскаго куска хлѣба.

VIII.

„Литературныя дочери Ломоносова и Сумарокова“: Вельяшева- Волинцева, Зубова, Храповицкая и Хераскова.

Въ предыдущихъ очеркахъ мы сказали, что возбужденный въ русскомъ обществѣ гениемъ Ломоносова и литературною дѣятельностью Сумарокова интересъ къ болѣе высокимъ идеаламъ жизни, чѣмъ идеалы, которыми питалось наше общество въ первую половину прошлаго вѣка, и относительно высшій и, вслѣдствіе этого, болѣе нравственный подъемъ общественнаго духа не могли не вывести русскую женщину изъ того узкаго, заколдованнаго круга, въ которомъ она до той поры вращалась, и не вызвать въ ней проявленія духовныхъ ея силъ и ея умственнаго творчества.

Чуткая и воспримчивая по натурѣ, женщина во всѣ времена служила какъ-бы барометромъ, по которому можно опредѣлять степень подъема или упадка общественнаго духа и направленіе общественныхъ симпатій. Мы говоримъ о лучшихъ женщинахъ, о такихъ выдающихся между ними личностяхъ, которыя, какъ чувствительный барометръ, способны отражать въ себѣ состояніе общественной атмосферы. Въ Греціи, при Периклѣ, Аспазія была полнымъ отраженіемъ всего лучшаго, что успѣло выработать творчество аттического духа въ моментъ его высшаго подъема. Въ Римѣ, въ эпоху общественной деморализаціи, женщина является болѣе безнравствен-

ною и болѣе жестокою, чѣмъ мужчина. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, западно-европейская женщина, въ страстномъ увлеченіи идеєю освобожденія гроба Христова, поднимаетъ на свои плечи болѣе непосильные нравственные подвиги, чѣмъ въ состояніи были поднять сами крестоносцы, бывшіеся въ Палестинѣ съ невѣрными.

Никакія изслѣдованія не въ состояніи такъ полно и ясно представить всю исторію русской земли, какъ исторія русской женщины, еслибы исторія эта могла быть обстоятельно разработана; но, къ сожалѣнію, женщина, невидимая двигательница всего, что совершается на землѣ, по врожденной ей скромности, какъ-бы прячется отъ взоровъ исторіи — то въ недоступномъ никому семейномъ святилищѣ, то въ монастырской кельѣ, то въ дѣтской, съ почитаемыми ею будущими дѣятелями.

Но гдѣ женщина какъ-бы невзначай проявляется, тамъ по ея проявленіямъ можно смѣло судить, что таково было господствующее направленіе эпохи, какимъ его отражаетъ въ себѣ женщина, и что направленіемъ этимъ она же, невидимо для міра, и руководила, выражая собою знаменіе времени.

Княгиня Ольга, считая кровавую месть высшимъ проявленіемъ языческой правды, доводитъ месть древлянамъ за смерть мужа до такой изысканности, до какой мужчина не въ состояніи былъ бы ее довести, и первая во всей языческой Руси откликается на идеи христіанства.

Рогнѣда, съ другой стороны, представляетъ собою крайнее выраженіе эпохи — гордость «рода»: она не хочетъ «разуть сапоги робичичу», хотя разуванье жениха невѣстою было въ обычаѣ времени и хотя этотъ «робичичъ» — сынъ сильнѣйшаго князя русской земли.

Софья Витовтовна сама защищаетъ Москву отъ татаръ въ то время, когда великій князь бѣжитъ отъ страшныхъ ихъ пол-

чищъ: значить, приспѣла пора Руси освободиться отъ татарскаго ига. Софья Витовтовна — знаменіе времени.

Марѳа-посадница чутьемъ женщины угадываетъ грядущую гибель вольностей Великаго Новгорода со стороны Москвы — и погибаетъ послѣдняя, защищая эти вольности.

Софья Палеологъ первая вселяетъ въ душу своего мужа сознаніе царственнаго величія — и великій князь смѣло ломаетъ ханскую «басму», чего не смѣлъ сдѣлать ни одинъ князь, и въ то же время ломаетъ силу удѣльныхъ князей.

Елена Глинская добываетъ послѣдняго удѣльнаго князя старицкаго — и въ своемъ лицѣ начинаетъ единодержавіе русской земли: знакъ, что время единодержавія приспѣло.

Ирина Годунова, посадивъ на престолъ своего брата, сама предвидитъ, что тотъ путь, которымъ она возвела брата на престолъ, ведетъ Россію къ гибели, что сама она бросаетъ Россію въ пасть смутнаго времени, — и умираетъ, говорятъ, отъ тоски этого предвидѣнія.

Марина Мнишекъ — это олицетвореніе послѣдняго, отчаяннаго политическаго единоборства Польши и Руси, и еслибъ побѣдила Марина Мнишекъ, то быть можетъ исторія русской земли пошла бы инымъ путемъ.

Цесаревна Софья Алексѣевна — это полное отраженіе духа всей старой, допетровской Руси, и эта дѣвушка поднимаетъ руку на своего роднаго брата за то, что тотъ самъ поднималъ руку на эту старую, отживавшую по формѣ Русь.

Матрена Кочубей мечтаетъ объ отдѣльной «украинской коронѣ» и загадываетъ надѣть эту корону на свою красивую голову: знакъ, что идея своей короны носилась въ воздухѣ Малороссіи.

Въ теченіе всей первой половины XVIII-го вѣка русская женщина или наряжалась въ нѣмецкое платье, когда это стало знаме-

ніемъ времени, и наряжалась съ увлеченіемъ, со страстью, или до одуренія танцевала въ ассамблеяхъ, или же упорно и глухо боролась противъ всего новаго, или вся пропитывалась атмосферою противоновшества, или, наконецъ, интриговала при дворѣ, когда никакой другой дѣятельности для нея не представлялось, и попадала за это на плаху, или въ Сибирь, или въ монастырское заточенье.

Но вотъ въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то инымъ, болѣе высокимъ вѣяньемъ духа: Ломоносовъ пересаживаетъ на русскую почву западную науку и свои поэтическіе образы отливаетъ въ новую, невиданную дотолѣ форму стиха; Сумароковъ создаетъ русскій театр; древній аттическій Парнасъ съ его богами и богинями переносится на русскую землю и на него, хотя не безъ труда, избираются Бняжнинъ, Херасковъ, Майковъ.

Чуткая русская женщина, какъ ни была деморализована ассамблеями и интригою, мгновенно отразила въ себѣ новое вѣянье времени, и молоденькія дѣвочки, какъ, на примѣръ, дочь Сумарокова (впослѣдствіи Бняжнина) или Александра Каменская (впослѣдствіи Ржевская) становятся первыми русскими писательницами, вводятъ въ исторію эту новую русскую женщину.

Вмѣстѣ съ ними и за ними выступаетъ цѣлый рядъ женщинъ этого новаго направленія: имена ихъ императрица Екатерина II, княгиня Дашкова, Вельяшева-Волинцева, Зубова, Храповицкая, Хераскова, княгиня Меншикова (урожденная княжна Долгорукая), Макарова, Орлова, Нилова, княгиня Голицына, княжна Волконская, Безнинъ, Хвостова — все это женщины того времени, когда Россія въ первый разъ со дня начала своего историческаго существованія сознала въ себѣ силу умственнаго творчества, какъ явленіе законное, и отнеслась къ этой силѣ съ должнымъ уваженіемъ.

Объ императрицѣ Екатерины II и княгинѣ Дашковой мы уже говорили. Познакомимся нѣсколько съ нравственною фizioноміею и другихъ, выше поименованныхъ нами женщинъ, которыя названы «литературными дочерьми Ломоносова и Сумарокова».

Въ сущности, женщины эти были скорѣе носительницами того знамени, подѣ которымъ стояли Ломоносовъ, Сумароковъ и ихъ послѣдователи, чѣмъ «дочерьми» этихъ дѣятелей слова.

Дѣвица Анна Вельяшева-Волынцева была дочь артиллеріи подполковника Ивана Вельяшева-Волынцева.

Подѣ влияніемъ импульса общественнаго направленія, начавшагося вслѣдъ за бирюшчиной, Вельяшева-Волынцева рано почувствовала въ себѣ призваніе къ умственнымъ занятіямъ, и въ то время, когда другія сверстницы ея или видѣли цѣль и содержаніе жизни въ танцахъ и нарядахъ, или мечтали попасть ко двору, Волынцева искала осуществленія своихъ жизненныхъ идеаловъ въ другой сферѣ, и нашла это удовлетвореніе въ занятіяхъ умственнымъ трудомъ, который уже прославилъ имена двухъ или трехъ ея предшественницъ, дочь Сумарокова — Княжнину, Ржевскую-Каменскую и княгиню Дашкову-Воронцову.

Впрочемъ этотъ импульсъ общественнаго направленія сильно въ то время отразился и на дворѣ, такъ что и сама императрица Екатерина II, очень чуткая къ требованіямъ вѣка, искала славы писательницы и усердно работала надъ сочиненіемъ стихотвореній на разные случаи, надъ составленіемъ театральныхъ пьесъ и пр.

Данное направленіе, однимъ словомъ, господствовало въ умственной атмосферѣ Петербурга и Москвы, и конечно, какъ всегда бываетъ, наиболѣе одаренныя личности первыя служили практическимъ выраженіемъ этого направленія.

Въ то время стоять въ уровнѣ передовыхъ требованій вѣка значило для женщины умѣть владѣть перомъ и стихомъ.

Вельяшева-Волинцева владѣла и тѣмъ и другимъ. Стихи ея дали ей литературное имя и — чего иногда напрасно добивались другія ея сверстницы — извѣстность при дворѣ.

Молоденькая дѣвушка пошла при-этомъ и на другой, болѣе трудный для ея силъ, подвигъ: она занялась переводомъ лучшихъ въ то время произведеній западно-европейской литературы, и избрала для этого надѣлавшее такъ много шуму политическое сочиненіе Фридриха II-го: «Исторію бранденбургскую, съ тремя разсужденіями о нравахъ, обычаяхъ и успѣхахъ человѣческаго разума, о суевѣрїи и законѣ, о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ».

Переводъ этотъ много надѣлалъ шуму въ тогдашнемъ читающемъ русскомъ обществѣ, и имя даровитой дѣвушки повторялось во всѣхъ кружкахъ, а еще чаще при дворѣ.

— Вотъ у меня перевели и Фридриха! - - говорила императрица Екатерина философу Дидро, который въ то время былъ въ Петербургѣ. - - И кто же, думаете вы? — Молодая, пригожая дѣвушка.

— У васъ и при васъ, ваше величество, — всѣ чудеса свѣта, - - отвѣчалъ Дидро: - - но въ Парижѣ мало и мужчинъ читателей Фридриха!

Извѣстный дѣятель прошлаго вѣка Новиковъ, много потрудившійся для русскаго образованія и въ особенности для привлеченія къ умственному труду женщины, съ большимъ сочувствіемъ отзывался о трудахъ Волинцевой и говорилъ, что она, «въ разсужденіи своихъ молодыхъ лѣтъ и исправности перевода достойна похвалы».

Тѣмъ же общественнымъ движеніемъ увлечена была и другая современница Волинцева, Марья Ивановна Римская-Корсакова, вышедшая потомъ замужъ за Зубова.

Римская-Борсакова славилась своими пѣснями, которыя завладѣли вниманіемъ всего тогдашняго русскаго общества и пѣлись повсемѣстно: это были первыя пѣсни, которыя вмѣстѣ съ пѣснями Сумарокова и его дочери дозволила себѣ пѣть Россія послѣ раскольничьихъ стиховъ, духовныхъ кантатъ, пѣсенокъ вродѣ тѣхъ, которыя распѣвала когда-то Ксенія Годунова, и рѣдко — народныхъ пѣсень обрядоваго и бытоваго цикла.

Сама сочинительница пѣсень считалась «пріятнѣйшею пѣвицею». Пѣсни ея вышли въ 1770-мъ году. Эти пѣсни теперь уже, конечно, забыты, какъ и сама ихъ сочинительница.

Но едвали кому-либо изъ читателей извѣстно, что Зубова или Римская-Борсакова обезсмертила свое имя такою пѣсенкой, которая стала для Россіи историческимъ достояніемъ.

Пѣсенка эта — общеизвѣстный, теперь уже очень старинный, археологическій такъ-сказать романсъ —

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣсть...

Почти цѣлое столѣтіе вся Россія пѣла эту, нѣкогда модную, великовѣтскую, чувствительную пѣсенку, и находила ее восхитительною и по музыкѣ, и по стиху, и по содержанию. Пѣсенка эта пѣлась и при дворѣ, и въ высшихъ аристократическихъ домахъ. Какъ все болѣе или менѣе безсмертное, она стала потомъ достояніемъ нѣсколькихъ поколѣній, перешла въ самые отдаленные уголки Россіи, пѣлась потомъ во всѣхъ захолустьяхъ и до настоящаго времени поется чувствительными попадьями стариннаго покроя въ самыхъ далекихъ уголкахъ русской земли подъ звуки гуслей, тоже становящихся достояніемъ археологій.

Какъ бы то ни было, но чувствительная пѣсенка Римской-Борсаковой стала исторической пѣсенкой, и сказать «Я въ пустыню удаляюсь» значитъ сказать нѣчто поговорочное, эпическое.

То же вѣяніе времени, тѣ же господствующія симпатіи наиболѣе передоваго меньшинства отразила въ себѣ и сестра извѣстнаго составителя ежедневныхъ записокъ о времени Екатерины II-й, Александра Васильевича Храповицкаго, Марья Васильевна Храповицкая.

Передъ нею былъ примѣръ брата, кое-что писавшаго въ журналахъ; за нею были уже примѣры такихъ женщинъ, какъ Сумарокова-Княгинина, Каменская-Ржевская, княгиня Дашкова, Вельяшева-Волинцева, Римская-Корсакова. Даровитая дѣвушка не хотѣла остаться за вѣкомъ и для нея показалось недостаточнымъ тѣхъ знаній, которыми она располагала по тогдашней системѣ великосвѣтскаго образованія.

Храповицкая знала въ совершенствѣ языки французскій, итальянскій и нѣмецкій; но не этими знаніями можно было выдвинуться изъ толпы дюжинности въ то время, когда Ломоносовъ высоко поднялъ знамя русской народности, а его послѣдователи завоевали для русскаго литературнаго слова почетъ и государственное значеніе.

Храповицкая - - говоритъ одинъ изъ писателей стараго времени - - «не зная хорошо правилъ отечественнаго языка, всегда спрашивала своего брата, Александра Васильевича Храповицкаго, быть ея учителемъ: Храповицкая за привязанность свою къ чужимъ языкамъ боялась штрафованія «Телемахидою», особенно грозою для разборчивыхъ приверженцевъ къ чтенію «иностранныхъ книгъ».

Братъ, дѣйствительно, сдѣлался руководителемъ ея по ознакомленію ея съ «грамматическими правилами въ русскомъ словѣ», и отдавшись затѣмъ изученію русской словесности, она въ скоромъ времени сама выступила въ свѣтъ какъ писательница.

Въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ гетманшѣ Скоропадской, мы говорили, что эту женщиною начинается нравственное объединеніе малорусской исторической женщины съ великорусскою, что послѣ Матрены Кочубей и гетманши Скоропадской самостоятельный историческій типъ украинской женщины стирается, и между разными украинцами — Четвертинскими, Гамалеями, Кочубеями, Галаганами, Сологубами, Лизогубами, Безбородками и Разумовскими — вполнѣдствіи нельзя уже отличить ихъ малорускаго происхожденія, — тагъ исторія ассимилировала оба типа русской женщины, какъ украинцевъ Гоголя, Костомарова, Кулиша и другихъ ассимилировала она въ русскихъ писателей, а малѣйшее отклоненіе ихъ отъ общаго русскаго историческаго и народнаго русла въ пользу малорускаго ставило уже въ разрядъ народнаго и политическаго сепаратизма.

Такою же ассимилированной украинкою является и Храповицкая, въ которой никто бы, кажется, не могъ узнать историческую преемницу Матрены Кочубей и Настасьи Скоропадской.

Вѣсть о литературныхъ занятіяхъ Храповицкой скоро дошла до императрицы Екатерины.

Разсказываютъ, что «графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій при первомъ удобномъ случаѣ донесъ императрицѣ, что его землячка Храповицкая заплѣлась на виршахъ и читаетъ русскую грамоту лучше придворнаго дьячка. Для Екатерины и этого было достаточно, чтобъ пригласить Храповицкую ко двору, еще болѣе поощрить ее въ страсти писать стихи, заставить переводить и потомъ печатать въ современныхъ журналахъ.»

Храповицкая вмѣстѣ съ братомъ сдѣлалась сотрудницей издававшагося тогда Сумароковымъ еженедѣльнаго журнала, подъ названіемъ «И то и сію».

Въ то время русская публика только-что входила во вкусъ трагедій. Это были большею частью напыщенные произведенія, съ ходульными и сантиментальными героями и героинями, которые шестистопнымъ метромъ говорили монологи на цѣлыхъ страницахъ, облакались во всеоружіе криво понимаемаго классицизма и вообще отличались тяжеловатостью. На этотъ же ладъ сочинялись и трагедіи изъ древне-русской жизни съ Властемирами, Плѣнирами, Усладами и т. д.

Съ трагедіею выступила въ свѣтъ и Храповицкая. Въ сотрудничествѣ съ братомъ она написала «Идаманта», и Екатерина II, узнавъ объ этомъ произведеніи, пожелала съ нимъ познакомиться.

Хотя -- замѣчаетъ одинъ писатель конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія -- трагедія Храповицкой «похожа, можетъ быть, была, по выраженію нынѣшнихъ рѣзкихъ ценсоровъ болѣе на козлопѣніе, нежели на трагедію; но тогда еще не было такихъ отважныхъ опредѣлителей; русскіе литераторы прямыми глазами видѣли въ Сумароковѣ отца театра своего, а въ послѣдователяхъ Сумарокова видѣли достойныхъ похвалы учениковъ его, и потому Екатерина заставила однажды прочесть нѣсколько страницъ изъ «Идаманта», несмотря на шестистопные стихи трагедіи, поцѣловала сочинительницу и примолвила:

— Хорошо; но еслибы вы больше совѣтовались съ Александромъ Петровичемъ (Сумароковъ).

Въ 1778-мъ году Храповицкая перевела знаменитый романъ Мармонтеля «Инги, или разрушеніе перуанскаго царства».

Романъ этотъ приобрѣлъ громадную славу въ свое время. Переводъ Храповицкой наследовалъ эту славу. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ «Инговъ», тогдашніе писатели утверждали, что въ Россіи не было такой библіотеки, которой этотъ романъ

«не служилъ бы украшеніемъ». По 1820-й годъ «Инки» имѣли четыре изданія. Но замѣчательно, что въ теченіе сорока лѣтъ разошлось только пять тысячъ экземпляровъ, изъ чего видно, что въ годъ продавалось не болѣе ста экземпляровъ. При всемъ томъ одинъ изъ писателей тридцатыхъ годовъ говорить о Храповицкой и ея романъ какъ о феноменѣ, и высказываетъ удивленіе, что «такая книжная продажа, хотя бы и не у насъ, въ тогдашнее время есть рѣдкость.»

Надо при-этомъ замѣтить, что «Инки» въ то время служили такою настольною и педагогическою книгою для всякаго образованнаго русскаго семейства, что по этому переводу Храповицкой учились дѣти, какъ по образцовому руководству и въ отношеніи языка, и въ отношеніи развитія мысли и вкуса учащихся.

Къ этому же циклу женщинъ-писательницъ принадлежитъ и Елизавета Васильевна Хераскова.

Знаменитый въ свое время Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, творецъ «Россіады», «Бадма и Гармоніи», «Владимира» и другихъ драматическихъ и не драматическихъ произведеній, когда-то считавшихся капитальными, произведеній, надъ которыми плакали и которыми гордились прадѣды и прабабушки современнаго русскаго поколѣнія, — Херасковъ, подобно Бняжнину, избралъ себѣ супругу изъ наиболѣе развитыхъ дѣвушекъ своего круга, изъ того разряда женщинъ, которыя, какъ мы замѣтили выше, не только становились подъ знамя своего времени, но и усердно несли въ своихъ рукахъ это знамя.

Еще дѣвушкой Хераскова занималась литературой, и, принадлежа къ кружку передовыхъ женщинъ, была извѣстна Сумарокову и очень имъ любима за даровитость.

Когда она вышла замужъ за Хераскова, Сумароковъ - - рассказываютъ писатели того времени - - «въ поздравительномъ письмѣ

своемъ къ ней, новобрачной, щекоталъ ея самолюбіе, говоря, что для женщины ничего нѣтъ выгоднѣе, какъ быть супругою чело-вѣка ученаго; что вмѣстѣ со славою мужа ученаго никогда не умретъ и ея память; что въ самыхъ позднихъ вѣвахъ прочтутъ еще: «а супруга такого-то была такая-то», и пр.

Хераскова не была поэтомъ или стихотворицей, по обычаю того времени: еѣ не называли «шитою», ни «музою», а просто «литераторкою, прозаическою писательницею. Произведенія ея однако имѣли значительный кругъ читателей, и Новиковъ отзывался о Херасковой, что она имѣла «слозь чистый, текущій, особенными красотами пріятный.»

По обычаю того времени — называть русскихъ писателей и писательницъ именами какихъ-либо знаменитостей, то «россійскими Омирами», то «россійскими Сафо», «россійскими Кориннами» и пр. — Хераскова носила имя россійской де-ла-Сюзы.»

Но замѣчательно вотъ что: едва женщина выступила въ свѣтъ какъ писательница, едва она предъявила право на практическое разрѣшеніе того, что въ наше время принято называть «женскимъ вопросомъ», какъ тотчасъ же явились и противники этого вопроса, мало того—враги самые злые.

Первымъ по времени борцомъ противъ допущенія женщины въ литературу былъ извѣстный тогда писатель В. М. Майковъ. Онъ особенно нападалъ на женщинъ-писательницъ, которыя были или женами или дочерьми извѣстныхъ писателей. Майковъ высказывалъ въ этомъ случаѣ подозрѣніе, что никогда нельзя рѣшить, кто писалъ сочиненіе, подъ которымъ подписано имя жены или дочери литератора — сама ли подписавшаяся сочинительница, или ей помогалъ въ этомъ трудѣ мужъ или отецъ.

«Отважный творецъ «Елисея» -- говоритъ о Майковѣ одинъ изъ прежнихъ біографовъ Херасковой -- всегда объявлялъ

споръ противъ нашихъ тогдашнихъ женщинъ-авторовъ, женъ и дочерей авторскихъ; онъ рѣшительно говаривалъ: «Хорошо, весьма не худо, да вотъ бѣда: за женъ мужья, а за дочерей родители. Хераскова щегольская барынька, да еслибъ писать ей, то у мужа не было бъ и щей хорошихъ: онъ пишетъ, она пишетъ, а кто же щи-то сварить?»

Какъ бы то ни было, Хераскова и щи варила мужу, и писала, и притомъ въ литературномъ дѣлѣ обладала и бѣльшимъ тактомъ, чѣмъ ея мужъ, и большей практичностью. Она останавливала мужа отъ исполненія такихъ литературныхъ замысловъ, отъ которыхъ она не ожидала ни авторской славы, ни матеріальнаго прибытка.

Современники свидѣтельствуютъ, что Херасковъ получалъ очень значительныя выгоды отъ продажи издателямъ-книгопродавцамъ лучшихъ своихъ произведеній — «Россіады», «Бадмы и Гармоніи» и другихъ.

Въ концѣ жизни, почувствовавъ приступы старческаго свряжничества и не чувствуя, что талантъ его падаетъ, какъ это и всегда бываетъ, когда писателемъ овладѣваетъ посторонняя; особенно же денежная страсть,—Херасковъ написалъ еще одну объемистую поэму — «Бахаріану или неизвѣстнаго». Написалъ онъ эту поэму, не слушая своей умной жены, которая останавливала его отъ продолженія этого неудачнаго труда.

Книгопродавцы, которымъ Херасковъ предложилъ изданіе этого труда, не рѣшались приобрести его отчасти потому, что имя Хераскова уже теряло свое обаяніе, книги его шли ту же, а между тѣмъ, сами не обладая никакими средствами для оцѣнки достоинствъ литературныхъ трудовъ, они прислушивались къ неблагоприятнымъ отзывамъ въ обществѣ о новомъ произведеніи устарѣваго писателя.

Едвали можно, впрочемъ, дать какую-либо цѣну анекдотическому разсказу, ходившему въ то время насчетъ «Бахаріяны» и насчетъ ея покупателей-книгопродавцевъ. Говорятъ, будто-бы книгопродавцы, слыша объ «излишней тягости» въ произведеніи Хераскова, т. е. о тяжеловатости языка, манеры и всего содержанія новаго произведенія, и понимая эту «излишнюю тягость» буквально, какъ тяжесть на вѣсъ,—«книгопродавцы долго прикидывали на руку поэму Хераскову, угадывали вѣсъ, колебались взять ли ее, печатать или нѣтъ» и т. п.

Хотя и въ настоящее время рѣдкіе изъ нашихъ издателей-книгопродавцевъ настолько обладаютъ личными познаніями, чтобы дѣлать правильную оцѣнку произведеній современныхъ писателей, и большею частью руководствуются въ этомъ случаѣ или ходячими слухами о писателѣ и его произведеніяхъ, или курсомъ его имени на книжной биржѣ, въ литературныхъ кружкахъ, въ обществѣ, вкусами читателей и спросомъ на автора и на предметъ, наконецъ вѣроятностью хорошаго или дурнаго приѣма произведенія со стороны критики, слѣдовательно — вѣроятностью хорошаго или плохаго сбыта книги, — однако нельзя допустить, чтобы и сто лѣтъ назадъ русскіе книгопродавцы не обладали настолько коммерческимъ тактомъ, литературнымъ чутьемъ и знаніемъ своего ремесла, чтобъ буквально понимать «тяжесть» произведенія и взвѣшивать его на рукѣ.

Сто лѣтъ назадъ, когда написана была «Бахаріяна», русскіе книгопродавцы, какъ и г-жа Хераскова, очень хорошо понимали, что время Хераскова отошло, что въ воздухѣ слышится ужъ что-то другое, что тамъ и здѣсь раздаются имена новыхъ писателей—Дмитріева, Барамзина и что только одинъ еще Державинъ сидитъ непоколебимъ на своемъ литературномъ тронѣ. Вотъ почему книгопродавцы не рѣшались купить книгу, которую не одоб-

ряла и г-жа Хераскова, — и упрямый старикъ, тихонько отъ жены, издалъ ее на свой счетъ.

Книга, разумѣется, не пошла. Скупой старикъ потерпѣлъ убытку до тысячи рублей въ видѣ долга типографіи.

Произошла, конечно, семейная сцена, когда Хераскова узнала о неблагоразумной скрытности мужа.

— Ахъ, Михаилъ Матвѣевичъ! Что ты надѣлалъ! -- говорила огорченная супруга (такъ передаютъ эту сцену современники).

Старикъ молчитъ—у него нѣтъ оправданій, потому что улика на-лицо: тысячи рублей изъ семейной экономіи какъ не бывало. Но деньги все-таки надо еще было внести въ типографію, очистить долгъ, а деньгами распоряжалась жена.

— Дѣлать нечего — аминь! -- сказала Хераскова, сжалившись надъ убитымъ старикомъ: -- мое пророчество сбылось: во-зился, писалъ... На, вотъ деньги—кинь и знай,

Что въ старости твое писанье

И дому и женѣ одно, сударь, страданье.

— Какъ жаль, Лизанька, что ты не приохотилась быть пиитой!—отозвался обрадованный старикъ.

Говоря вообще, какъ ни малоизвѣстна историческая память всѣхъ этихъ, поименованныхъ нами здѣсь четырехъ женщинъ, какъ ни скромно занимаемое ими въ исторіи русскаго просвѣщенія мѣсто, однако онѣ, соразмѣрно своимъ силамъ, честно служили духовнымъ интересамъ страны, и, принеся ей хотя ту маленькую долю пользы, которою принято называть лептою вдовицы, сдѣлали свои скромныя имена едвали не болѣе заслуживающими безсмертія въ исторіи человѣческаго развитія, чѣмъ имена болѣе громкихъ историческихъ дѣятелей, но только на тѣхъ поприщахъ, которыя съ каждымъ годомъ теряютъ цѣну въ глазахъ исторіи.

Бъ сожалѣнію, всѣ произведенія названныхъ нами женщинъ въ настоящее время стали библиографическою рѣдкостью, и самое безсмертіе честныхъ женскихъ именъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе стирается не временемъ, а нашимъ равнодушіемъ къ памяти нашихъ дѣятелей.

IX.

**Первыя русскія переводчицы: княгиня Меншикова, госпожа
Макарова, дѣвица Орлова, княгиня Голицына, княжны
Волконскія.**

Небольшой періодъ времени, начиная отъ конца пятидесятихъ и кончая осмидесятыми годами прошлаго столѣтія, этотъ промежутокъ лѣтъ въ тридцать не болѣе, по справедливости можетъ быть названъ счастливою эпохою въ исторіи развитія русской мысли.

Эти тридцать—сорокъ лѣтъ, какъ ни были они мимолетны, оставили блестящій слѣдъ въ русской исторіи и дали русскому имени вѣсъ и значеніе въ Европѣ.

Монсы, Балки и имъ подобныя женщины, продуктъ болѣзненнаго состоянія общества, сходятъ съ страницъ исторіи. Тайная канцелярія, застѣнокъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ тоже не показываются на этихъ страницахъ, потому что въ это время имъ нечего дѣлать и Россія повидимому не нуждается болѣе въ Ушаковѣ: мужчины не съѣзжаются тайно по ночамъ, чтобъ перешептываться о низложеніи временщиковъ; женщина не попадаетъ болѣе въ застѣнокъ, потому что вмѣсто заговора противъ какого-нибудь «канальи Лестока» заинтересована новымъ произведеніемъ своей пріятельницы или чувствительнымъ романсомъ вродѣ «Я въ пустыню удаляюсь» Римской-Корсаковой, или любопытнымъ переводнымъ романомъ Храповицкой и т. д.

Вмѣсто отрубленныхъ головъ, воткнутыхъ на шести, вниманіе толпы обращено на выставленные въ окнахъ магазиновъ бюсты Ломоносова, Сумарокова, на новыя книжки, глобусы, картины. О пыткахъ стали забывать. Человѣческая кровь смѣнилась типографскими чернилами — зачѣмъ же тутъ застѣножь, Ушаковъ, заплачный мастеръ?

Подметныя письма и «пашквили», доносы, «слово и дѣло» — замѣнились «одами», трагедіями, и казни остаются только на сценѣ.

Во дворцѣ — литературные вечера, и наши герои прямо отъ чтенія новой трагедіи скачутъ къ арміи и побѣждаютъ непріятелей.

Вообще что-то произошло такое, чего прежде не было.

И въ государственной и въ общественной жизни въ свою очередь являются и люди, которыхъ прежде не было.

Мало того, происходитъ какая-то перестановка въ классификаціи достоинствъ, качествъ, понятій, заслугъ: — литературныя заслуги цѣнятся одинаково съ заслугами государственными, служебными и т. д.

Мы уже видѣли, какъ отразилось все это на женщинѣ и какъ «прекрасныя россиянки» дружно и высоко подняли въ своихъ рукахъ и понесли впередъ знамя возрожденія русской мысли — знаменіе времени. Въ нѣсколько лѣтъ русское общество дало исторіи восемь женскихъ личностей, выставило небывалый въ русской землѣ женскій типъ — женщинъ писательницъ, которыя прошли не бесслѣдно въ исторіи русскаго просвѣщенія, и изъ этихъ женщинъ одна была императрица — Екатерина II, одна княгиня — Е. Р. Дашкова, и шесть другихъ писательницъ — Сумарокова (-Княжнина), Каменская (-Ржевская), Вельяшева-Волынцева, Римская-Корсакова (-Зубова), Храповицкая и Хераскова.

Когда эти женщины продолжали еще свое литературное дѣло, къ ихъ знамени примкнуло шесть новыхъ женскихъ личностей.

Первою изъ нихъ является княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, впоследствии супруга свѣтлѣйшаго князя Петра Александровича Меншикова.

Это вмѣстѣ съ Храповицкою — первыя русскія переводчицы.

Какъ на поразительную черту разсматриваемаго нами явленія уважемъ на слѣдующее обстоятельство:

Лѣтъ за пятьдесятъ до этого умственного возрожденія русской женщины, мы познакомились, въ настоящихъ очеркахъ, еще съ одною княжною Долгорукою, Александрою Григорьевною, бывшею замужемъ за знаменитымъ Салтыковымъ, братомъ царицы Прасковьи.

Мы видѣли, какова была образованность этой княжны и каковы были ея познанія въ русской грамотѣ.

Эта княжна Долгорукая или супруга знаменитаго Салтыкова такъ, напримѣръ, писала къ извѣстной своими интригами и своею трагической участію сестрѣ Анны Монсъ, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкѣ:

«Государяня мая матрена ивановна много летно здравь-
стуй купно са всеми вашими! писмо милости вашей получила, въ
каторомъ изволите отвѣтствовать на мое писмо, каторое я къ
вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ, матушъка мая,
Благодарствую и въпретъ васъ прашу неизволте оставить и чаще
писать, что свеликою маею радастію ожидать буду.... прашу на
меня и не изволте прогневатьца, что мешъкала за нещастіемъ мо-
имъ, на оное ваше писмо отвѣтствовать, понежа у меня батюшъка
канешно бдлень огреваю четьыря недели истенъно въ бедахъ мо-
ихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели
дасть Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простърано на будущей

почте Сердешно сердешно сожелею о вашей балеэне изволька
мъне отъ писать если вамъ лехъча» и т. д., какъ мы уже ви-
дѣли раньше.

Безспорно, языкъ княжны Долгорукой и правописаніе —
ужасны.

И вдругъ, въ эпоху возрожденія русской мысли, другая княжна
Долгорукая, Екатерина Алексѣевна, является уже блестя-
щею по своему времени писательницею, участвуетъ въ русскихъ
литературныхъ журналахъ, мало того, она первая переводчица,
она знакомитъ Россію съ Тассомъ!

«Воспитанная во всемъ блескѣ вельможной дочери, она не
только ознакомила себя съ лучшими иностранными писателями сво-
его времени; но получила притомъ и весьма достаточное понятіе о
правилахъ языка отечественнаго, — другая рѣдкость и въ наше вре-
мя!» (говорить о ней писатель тридцатыхъ или двадцатыхъ
годовъ).

Но рѣдкость не въ томъ, что «вельможная дочь получаетъ
весьма достаточное понятіе о правилахъ языка отечественнаго»,
а въ томъ, что она прекраснымъ языкомъ переводитъ Тасса, ука-
зывая тѣмъ путь будущимъ переводчикамъ, и Фонвизинъ, круп-
ная литературная сила, не умаляющаяся отъ времени, высказывалъ
глубокое удивленіе къ дарованіямъ вельможной женщины, которая,
при всѣхъ «заботахъ дворскихъ или свѣтскихъ», завоевала себѣ
почетное мѣсто въ литературѣ.

Вслѣдъ за нею подъ то же литературное знамя становится дѣ-
вица Наталья Алексѣевна Неелова, впоследствии г-жа Ма-
карова.

Макарова выступаетъ съ романомъ или повѣстью подъ за-
главіемъ: «Лейнардъ и Термилія, или злосчастная судьба двухъ лю-
бовниковъ».

Заглавіе конечно вычурное, какъ и подобало въ то время; содержаніе романа—тоже ничѣмъ не выдающееся; но заслуга здѣсь въ томъ, что и Макарова, какъ всѣ предыдущія девять женщинъ,—естественный продуктъ духа времени.

Въ ту эпоху на русское общество уже вліяла неутомимая дѣятельность борца за русское просвѣщеніе—Новикова: онъ выискивалъ и такъ-сказать создавалъ даровитыхъ женщинъ; подъ его вліяніемъ укрѣпился не одинъ талантъ, и это вліяніе его отразилось на всемъ русскомъ обществѣ.

«Для Новикова -- говоритъ одинъ изъ писателей прежняго времени -- для Новикова, изыскателя и поощрителя отечественныхъ дарованій и трудовъ, было довольно и такихъ романовъ, какимъ былъ «Лейнардъ и Термилиа», или ему подобные. Сей глубокомысленный писатель, изыскивая, а иногда, такъ сказать, сотворяя таланты, и особливо въ женщинахъ, ожидалъ отъ нихъ весьма многого...

«Грамотная мать -- говаривалъ онъ -- и въ игрушку будетъ давать своему дитятѣ книгу, а такимъ образомъ и мы пойдемъ впередъ съ молокомъ, а не съ сѣдинами...

Въ такомъ предположеніи онъ каждой дамѣ, или дѣвицѣ, занимавшейся чтеніемъ русскихъ книгъ, былъ всегда и другомъ и покровителемъ, и охотно предавалъ тисненію всѣ ихъ сочиненія и переводы. Съ сего же времени, какъ можно замѣтить по вліянію языка нашихъ литераторовъ на жесткій слогъ тогдашней нашей прозы, сія послѣдняя начала смягчаться и, кажется, дождалась только мастера—Карамзина.

«Повѣсть госпожи Макаровой по своему слогу почти первая приближается къ лучшимъ измѣненіямъ въ языкѣ, и потому она съ этой стороны останется навсегда замѣчательною.»

Мы полагаемъ, что этихъ немногихъ замѣтокъ о литературной дѣятельности княгини Меншиковой и г-жи Макаровой

достаточно; мы считаемъ важнымъ указать только на явленіе и на его характеръ.

Насколько явленіе это имѣло общій характеръ и стало отличительною чертою русскаго общества въ помянутый нами тридцатилетній промежутокъ времени, можно заключить, между прочимъ, и изъ того, что даже степной, въ то время никому почти неизвѣстный Тамбовъ сталъ литературнымъ городомъ: въ Тамбовѣ, въ которомъ и теперь печатаются только «Губернскія Вѣдомости», въ осьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія печатались книги, романы, повѣсти.

Правда, небывалое дотолѣ явленіе это объясняли пребываніемъ тамъ Державина, который въ то время былъ тамбовскимъ губернаторомъ и своею литературною славою увлекъ за собою на служеніе музамъ не одну женщину; но это объясненіе нельзя не признать отчасти одностороннимъ: не Державинъ тутъ причина явленія; а причина эта — извѣстная высота подъема общественнаго духа.

«Гаврило Романовичъ Державинъ, будучи губернаторомъ въ Тамбовѣ, умѣлъ влюбить многихъ изъ тамошнихъ жителей и въ литературу, и въ театръ, въ особенности же въ семь случаевъ онъ обратилъ все вниманіе на дамъ, какъ на первыхъ споспѣшествовательницъ къ образованію вкуса.»

Такъ понимали это явленіе ученики и послѣдователи Державина; мы же объясняемъ его общимъ направленіемъ времени.

Дѣйствительно, въ бытность Державина въ Тамбовѣ въ этомъ городѣ явилось нѣсколько женщинъ писательницъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи литературы оставила дѣвица Орлова и княгиня Голицына.

Марья Григорьевна Орлова была, можно сказать, балованное дитя Державина: на всѣхъ литературныхъ вечерахъ, на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, которыя не обходились безъ чтенія сти-

хотвореній, одъ и всякихъ торжественныхъ «прологовъ», во всѣхъ благотворительныхъ спектакляхъ—Державинъ выставялъ Орлову на первое мѣсто. Такъ, напримѣръ, когда въ день открытія въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, въ день, совпадавшій съ тезоименитствомъ императрицы Екатерины, на театрѣ былъ поставленъ драматическій прологъ, сочиненный Державинымъ на этотъ случай, Орлова явилась въ роли Мельпомены и исполнила свою роль блистательно.

По окончаніи пролога, Державинъ торжественно благодарилъ дѣвушку и, цѣлуя у нея руку, говорилъ:

— Съ такими чувствами и съ этими только голубыми глазами должна быть наша Мельпомена, а другую русская сцена не допустить явиться передъ зрителями.

Но Орлова не остановилась на сценическомъ выполненіи чужихъ театралныхъ пьесъ; она сама явилась писательницей, и напечатала въ Тамбовѣ романъ подъ заглавіемъ: «Аббатство или замокъ борфордской».

Печатаніе романовъ въ Тамбовѣ — это дѣйствительно то, чего не было ни прежде, ни послѣ.

Еслибъ это продолжалось долго, то въ такомъ случаѣ неувидительно, что Арзамасъ могъ сдѣлаться русскимъ Лейпцигомъ.

Въ одно время съ Орловою выступила въ Тамбовѣ, тоже въ качествѣ писательницы и преимущественно переводчицы, княгиня Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардтъ.

Она напечатала въ тамошней типографіи переведенный ею романъ: «Заблужденіе отъ любви или письма отъ Фанеліи и Мальфорта».

Державинъ, посылая экземпляръ этого романа Хераскову, между прочимъ, писалъ:

«Нашъ степной Тамбовъ цвѣтетъ и зрѣетъ необыкновенно скоро: у насъ и Таія и Мельпомена, свои Феокриты, свои Сафо, все свое.—Прочтите нашъ новый романъ; да послужить онъ многимъ изъ вашихъ указкою и по выбору и по слогу. Въ столицахъ не всѣ такъ переводятъ» и т. д.

Наконецъ, въ это же время прославились, какъ хорошія переводчицы, двѣ сестры, княжны Волконскія, Екатерина Михайловна и Анна Михайловна.

Надо отдать честь этимъ дѣвушкамъ, что ихъ не остановила трудность такой работы, какъ переводъ ученаго и весьма капитальнаго въ то время сочиненія — «Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ».

Извѣстный профессоръ Озерецковскій съ большою похвалою отзывался о переводѣ княженъ Волконскихъ, ставя имъ въ заслугу не только выборъ такого серьезнаго сочиненія, какъ вышеупомянутое, но и умѣнье побѣдить всѣ трудности ученой терминологіи, которая въ то время конечно была несравненно менѣе установлена и выработана, чѣмъ въ настоящее время: извѣстно, какъ ученая терминологія и теперь затрудняетъ нашихъ современныхъ переводчиковъ и переводчицъ.

По поводу перевода княженъ Волконскихъ Фонвизинъ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей:

— Прочти переводъ княженъ Волконскихъ, — его скоро напечатать, — и ты увидишь, что при изображеніи моей послѣдней Софьи я еще весьма мало задалъ ей учености: наши россиянки начали уже и сами знакомить насъ съ Бонетами и Бюффонами.

Къ чести «россиянокъ» прошлаго вѣка слѣдуетъ отнести, что онѣ являются какъ-бы прототицами тѣхъ полезныхъ женщинъ-писательницъ нашего времени, которыя своею переводческою дѣятельностью значительно пополняютъ недостаточность научной под-

готовки русской читающей публики. При чтеніи современныхъ переводовъ г-жъ Бѣлозерской, Генъ, Лихачевой, Марка-Вовчака, Сувориной, Цебриковой и другихъ, намъ всегда вспоминаются имена отжившихъ русскихъ переводчицъ — Вельяшевой-Волынцевой, Храповицкой, княгини Меншиковой (кн. Долгорукой), княгини Голицыной (урожд. Энгельгардтъ) и княженъ Волконскихъ: почтенная дѣятельность и первыхъ и послѣднихъ—не малая заслуга въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Но тридцать лѣтъ скоро прошли. Въ девяностымъ годамъ истекшаго столѣтія многое измѣнилось, и русское общество снова дѣлаетъ какой-то поворотъ, напоминающій что-то старое, повидимому давно отжившее. У общества точно руки опускаются. То, что тридцать—сорокъ лѣтъ назадъ ставилось людямъ въ достоинство, уже ставится имъ въ вину. Заслуги, цѣнимыя еще такъ недавно, уменьшаютъ уже цѣну человѣку. Упадокъ духа замѣтенъ во всемъ. Робость и нерѣшительность парализуютъ силу, которую еще такъ недавно чувствовала и уважала Европа. Мы становимся какъ-будто безсильны внутри, сравнительно слабы извнѣ.

Вспоминается и Ушаковъ. Но его уже нѣтъ. На страницѣ исторіи, гдѣ онъ стоялъ, осталось только пятно. Ушакова нужно было замѣнить другимъ, создать—и является Шашковскій./

Женщина, какъ и мужчина, опять на-время ступшевывается. Въмѣсто переводчицъ и писательницъ являются «монастырки-смолянки», о которыхъ мы скажемъ въ свое время.

Х.

Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Глѣбова.

(«Салтычиха»).

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ (Фрейлина Гамильтонъ) мы высказали, что историческое безсмертіе выпадаетъ иногда на долю такихъ личностей, къ счастью немногихъ, которыхъ воля, зло направленная и вся сумма жизненныхъ условій, неудачно сложившаяся въ недобрый характеръ, даютъ этимъ личностямъ безсмертіе какъ вѣчный судъ исторіи, какъ несмываемое пятно на несчастной ихъ памяти и какъ поворный приговоръ, имѣющій служить нравственнымъ урокомъ для будущихъ поколѣній. Исторія человечества была бы не полна и не правдива, еслибъ она восполняла своимъ безпристрастнымъ изложеніемъ лишь страницы, предназначенныя для свѣтлыхъ явленій прошлаго и для свѣтлыхъ человѣческихъ личностей, а страницы и части страницъ, отведенныя для вписанія на нихъ явленій темныхъ, безъ которыхъ свѣтлыя, по закону контрастовъ, не бываютъ достаточно свѣтлы, и для личностей, противоположныхъ свѣтлымъ, безъ сопоставленія съ которыми эти послѣднія казались бы блѣдными, безцвѣтными, — оставляла бѣлыми, неисписанными.

Къ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода принадлежитъ и та, имя которой выставлено нами въ заголовѣ этого очерка, на-

писаніе котораго здѣсь отчасти объясняется и другими побужденіями, руководившими нашимъ перомъ.

Побужденія эти слѣдующія. Салтыкова, жившая въ прошломъ вѣкѣ, до настоящаго времени одужить предметомъ народныхъ разсказовъ, далеко не правдоподобныхъ; преувеличенныхъ; на память «Салтычихи» въ сознаниі русскаго народа легло слишкомъ темное пятно; народъ осудилъ ее въ своемъ легендарномъ творествѣ болѣе жестоко, чѣмъ осудило ее государство, и жестооче, чѣмъ должна бы осудить исторія.

Снять съ памяти Салтыковой часть этого темнаго пятна и слишкомъ густыя краски, наложенныя на нее временемъ и недостаточнымъ знакомствомъ съ истинною исторіею Салтыковой, вотъ отчасти наша цѣль.

«Въ народѣ, собственно по Москвѣ - - говоритъ одинъ составитель статьи о Салтыковой, на основаніи подлиннаго о ней архивнаго дѣла - - имя «Салтычихи», чрезвычайно популярное, произносится обыкновенно съ тѣмъ же чувствомъ, какъ имена Пугачова и Разина. Можно и до сихъ поръ услышать, что «Салтычиха» похищала дѣтей, жарила ихъ и ѣла, вырѣзывала у своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ груди и также употребляла ихъ въ пищу; что первымъ донощикомъ на нее былъ поварь, готовившій для нея кушанье изъ человѣческаго мяса.»

Имя Салтыковой стало, слѣдовательно, достояніемъ народа. А такая популярность рѣдко выпадаетъ на долю даже самымъ свѣтлымъ историческимъ личностямъ, на что нельзя не обратить вниманія: народъ, къ крайнему удивленію историка, не всегда и даже, въ большинствѣ случаевъ, очень рѣдко и почти никогда не помнитъ благодѣтелей человѣчества, мало помнитъ тѣхъ, которыхъ принято называть «великими людьми» или «героями»; мало помнитъ тѣхъ, которые заслужили право на его любовь и которыхъ

онъ дѣйствительно любилъ, пока зналъ и помнилъ: онъ мало помнитъ Петра великаго, Екатерины II; но онъ по-своему хорошо помнитъ Грознаго; онъ хорошо, наконецъ, помнитъ такія личности, какія не стоили бы этой памяти; онъ больше помнитъ разбойниковъ, чѣмъ героевъ, и вредныхъ больше, чѣмъ полезныхъ.

Такъ онъ крѣпко запомнилъ и имя несчастной Салтыковой. Съ одной стороны она засѣла въ его памяти оттого, что о ней въ свое время ходила молва, какъ о какомъ-то чудовищѣ; съ другой — эту молву подкрѣпилъ и указъ императрицы Екатерины II отъ 2-го октября 1765 года, которымъ Салтыкова за свои преступленія осуждена на вѣчное заточеніе въ монастырское подземелье и который повелѣно было тогда въ продолженіе извѣстнаго времени прочитывать народу въ церквахъ. Народъ, поэтому, и далъ волю своей фантазіи о людодѣствѣ Салтыковой и пр.

«Но всѣ эти легенды - - заключаетъ помянутый составитель статьи о Салтыковой - - не подтверждаются никакими положительными данными».

Вотъ поэтому-то тѣмъ болѣе на исторіи лежитъ нравственная обязанность снять съ памяти Салтыковой то, чего она не заслужила, и разоблачить по-возможности истинную ея исторію.

«Салтычиха» была дочь ротмистра лейбъ-гвардіи коннаго полка, Николая Глѣбова, Дарья Николаевна, по мужѣ Салтыкова.

О молодости Салтыковой и о ея воспитаніи мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Была ли это дурно направленная, вслѣдствіе отсутствія воспитанія, воля, или зачатки жестокости лежали въ самомъ характерѣ этой женщины и развились отъ недостатка нравственной сдержки, виновато ли тутъ было отчасти время, отчасти всеобщая ненормальность и ложность отношеній между владѣльцами

и подчиненными, или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, вся сумма этихъ дурно сложившихся условій, — неизвѣстно; но только Салтыкова, овдовѣвъ, выказала всѣ свои дурныя наклонности, обративъ никѣмъ несдерживаемыя страсти по преимуществу на своихъ крестьянъ, которыхъ у нея было достаточно. Салтыкова была богатая помѣщица и въ ея непосредственномъ распоряженіи находилось много женщинъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ подмосковномъ имѣніи: жила она то въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ на Срѣтеннѣ, то въ подмосковномъ селѣ Троицкомѣ.

Обхожденіе ея съ людьми было, дѣйствительно, до крайности жестокое: за малѣйшую провинность со стороны крестьянъ и особенно дворовыхъ дѣвушекъ и женщинъ Салтыкова неистовствовала, мучила разными способами провинившихся женщинъ, тиранила ихъ съ изысканностью и даже собственноручно убивала до смерти. Но что бы она, какъ передаетъ народная легенда, ѣла жареныхъ дѣтей, вырѣзывала у женщинъ груди и готовила изъ нихъ себѣ жаркое — эти возмутительныя подробности ничѣмъ не подтверждаются, а безъ сомнѣнія принадлежатъ къ народнымъ измышленіямъ изъ цикла крѣпостнаго еще творчества.

Жестокое обращеніе Салтыковой съ людьми не могло, однако, оставаться тайною. Хотя по тогдашнимъ законамъ крестьяне, «яко дѣти на родителей», не имѣли права жаловаться на своихъ помѣщиковъ, тѣмъ неменѣе жалобы на Салтыкову разными путями и въ разное время поступали въ московскій сыскной приказъ, въ губернскую и полицейскую канцеляріи; но, съ одной стороны, въ виду существовавшего тогда закона о неприятіи жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ, съ другой — въ виду вліятельности такой личности, какъ Салтыкова, власти, какъ говорится въ слѣдственномъ дѣлѣ о Салтыковой, «озадаариваемыя» ею, или оставляли жалобы крестьянъ безъ послѣдствій, или же наказывали

жалобщиковъ какъ-бы за ложные доносы, держали въ заключеніи, били кнутаомъ и ссылали въ Сибирь какъ за неподтверждавшіеся извѣты.

Жалобъ было дѣйствительно много, и все это раскрыто было только впоследствии, когда сама императрица Екатерина II, узнавъ о жестокостяхъ Салтыковой, приказала строжайше изслѣдовать это дѣло.

Такъ, еще 14-го декабря 1757 года крестьяне Салтыковой подали жалобу въ томъ смыслѣ, что помѣщица ихъ, между прочимъ, «жестоко наказавъ розгами крѣпостную дѣвку Аграфену, забила ее собственноручно до-смерти палкою».

Черезъ два почти года, 25-го мая 1758 года, люди Салтыковой жаловались московскимъ властямъ, что, между прочими жестокостями, помѣщица ихъ «изъ своихъ рукъ убила шесть дѣвокъ».

Затѣмъ еще жалобы, найденныя въ дѣлахъ:

Въ октябрѣ того же года, сверхъ шести убитыхъ дѣвокъ, Салтыкова въ своемъ подмосковномъ селѣ Троицкомъ «убила дѣвку Марью».

Въ ноябрѣ — «убила племянника гайдука Хрисанфа».

Потомъ — «забила палками до-смерти дворовую женку Анну Григорьеву».

Наконецъ — «скалкою убила собственноручно жену Ермолая Ильина».

Всѣ эти жалобы, однако, признавались извѣтами, и жалобщики были наказываемы властями очень жестоко, согласно требованіямъ самой Салтыковой.

Выхода, казалось, для крестьянъ не было.

Но вотъ на престолъ вступаетъ добрая государыня, которая торжественно и многократно объявляетъ въ первые же дни послѣ своего воцаренія, что она будетъ «матерью своего народа».

Къ этой императрицѣ крестьяне Салтыковой и обратились въ своешь горѣ: они подали ей челобитную въ собственныя руки, воспользовавшись удобною минутою, когда государыня находилась въ Москвѣ для своей торжественной коронаціи. Прочитавъ челобитную, государыня высочайше повелѣла: «произвести о помѣщицѣ Салтыковой слѣдствіе».

Слѣдствіе произведено самымъ тщательнымъ образомъ, какъ того требовали и важность дѣла и обращенное на него вниманіе государыни. Все, что было раскрыто слѣдствіемъ, поступило на разсмотрѣніе юстицъ-коллегіи.

Раскрыты были, дѣйствительно, преступныя дѣла, но не одной Салтыковой, а вмѣстѣ и покрывавшихъ ее властей.

13-го января 1765 года вышло грозное опредѣленіе юстицъ-коллегіи въ виду того, что Дарья Салтыкова, хотя обличаемая обстоятельствами дѣла, многообразными показаніями и уликами, не сознается, однако, въ своихъ преступленіяхъ, подвергнуть подсудимую пыткѣ.

Но сенатъ не сразу рѣшается на эту жестокую мѣру, тѣмъ болѣе, что сама императрица строго осуждала безнравственность пытокъ и отрицала даже ихъ практическую пользу въ судопроизводствѣ: сенатъ усовѣщивалъ Салтыкову принести полное сознание и раскаяніе; а если этого признанія отъ нея не послѣдуетъ, то только тогда — привлечь подсудимую къ пыткѣ.

Но и тутъ сенатъ не сразу исполняетъ эту мѣру: онъ желаетъ прежде утратить подсудимую, ужасами вида пытокъ исторгнуть изъ нея чистосердечное признаніе. Сенатъ, «чтобъ показать подсудимой на дѣлѣ всю жестокость розыска», повелѣлъ, предварительно привлеченія къ розыску самой Салтыковой, въ присутствіи ея произвести пытки надъ кѣмъ-либо изъ преступниковъ, уже приговоренныхъ къ пыткамъ.

Но, предварительно этого, къ Салтыковой отправляютъ священника, для словеснаго увѣщанія. Цѣлый мѣсяць священникъ бился съ этой неподатливой женщиной — ничто не дѣйствовало — и священникъ доносить, что ему не удалось исторгнуть отъ подсудимой «ни признанія, ни раскаянія».

Тогда только Салтыкову ввели въ пыточный застѣнокъ. Но и здѣсь сначала усовѣщивали ее, а когда увидѣли, что все бесполезно, стали на ея глазахъ пытать приговореннаго къ пыткамъ преступника. Но что были для Салтыковой пытки!

Салтыкова смотрѣла на эти ужасы, для нея не новые; но — какъ выражается слѣдственное о ней дѣло — «и это страшное испытаніе не имѣло на нее дѣйствія».

Донесли и объ этомъ сенату. Донесли и государынѣ лично: она ужаснулась — такъ это было не похоже на человѣка и на женщину.

Это былъ дѣйствительно «уродъ рода человѣческаго», какъ выразилась императрица.

Затѣмъ слѣдуетъ самый строгій повальный обыскъ о личности Салтыковой. Повальнымъ обыскомъ обнаруживаются крупныя улики противъ подсудимой:

Первая подтвердившаяся улика — подсудимая дворовыхъ своихъ людей морила голодомъ, брила имъ головы и въ колодкахъ заставляла работать для увеличенія ихъ мученій.

Вторая — посторонніе люди часто видѣли крестьянъ Салтыковой, зимою, на ея дворѣ, босыхъ, стоявшихъ подъ ея окнами на морозѣ, съ кровью на рубашкахъ.

Третья — когда Салтыкова убила третью жену у Ермолая Ильина «скалкою и полѣномъ» и отослала хоронить въ деревню, то сказала мужу покойной:

— Ты хоть на меня въ доносъ пойдешь, ничего не выиграешь, кромѣ развѣ кнута и ссылки, которымъ подвергались и прежніе донощики.

Замѣчательно, что всѣхъ трехъ женъ Ермолая Ильина Салтыкова убила «скалкою».

Четвертая улика — всѣхъ прежнихъ на Салтыкову доносителей дѣйствительно били кнутаомъ и ссылали въ Сибирь.

Пятая улика — другіе доносители сидѣли въ цѣняхъ, въ подмосковномъ имѣніи.

Шестая — въ 1759 году дѣйствительно убито шесть дѣвокъ: Арина, Аксинья, Анна, Акулина, Аграфена и другая Аграфена.

Но при-этомъ повальнымъ обыскомъ обнаружено было, что наказуемыя жертвы жестокости Салтыковой умирали или подъ ударами, подъ розгами, или послѣ побоевъ, безъ священническаго напутствованія, потому что если и приводили къ нимъ послѣ наказанія священника, то онъ ужъ находилъ ихъ безъ языка и они умирали безъ исповѣди.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, послѣдовалъ высочайшій указъ 2-го октября 1765 года. Въ указѣ, между прочимъ, говорится: «сей уродъ рода человѣческаго передъ многими другими убійцами въ свѣтѣ имѣеть душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую.»

Въ-заключеніе этого именнаго указа, государыня выражаетъ свою волю такъ:

«Чего ради повелѣваемъ нашему сенату:

«1) Лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобы она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа.

«2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она подъ карауломъ содержится, въ назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день вывести

ее на площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть всенародно заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ нея, какъ выше сказано, названія родовъ Дарь и Николаевой мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячею на томъ же эшафотъ къ столбу и прикрѣпить на шею лентъ съ надписью большими словами: мучительница и душегубица.

«3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то, чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать собственному промыслу творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей и тамъ подлѣ церкви посадить въ нарочно сдѣланную подземную тюрьму, въ которой и содержать по смерти такимъ образомъ, чтобы она ни откуда въ ней свѣту не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчою, которую опять гасить, какъ скоро заключенная наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать не входя въ церковь.»

Слѣдуетъ замѣтить одно весьма характеристическое обстоятельство: на поляхъ подлиннаго указа, противъ словъ она, вездѣ собственной рукою императрицы написано—онъ, т. е. «уродъ рода человѣческаго»?

Изъ оставшихся о Салтыковой свѣдѣній видно, что съ 1768 года по 1779 женщина эта сидѣла подъ сводами ивановскаго дѣвичьяго монастыря, въ подземельи, а съ 1779 по 1780—въ застѣнѣ, пристроенномъ къ южной стѣнѣ церкви.

Что было съ нею послѣ того, не извѣстно.

Въ Полномъ Собраніи дѣйствительно нѣтъ имени Салтыковой, а въ указѣ она названа только Дарьею Николаевой.

Въ послѣднее время изыскатели старины смѣшивали Салтыкову съ княжной Таракановой: смѣшеніе это происходило оттого, что съ теченіемъ времени люди забыли, кто сидѣлъ въ подземельи, и одни думали, что это была Тараканова, другіе—Салтыкова.

Утѣшительно думать намъ, живущимъ во второй половинѣ XIX вѣка, что подобныя личности какъ Салтыкова, послѣ 19 февраля 1861 года, уже не возможны, по крайней мѣрѣ въ извѣстной обстановкѣ.

А что нравственные уроды возможны и теперь—это доказываютъ современные судебные процессы.

Салтыкова же въ свое время не была единственнымъ исключеніемъ: на нее только пала кара оскорбленнаго человѣчества.

Были личности и хуже ея.

ХІ.

Княжна Августа Алексѣевна Тараканова, въ монахиняxъ Досифея.

Не болѣе десяти лѣтъ какъ имя княжны Таракановой стало извѣстно въ русскомъ обществѣ, и между тѣмъ оно пользуется теперь большою популярностью.

Популярностью своей оно обязано извѣстной картинѣ даровитаго, нынѣ уже умершаго художника, Флавицкаго, котораго историческая картина — «княжна Тараканова» — въ первый разъ появилась на петербургской выставкѣ 1863 года.

Картина, какъ всѣмъ извѣстно, изображаетъ молодую и красивую женщину въ тюрьмѣ — въ моментъ наполненія каземата водою отъ бушующаго внѣ тюрьмы наводненія.

Женщина нарисована одѣтою въ бархатное съ атласомъ платье, но уже изорванное, потертое. Въ отчаяніи ломая руки, женщина стоитъ вытянувшись на кровати, спасаясь отъ воды и крысъ, которыя, испуганныя наводненіемъ, бросаются на постель, покрытую грубою овчиной, и цѣпляются за платье заключенной. Бушующая вода врывается въ казематъ черезъ переплетенное желѣзными полосами окно.

Это и есть ужасная смерть княжны Таракановой, погибшей, какъ ошибочно полагали, въ петропавловскомъ казематѣ въ наводненіе 10 сентября 1777 года.

Но есть двѣ княжны Таракановы—одна настоящая, истинная, другая—мнимая, самозванка, и художникъ изобразилъ смерть самозванки, предполагая, по неимѣнью до 1863 года достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о княжнахъ Таракановыхъ, что изображаетъ смерть истинной княжны Таракановой, а не самозванки.

Истинная княжна Тараканова была дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ тайнаго брака ея съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

Вообще о дѣтяхъ Елизаветы Петровны и Разумовскаго ходило много неточныхъ и сбивчивыхъ свѣдѣній и преданій, изъ которыхъ одно противорѣчило другому; но, къ сожалѣнью, и точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ сохранилось также мало.

Въ народѣ, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, доселѣ живутъ преданія, какъ въ посадѣ Пучежѣ, напримѣръ, что дочь Елизаветы, Аркадія, находилась будто-бы въ этомъ посадѣ при тушавинской церкви, подъ именемъ Варвары Мироновны Назарьевой, или какой-то инокини, умершей въ 1839 году, хотя Варвара Назарьева была совершенно другое лицо; въ другихъ мѣстностяхъ преданія эти варьируются и сводятся то къ имени самой Елизаветы Петровны, то къ имени извѣстнаго уже намъ ссыльнаго и помилованнаго Шубина и т. п.

У иностранныхъ писателей также имѣются свѣдѣнія, конечно сомнительныя, о дѣтяхъ Елизаветы Петровны: у одного—что Елизавета Петровна имѣла трое дѣтей, дочь князю Тараканову, и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, приготавлиаясь къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и вмѣстѣ съ профессоромъ былъ удушенъ испареніями какого-то газа изъ неосторожно разбитой ими реторты; у другаго—что у Елизаветы Петровны было двое дѣтей — сынъ, носившій фамилію Закревскаго, и дочь Елизавета Тараканова; у третьяго—что дѣти

Елизаветы воспитывались у одной итальянки, Иоанны, въ Италиі, и что Елизавета Тараканова тамъ и умерла.

По русскимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что у Елизаветы Петровны отъ брака съ Разумовскимъ было двое дѣтей—сынъ и дочь. О первомъ письменныхъ свѣдѣній никакихъ не сохранилось, а преданіе передаетъ, что онъ жилъ до начала нынѣшняго столѣтія въ одномъ изъ монастырей Переяславля-Залѣскаго и горько жаловался на свою участь.

Дочь же Елизаветы Петровны и Разумовскаго носила имя Августы. На портретъ Августы, находящемся въ настоятельскихъ кельяхъ московскаго новоспаскаго монастыря, имѣется слѣдующая надпись: «Принцесса Августа Тараканова, во иноцѣхъ Досифея, постриженная въ московскомъ новоспаскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтъхъ праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена въ новоспаскомъ монастырѣ.»

Сходство этого портрета съ портретами императрицы Елизаветы Петровны говорить о ихъ близкомъ родствѣ.

По свидѣтельству г-жи Головиной, которая училась въ ивановскомъ монастырѣ и сблизилась тамъ съ Таракановою, послѣдняя называла себя по отчеству Матвѣевною, конечно вымышленно. По свидѣтельству той же Головиной, инокиня Досифея, въ минуту откровенности, взявъ съ нея предварительную клятву — никому до смерти не пересказывать того, что отъ нея услышитъ, рассказала будто-бы слѣдующее:

«Это было давно: была одна дѣвица, дочь очень, очень знатныхъ родителей, и воспитывалась она далеко за моремъ въ теплой сторонѣ, образованіе получила блестящее, жила она въ роскоши и почетѣ окруженная большимъ штатомъ прислуги. Одинъ разъ у нея были гости и въ числѣ ихъ одинъ русскій генералъ очень извѣстный въ то время; генералъ этотъ и предложилъ покататься

въ шляпкѣ по взморью; поѣхали съ музыкой, съ пѣснями; а какъ вышли въ море — тамъ стоялъ на-готовѣ русскій корабль. Генераль и говорить ей: «Не угодно ли вамъ посмотрѣть на устройство корабля?» Она согласилась, взошла на корабль, — а какъ только взошла, ее ужъ силой отвели въ каюту, заперли и поставили къ ней часовыхъ.... Черезъ нѣсколько времени нашлись добрые люди, сжалились надъ несчастною—дали ей свободу и выпустили слухъ, что она утонула.... Много было труда ей укрываться.... Чтобы какъ-нибудь не узнали ея, она испортила лицо свое, натирая его лукомъ дотога, что оно распухло и разболѣлось, такъ что не осталось и слѣда отъ ея красоты; одѣта она была въ рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковныхъ папертяхъ; наконецъ пошла она къ одной игуменьѣ, женщинѣ благочестивой, открылась ей, и та изъ состраданія пріютила ее у себя въ монастырѣ, рискуя сама подпасть за это подъ отвѣтственность.»

Безъ сомнѣнія, это рассказъ искаженный, смѣшанный: онъ главнымъ образомъ повѣствуетъ не объ истинной княжнѣ Таракановой, а о загадочной самозванкѣ ея имени, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

До сихъ поръ не установилось мнѣніе относительно того, почему дочь Елизаветы Петровны получила имя княжны Таракановой. Одни утверждаютъ, что—по мѣсту рожденія графа Разумовскаго, въ слободѣ Таракановкѣ; но такого селенія въ той мѣстности, гдѣ родился Разумовскій, нѣтъ. Другое предположеніе (хотя предположеніе это, кажется, еще не было никѣмъ высказано печатно, но мы лично слышали его отъ П. И. Мельникова, составившаго обстоятельное изслѣдованіе о княжнахъ Таракановыхъ) — это то, что княжна Тараканова получила упрочившееся за ней прозвище отъ искаженной фамиліи нѣкоей г-жи Да-

раганъ, которая жила въ семействѣ графа Разумовскаго и съ которой молоденькая принцесса Августа была отправлена за границу.

Гдѣ воспитывалась, гдѣ жила маленькая принцесса, которой и рожденіе, и жизнь, и смерть окутаны такою глубокою тайной, ничего не извѣстно; но съ вѣроятностью можно предположить, что до сорокалѣтняго возраста она оставалась гдѣ-либо за границею, а уже въ 1765-мъ году, по именному повелѣнію императрицы Екатерины II, привезена была въ ивановскій монастырь, еще матерью Августы предназначенный «для призрѣнія вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей», какъ сказано въ указѣ Елизаветы Петровны, и тамъ пострижена подъ именемъ Досифея.

Конечно, участь эта постигла злосчастную принцессу Августу изъ справедливаго опасенія, что ея именемъ и рожденіемъ могутъ воспользоваться для своихъ цѣлей враги царствованія императрицы Екатерины, какъ воспользовались этимъ именемъ поляки, выпустившіе на Россію самозванку Тараканову, и какъ, предполагаютъ, они же выпустили на Россію и зимовейскаго казачьяго хорунжаго, Емельяна Ивановича Пугачова.

Двадцать пять лѣтъ прожила иногиня Досифея въ монастырѣ, занимая особыя каменные кельи въ одноэтажной постройкѣ, примыкавшей къ восточной части монастырской ограды близъ покоевъ самой матери-игуменьи.

Помѣщеніе бывшей принцессы составляли двѣ уютныя комнаты со сводами и прихожая для келейницы-приставницы. Ихъ нагрѣвала изразцовая печь съ лежанкой, по-старинному; окна келей были обращены на монастырь.

На содержаніе иногини Досифеи отпускалась изъ казначейства особая сумма, и бывшая принцесса никогда не присутство-

вала при общей монастырской трапезѣ, а имѣла особый столъ, обильный и изысканный. Иногда на имя инокини Досифеи игуменья получала значительныя суммы отъ неизвѣстныхъ лицъ, конечно отъ родныхъ своего отца, графа Разумовскаго, и деньги эти инокиня раздавала нищимъ, дѣлила между бѣдными и употребляла на украшеніе монастырскихъ церквей.

Въ первые двадцать лѣтъ своего заключенія въ монастырѣ Досифея была положительно ни для кого не видима: ее могли навѣщать только мать игуменья, духовникъ, причетникъ и московскій купецъ Шепелевъ, торговавшій чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ. Предполагаютъ, что Шепелевъ этотъ былъ родственникъ извѣстной уже намъ Мавры Егоровны Шепелевой, любимѣйшей наперсницы императрицы Елизаветы Петровны и супруги временщика этой государыни, Шувалова.

Такое строгое уединеніе Досифеи было конечно указано самою императрицею Екатериною II, которая, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, много измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, что была она при началѣ своего царствованія, и стала ко всему относиться подозрительнѣе и во всемъ видѣть опасность.

Но когда Екатерина скончалась, жизнь Досифеи стала нѣсколько свободнѣе: къ ней не опасались пріѣзжать иногда высшіе сановники Москвы, и въ томъ числѣ митрополитъ Платонъ, навѣщавшій знаменитую своимъ рожденіемъ инокиню по большимъ праздникамъ. Посѣщало ея келью и долго бесѣдовало съ затворницею, между прочимъ, и одно лицо изъ императорской фамиліи.

Въ это время вѣроятно имѣла къ ней доступъ и Головина, если только приписываемый ей рассказъ о Досифеѣ не принадлежитъ къ области вымысловъ позднѣйшей редакціи.

Безъ сомнѣнія были какія-либо особыя причины, заставлявшія Досифею быть до крайности робкой: до самой смерти она

все чего-то боялась и, при всякомъ шорохѣ, при всякомъ стукѣ въ дверь, блѣднѣла и тряслась всѣмъ тѣломъ.

Конечно, робость затворницы могла происходить отъ какихъ-либо словъ, угрозъ, предупрежденій, которыя, при свиданіи съ нею передъ заточеніемъ, могла и должна была сказать ей Екатерина, въ огражденіе собственныхъ интересовъ и спокойствія государства.

Робость заключенной выражалась даже и въ томъ, что, никѣмъ не преслѣдуемая въ своемъ монастырскомъ уединеніи, она не рѣшалась даже оставить при себѣ портретъ своей матери, портретъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, на что она имѣла право даже не какъ дочь, а какъ всякая подданная: послѣ долгаго колебанія она сожгла его вмѣстѣ съ какими-то, хранившимися у нея, бумагами.

Таинственностью имени заключенной обуславливалась и вся внѣшняя обстановка ея монастырской жизни. Досифея никогда не ходила на общія монастырскія богослуженія, а если и бывала въ церкви, то не въ тѣ часы, въ которые совершалась общая служба. Для Досифеи совершалось одиночное богослуженіе: въ назначенные для этого часы таинственная инокиня, въ сопровожденіи приставленной къ ней монахини, одна выходила изъ своихъ келій, и отдѣльнымъ коридоромъ, а потомъ крытою лѣстницею проходила прямо въ церковь, устроенную надъ монастырскими воротами. Когда инокиня входила въ церковь, то двери запирались и богослуженіе совершалось для нея одной ея духовникомъ и особо приставленными причетниками. Такимъ образомъ въ церковь никто не могъ войти и видѣть лицо таинственной инокини. Мало того, когда кто-либо изъ монастырскихъ или постороннихъ подходилъ къ окнамъ ея келій, то монастырскій служитель обязанъ былъ отгонять ихъ.

Мы уже видѣли, что подобной таинственностью окружено было и заточеніе второй невѣсты императора Петра II, княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, когда она находилась въ заключеніи въ новгородскомъ горицкомъ воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ: и тамъ даже дѣтей наказывали за то, что они въ замочную скважину хотѣли увидѣть таинственную узницу.

Разсказываютъ, что когда Досифея находилась въ монастырѣ и въ то время знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, по смерти уже императрицы Екатерины II, доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ, онъ никогда не рѣшался ѣздить даже мимо ивановскаго монастыря, а всегда старался объѣздомъ миновать это почему-то непріятное для него мѣсто.

Послѣ мы увидимъ, что мѣсто это дѣйствительно могло возбуждать въ немъ непріятныя воспоминанія: Орловъ обманомъ взявъ въ Италіи знаменитаго двойника иногини Досифеи или княжны Таракановой, другую княжну Тараканову, самозванку, которая и погибла въ петропавловской крѣпости во время наводненія. Орловъ могъ думать, что въ ивановскомъ монастырѣ сидитъ именно та княжна Тараканова, которую онъ хитростью арестовалъ въ Италіи въ то время, когда интрига ея раскинула сѣти почти на всю Европу.

Можно себѣ представить однообразіе жизни заключенной и томительную скуку этого однообразія, особенно послѣ того, какъ въ молодости заключенная могла извѣдать иную жизнь, видѣла Европу, могла и имѣла право разсчитывать, какъ дочь русской императрицы и русскаго вельможи, на блестящую партію и счастливую жизнь, хотя бы какъ частная особа.

Въ монастырѣ она всѣ дни проводила за молитвой, за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и за рукодѣльемъ. Всѣ результаты ея труда шли на бѣдныхъ и на нищихъ.

Такъ прошло двадцать пять безконечныхъ лѣтъ до самой смерти.

Послѣдніе годы бывшая княжна Тараканова доживала уже въ совершенномъ безмолвіи, и на нее смотрѣли какъ на праведную.

А между тѣмъ обречшая себя на молчаніе княжна знала и иностранные языки—но ей не съ кѣмъ было говорить въ монастырѣ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ она объяснялась въ своей молодости и на свободѣ. Старый причетникъ, долго жившій послѣ нея, рассказывалъ однако, что къ Досифеѣ какъ-то разъ были допущены игуменьей какія-то важныя особы: здѣсь только, съ этими гостями, узица говорила на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Таинственность сопровождала ее и въ могилу: имени инокини Досифеи, ни княжны Таракановой не осталось даже въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ.

Какъ печальный остатокъ XVIII вѣка, княжна Тараканова не дожила до памятнаго двѣнадцатаго года: она скончалась 4-го февраля 1810 года, ветхой уже старушкой, шестидесяти четырехъ лѣтъ, хотя на портретѣ время смерти ея обозначено 1806 годомъ.

Какъ скромна и безмолвна была послѣдняя половина жизни княжны Таракановой, такъ публичны и пышны были ея похороны: со смертью она переставала быть опасной для кого и для чего бы то ни было.

Похороны эти почтилъ своимъ присутствіемъ главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, мужъ графини Прасковьи Кирилловны Разумовской, которая была слѣдовательно двоюродною сестрою усопшей княжны. Гудовичъ явился на выносъ въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. На выносъ съѣхалась вся служебная знать Москвы — сенаторы, члены опекунскаго совѣта и обломки екатерининскаго и елизаветинскаго еще времени—старые вельможи, доживавшіе свой

вѣгъ въ Москвѣ, по привычкѣ:—вся эта знать была въ мундирахъ.

Одинъ Платонъ, знаменитый митрополитъ и ораторъ екатерининскаго времени, по болѣзни, не могъ отпѣвать дочери Елизаветы Петровны; похороны совершалъ его викарій, дмитровскій епископъ Августинъ, съ соборомъ старшаго московскаго духовенства.

Наконецъ толпы народа сопровождали тѣло дочери покойной императрицы. Княжна Тараканова похоронена не въ ивановскомъ монастырѣ, гдѣ жила до смерти, и не на общемъ кладбищѣ, а тамъ, гдѣ покоились тѣла всѣхъ ея предковъ, отъ XVII еще столѣтїя, именно въ родовой усыпальницѣ бояръ царствннаго впоследствии дома Романовыхъ, въ новоспасскомъ монастырѣ.

Могила княжны Таракановой и теперь указываютъ у восточной ограды монастыря, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122-мъ.

Дикій надгробный камень надъ прахомъ княжны Таракановой гласить:

«Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досифеи, обители ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Исусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея житїя было шестьдесятъ четыре года.

«Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!»

О наружности княжны Таракановой говорятъ, что она была средняго роста, нѣсколько худоцава и чрезвычайно стройна. Въ молодости она должна была быть необычайной красоты, какою отличались и мать ея и отецъ: обѣ дочери Петра Великаго имѣли замѣчательно красивую наружность, и красота эта перешла къ его несчастной внучкѣ, которой суждена была такая

трогательная безвѣстность. Княжна Тараканова даже въ старости, несмотря на многолѣтнее монастырское заключеніе, сохраняла остатки далеко не заурядной красоты.

Что же касается ея характера, то она, по свидѣтельству знавшихъ ее, была кротка до робости, а горькую участь свою сносила безропотно.

Вообще печальна участь этой женщины, и вся ея загадочная, укрытая въ непроницаемую тайну жизнь до сорокалѣтняго возраста, потомъ двадцатипятилѣтнее безмолвное пребываніе въ монастырѣ не могутъ не возбуждать глубокаго сочувствія: это была искупительная жертва тяжелой необходимости во имя спокойствія цѣлой страны, которая была ея родиною.

Передъ своимъ вѣчнымъ заключеніемъ княжна имѣла свиданіе съ Екатериной. Императрица, въ виду постигшей уже Россію смуты, пугачовщины, въ виду наконецъ другой готовившейся смуты, когда именемъ княжны Таракановой-самозванки хотѣли поднять на Россію Францію и Турцію, должна была объявить несчастной дочери Елизаветы Петровны, что удаленіе ея отъ свѣта будетъ искупительною жертвою за Россію, которую могли ожидать новыя смуты и потрясенія, если именемъ дочери Елизаветы Петровны воспользуются враги существующаго порядка, — и княжна должна была принять на себя эту великую жертву.

ХІІ.

Княжна Тараканова-самозванка.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ другою, еще болѣе чѣмъ княжна Августа Тараканова таинственною и загадочною личностью прошлаго вѣка.

Осьмнадцатый вѣкъ, несмотря на то, что событія его и лица, въ немъ жившія и дѣйствовавшія, еще такъ недалеко отошли отъ насъ, невольно поражаетъ какою-то рѣзкостью, какою-то повидимому логическою несообразностью въ постановкѣ этихъ событій одного около другаго, въ вытекаемости тѣхъ или другихъ историческихъ явленій изъ тѣхъ или другихъ историческихъ причинъ, невѣроятностью контрастовъ и противорѣчій между тѣмъ, что дѣлалось, и тѣмъ, что изъ этого выходило.

Въ XVIII вѣкѣ повидимому все невозможное было возможно и возможное оказывалось невозможнымъ.

Событія и личности, о которыхъ намъ предстоитъ говорить, дѣлаютъ повидимому чудеса, достигаютъ неимоверныхъ результатовъ, и въ концѣ концовъ эти результаты исчезаютъ какъ дымъ и исторія продолжаетъ идти своею мѣрною «тихою стопою».

Люди этого вѣка — одни захватываютъ на свои плечи повидимому непосильныя тяжести, выносятъ эти тяжести куда влечетъ ихъ историческая волна, а потомъ сами смываются этою волною; другіе изъ неизвѣстности и ничтожества этою же историческою вол-

ною возносятся на недосыгаемую высоту, и снова падают, уносятся куда-то изъ глазъ исторіи или какъ мелкія щепки послѣ морскаго отлива остаются на берегу и перегниваютъ вмѣстѣ съ другимъ мусоромъ.

Тутъ чернорабочій царь, говорятъ, прорубаетъ окно въ Европу, дѣлаетъ чудеса на неподвижномъ русскомъ востокѣ; но окно оказывается слишкомъ широкимъ; въ него, говорятъ, врывается сквозной вѣтеръ, и окно мало по малу, съ теченіемъ времени, наполовину заколачиваютъ, забираютъ досками.

Тамъ рыбачій сынъ изъ Холмогоръ, не выдавшій ни Россіи, ни Европы, хочетъ взвалить на свои единственныя плечи и русскую науку, и создать русскую литературу и ученый языкъ, хочетъ совмѣстить въ себѣ всю академію Россіи,—и дѣйствительно совершаетъ такіе подвиги, какіе греки приписали бы своимъ полубогамъ и героямъ. Но и этотъ силачъ исчезаетъ, и исторія идетъ своею «тихою стопою».

Бѣдная полонянка, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, надѣваетъ въ послѣдствіи императорскую порфиру и корону.

Сынъ виноторговца правитъ почти всю русскую страну, а кончаетъ въ кунсткамерѣ, въ банкѣ со спиртомъ.

Какой-нибудь деревенскій пѣвчій казаченокъ дѣлается графомъ двухъ великихъ имперій, супругомъ великой государыни, а интригою, построенною на имени его дочери, волнуется вся западная Европа.

Какой-нибудь зимовейскій казакъ, косившій сѣно по найму, предъявляетъ права на всероссійскій престолъ и отхватываетъ едва не пол-Россіи подъ свою власть, и никто не знаетъ, какой невидимый духъ сидѣлъ въ этомъ загадочномъ казакѣ и руководилъ имъ.

Какая-то дочь нюрнбергскаго бумочника становится не только владѣтельною особою, но путеводительною политическою звѣздою

нѣсколькихъ могущественныхъ нѣкогда державъ—и кончаетъ тѣмъ, что умираетъ въ Петропавловской крѣпости простою арестанткою и оставляетъ слѣды своего существованія лишь на кроввергѣ той крѣпости въ видѣ небольшой могильной насыпи и посаженной на этомъ мѣстѣ бѣлой березы.

Вообще личность, извѣстная болѣе подъ именемъ княжны Таракановой, за всѣми послѣдними историческими изслѣдованіями, остается загадочною, не вполне разгаданною.

Полагаютъ, что это—орудіе польской интриги, польской мести Россіи за первый раздѣлъ Польши. Даже пугачевщину объясняютъ не иначе, какъ косвеннымъ отраженіемъ этой исторической мести нашихъ сосѣдей, которые и въ XVII вѣкѣ, за неудачи свои въ русской Литвѣ, за неудачи іезуитовъ у Грознаго выслали на Россію перваго самозванца и дали ему въ помощницы Марину Мнишекъ.

«Пугачевскій бунтъ - - говоритъ новѣйшій русскій биографъ княжны Таракановой, обстоятельно изобразившій эту личность, - - доселѣ еще не разъясненъ вполне и со всѣхъ сторонъ. Дѣло о пугачевскомъ бунтѣ, которое не показали Пушкину, до сихъ поръ запечатано и никто еще изъ изслѣдователей русской исторіи вполне имъ не пользовался. Пугачевскій бунтъ былъ не просто мужицкій бунтъ, и руководителемъ его были не донской казакъ Зимовейской станицы и его пьяные и кровожадные сообщники. Мы не знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ принимали участіе поляки, но не можемъ и отрицать, чтобъ они были совершенно непричастны этому дѣлу. Въ шайкахъ Пугачева было нѣсколько людей подвизавшихся до того въ барской конфедераціи.

«Враждебники Россіи и Екатерины, - - продолжаетъ онъ, - - кто бы они ни были, устройвъ дѣла самозванца на востокѣ Россіи, не замедлили поставить и самозванку, которая, по ихъ замысламъ, должна была одновременно съ Пугачовымъ явиться среди русскихъ

войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, и возмутить ихъ противъ императрицы Екатерины. Это дѣло — безспорно польское дѣло. Князю Радзивилу, или вѣрнѣе сказать его приближеннымъ, ибо у самого «пана коханка» едва ли бы достало на то смысла, пришла затѣйная мысль изъ западной Европы выпустить на Екатерину еще самозваннаго претендента на русскій престолъ. Но подъ чьимъ же именемъ выпустить на свѣтъ претендента? Подъ именемъ Петра III уже явился Пугачовъ, и кромѣ него въ восточной части Россіи уже прежде того являлось нѣсколько Петровъ. Императора Ивана Антоновича, не задолго передъ тѣмъ убитаго въ Шлиссельбургѣ, выставить было нельзя, ибо всѣмъ было извѣстно, что этотъ несчастный государь, въ одиночномъ съ самаго младенчества заключеніи, сдѣлался совершеннымъ идиотомъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности; притомъ же исторія покушенія Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всѣмъ извѣстна. Оставались дѣти Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но объ ихъ существованіи знали, хотя и не знали, гдѣ они находятся. Тайственность, которою были окружены Таракановы, неизвѣстность объ ихъ участи и мѣстопробываніи не мало способствовали успѣху задумавшихъ выставить на политическую арену новаго претендента на престолъ, занимаемый Екатериной.»

Вотъ какъ думаютъ объяснить происхожденіе таинственной личности, извѣстной подъ именемъ княжны Таракановой, этого втораго Гришки-Отрепьева въ юнкѣ, кончившаго впрочемъ еще болѣе несчастливо, чѣмъ первый.

Извѣстно, что въ самомъ началѣ знаменитой исторической трилогіи, записанной въ исторіи подъ именемъ трехъ раздѣловъ Польши, толпы польскихъ эмигрантовъ хлынули за границу. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый князь Казимиръ Радзивиль, палатинъ

виленскій — этотъ полубогъ польской шляхты, жившій и перешедшій на страницы исторіи подъ именемъ «пане коханку».

Въ 1767 году, Радзивиль, по извѣстіямъ иностранныхъ писателей, взялъ на свое попеченіе дочь Елизаветы Петровны, которая будто-бы проживала внѣ Россіи. Кого онъ взялъ къ себѣ подъ этимъ именемъ, не извѣстно; но что имъ взята была на воспитаніе какая-то дѣвочка, это не подлежитъ сомнѣнію. Одни утверждали, что таинственная дѣвочка была дочь султана; другіе — что родители ея были знатные поляки; третьи — что она — изъ Петербурга и должна была выйти замужъ за внука принца Георга голштинскаго.

Съ именемъ загадочной дѣвушки вообще неразлучно было представленіе о ея высокомъ, царственномъ происхожденіи — это въ началѣ ея появленія на политическомъ горизонтѣ. Но послѣ, когда звѣзда ея стала меркнуть, явились и другія предположенія: англійскій посланникъ въ Россіи сообщалъ императрицѣ Екатеринѣ, что таинственная дѣвушка была дочь простаго трактирщика изъ Праги, а консулъ англійскій въ Ливорно, способствовавшій графу Орлову-Чесменскому захватить самозванку, утверждалъ, что она — дочь нюренбергскаго булочника.

Но послѣднія предположенія разбиваются въ прахъ при сопоставленіи съ слѣдующими обстоятельствами: въ таинственной дѣвушкѣ поражало всѣхъ замѣчательное образованіе, необыкновенное умѣнье вести политическую интригу, короткое знакомство съ дипломатическими тайнами кабинетовъ, умѣнье по-царски держать себя не только передъ высокопоставленными лицами, но и передъ владѣтельными нѣмецкими государями. Изъ трактира и булочной это не выносятся.

Вотъ почему талантливый біографъ княжны Таракановой говоритъ, что кто бы ни была эта загадочная женщина, нѣтъ

сомнѣнія, что она была созданиемъ польской партіи, враждебной королю Понятовскому, а тѣмъ болѣе еще императрицѣ Екатеринѣ.

«Поляки - - продолжаетъ онъ — большіе мастера готовить самозванцевъ; при-этомъ они умѣютъ такъ искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не въ состояніи сказать рѣшительное слово объ ихъ происхожденіи. Болѣе двухъ съ половиною вѣковъ тому назадъ впустили они въ Россію Лжедмитрія и даже не одного, но до сихъ поръ никто изъ историковъ не можетъ съ положительною увѣренностію сказать: кто такой былъ самозванецъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Гришки Отрепьева, и кто былъ преемникъ его, воръ Тушинскій. Тоже самое и въ дѣлѣ самозванки—дочери Елизаветы Петровны. Но какъ несомнѣнно участіе отцовъ іезуитовъ въ подготовкѣ Лжедмитрія, такъ вѣроятно и участіе ихъ въ подготовкѣ самозванки, подставленной княземъ Радзивиломъ. Самому князю Радзивилу безъ пособія столь искусныхъ пособниковъ едвали бы удалось выдумать принцессу Владимірскую. Этотъ человѣкъ, обладавшій несмѣтнымъ богатствомъ, отличавшійся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идолъ кормившейся вокругъ него шляхты, былъ очень недалекъ. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди болѣе на то искусные. Онъ сыпалъ только деньгами, пока они у него были, и разыгрывалъ въ Венеціи передъ публикой комедію, обращаясь съ подставною принцессой какъ съ дѣйствительною дочерью императрицы всероссійской.

«Кто бы ни была дѣвушка, выпущенная Радзивиломъ на политическую сцену подъ именемъ дочери Елизаветы Петровны, но, разсматривая всѣ ея дѣйствія, читая переписку ея и показанія, данныя фельдмаршалу князю Голицыну въ петропавловской крѣпости, нельзя не придти къ заключенію, что не сама она вду-

мала сдѣлаться самозванкой, что она была вовлечена въ обманъ, и сама вѣрила въ загадочное свое происхожденіе. Поляки такъ искусно съумѣли опутать молоденькую дѣвочку съѣтъ лжи и обмана, что впоследствии она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, кто она такая. На краю могилы, желая примириться съ совѣстью, призвавъ духовника, она сказала ему, что о мѣстѣ своего рожденія и о родителяхъ она ничего не знаетъ.

«Я помню только -- говорила она въ послѣднемъ своемъ предсмертномъ показаніи князю Голицыну, -- что старая нянька моя, Батерина, увѣряла меня, что о происхожденіи моемъ знаютъ учитель ариметики Шмидтъ и маршалъ лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде находился въ русской службѣ и воевалъ противъ турокъ. Этого Кейта я видѣла только однажды мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня въ дѣтствѣ возили на короткое время изъ Киля. Отъ него я получила тогда и паспортъ на обратный путь. Я помню, что Кейтъ держалъ у себя турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова или съ Кавказа. Эта турчанка воспитывала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще въ то время, когда, по смерти Кейта, я видѣла ее проѣздомъ черезъ Берлинъ. Хотя я навѣрное знала, что я не изъ числа этихъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что я родилась въ Черкесіи.

Кромѣ того она объяснила, что еще въ дѣтствѣ жила въ Килѣ, что изъ тамошнихъ жителей помнитъ какого-то барона фонъ-Штерна и его жену, данцигскаго купца Шуманна, платившаго въ Килѣ за ея содержаніе и, наконецъ, учившаго ее ариметику Шмидта.

— Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители, -- говорила она передъ смертью князю Голицыну, -- да и сама я мало заботилась о томъ, чтобы узнать, чья я дочь, потому что не ожидала отъ того себѣ никакой пользы.

Такимъ образомъ, отъ ранняго дѣтства у нея остались въ памяти маршалъ лордъ Кейтъ, Швейцарія, Берлинъ, Киль. Въ Киль она училась. Съ Голштиніей, слѣдовательно, связано было ея дѣтство. Но вѣдь Голштинія играетъ такую важную роль въ исторіи Россіи того времени, въ жизни обѣихъ дочерей Петра Великаго — Анны и Елизаветы Петровны.

Загадочность этимъ еще больше усиливается.

Когда странную дѣвушку эту взяли въ Ливорно, при ней нашли бумаги, изъ которыхъ видно было, что послѣ Килиа она жила въ Берлинѣ, потомъ въ Гентѣ, въ Лондонѣ. Зачѣмъ? съ кѣмъ? Въ именахъ ея — также путаница: сначала она была дѣвица Франкъ, потомъ дѣвица Шель, наконецъ г-жа Треймуль.

Она хорошо знала по-французски и по-нѣмецки, говорила по-итальянски и по-англійски. Но замѣчательно — ни по-польски, ни по-русски не знала.

Современники говорятъ, что она отличалась замѣчательной красотой, и хотя косила на одинъ глазъ, но это не уменьшало рѣдкой привлекательности ея лица. Она была умна — это безспорно. Кромѣ того, она была изящна, всегда весела, любезна, кокетлива до такой степени, что при своемъ умѣ и красотѣ могла сводить съ ума каждаго мужчину и превращать въ самое покорное себѣ орудіе.

«И въ самомъ дѣлѣ -- такъ очерчиваетъ нравственный обликъ этой женщины ея біографъ -- въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ ея походовъ по Европѣ одни, очарованные красотой ея, входятъ изъ угожденія красавицѣ въ неоплатные долги и попадаютъ за то въ тюрьму, другіе, принадлежа къ хорошимъ фамиліямъ, поступаютъ къ ней въ услуженіе, сорокалѣтній князь римской имперіи хочетъ на ней жениться, вопреки всѣмъ политическимъ расчетамъ, и хотя узнаетъ объ ея невѣрности, однакоже намѣревается бросить

свои германскія владѣнія и бѣжать съ прекрасною очаровательницею въ Персію. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствія и не отличалась строгостью нравовъ. Увлекая въ свои сѣти молодыхъ и пожилыхъ людей, красавица не отвѣчала имъ суровостью; она даже имѣла въ одно время по нѣскольку любовниковъ, которыхъ, повидимому, не очень печалила вѣтренность ихъ подруги.»

Когда она кончила свое образованіе, то прежде всего мы видимъ ее въ Берлинѣ.

Изъ Берлина какая-то скандальная исторія заставляетъ ее бѣжать въ Гентъ и переимѣнить имя дѣвицы Франкъ на имя дѣвицы Шель.

Въ Гентѣ она сводитъ знакомство съ сыномъ голландскаго купца Вантурсомъ. И съ той и другой стороны взаимная склонность, любовь — и Вантурсъ входитъ въ неоплатные долги. Этихъ долговъ не въ состояніи покрыть тѣ суммы, которыя дѣвица Шель получаетъ будто-бы отъ какого-то таинственнаго дяди изъ Персіи.

Дядя въ Персіи—это безъ сомнѣнія князь Радзивиль, тайно руководящій своимъ созданіемъ.

Кредиторы хотятъ сажать Вантурса въ тюрьму—и онъ, бросивъ жену, бѣжитъ въ Лондонъ съ таинственною дѣвушкой. Дѣвушка превращается въ г-жу Треймуль.

И въ Лондонѣ, какъ и въ Гентѣ,—тѣ же безумная трата денегъ, роскошь, блескъ, кредиторы, опасность тюрьмы—и Вантурсъ бѣжитъ въ Парижъ.

Таинственная дѣвушка остается въ Лондонѣ. У нея новый другъ, баронъ Шенкъ. Но безумная роскошь гонитъ и Шенка и странную дѣвушку въ Парижъ.

Въ Парижѣ г-жа Треймуль имѣетъ свиданіе съ графомъ Михаиломъ Огинскимъ, польскимъ посланникомъ.

Но она уже не Треймуль, а русская княжна, «принцесса Владимірская», по имени Алина или Али-Эмете, единственная отрасль знаменитѣйшаго и богатѣйшаго рода князей владимірскихъ. Родители ея умерли давно, а воспиталъ ее дядя, живущій въ Персіи. Она явилась въ Европу, чтобъ отыскивать въ Россіи свои владѣнія. Сокровища ея персидскаго дяди также къ ней переходятъ.

Въ Парижѣ все это кажется одною изъ сказокъ Шехеразады, и Парижъ слѣпо вѣритъ поэтической легендѣ. Легенду эту подкрѣпляетъ авторитетъ такой личности, какъ живущая въ Парижѣ княгиня Сангушко.

Въ Парижѣ, какъ и вездѣ, принцессу владимірскую окружаетъ царская роскошь и блескъ. Въ свитѣ ея два барона — Шенкъ и Эмбсъ, бывший Вантурсъ. Банкиры Понсе и Макке снабжаютъ ихъ деньгами. Въ свитѣ принцессы является новое лицо, ея поклонникъ, маркизъ де-Маринъ, который бросаетъ блестящій дворъ Людовика XV и скачетъ за таинственной волшебницей въ Германію, чтобы быть ея интендантомъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ.

Скоро эта свита бароновъ и маркизовъ увеличивается новымъ крупнымъ лицомъ: членъ знаменитѣйшей французской фамиліи, графъ Рошфоръ де-Валькуръ, гофмаршалъ владѣтельнаго князя Лимбурга де-Линанжъ, находящійся въ Парижѣ по дѣламъ своего государя, проситъ руки принцессы владимірской. Принцесса даетъ согласіе на бракъ; ждуть только согласія государя. Но и этого мало: она запутываетъ въ свою сѣть и графа Огинскаго.

Въ началѣ 1773 года принцесса владимірская вмѣстѣ съ своею свитою исчезаетъ изъ Парижа и является во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Получивъ отъ Огинскаго бланковый патентъ на офицерскій чинъ въ литовскомъ войскѣ, она вписываетъ туда Вантурса — и онъ дѣлается литовскимъ капитаномъ.

Но вот во Франкфуртъ является коронованная особа — Филиппъ-Фердинандъ, владѣтельный графъ лимбургскій, стиружскій, оберштейнскій и иныхъ, князь священной римской имперіи, претендентъ на герцогство шлезвигъ-голштинское, не задолго передъ тѣмъ наслѣдовавшій престолъ по смерти старшаго брата своего. Съ нимъ пріѣзжаетъ и женихъ принцессы владимірской, графъ Рошфоръ-де-Валькуръ.

Блистательный князь Лимбургъ, имѣвшій свой дворъ съ гофмаршаломъ, гофмейстеромъ, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, свое войско, своихъ посланниковъ при вѣнскомъ и версальскомъ дворахъ, щедро раздававшій свои ордена своимъ подданнымъ, бившій свою монету, какъ коронованная особа, спорившій съ прусскимъ королемъ, славнымъ Фридрихомъ II, за нарушение его владѣтельскихъ правъ, объявившій себя наконецъ соперникомъ русскаго великаго князя Павла Петровича по спору за наслѣдственныя права на Голштинію, этотъ соперникъ Павла Петровича проситъ представить его принцессѣ владимірской и, какъ всѣ прежніе ея поклонники, дѣлается послушнымъ рабомъ этой загадочной личности. Онъ проситъ ее переѣхать въ его владѣнія—и принцесса переселяется съ нимъ вмѣстѣ въ замокъ Нейсезъ, во Франконіи, а ея женихъ, графъ Рошфоръ-де-Валькуръ, арестуется, какъ государственный преступникъ.

Во владѣніяхъ князя лимбургскаго принцесса владимірская называетъ уже себя «султаншей Алиной» (la sultane Aline) или Элеонорой. Другіе зовутъ ее «принцессой [азовской].

Она учреждаетъ свой орденъ — «орденъ азіатскаго креста». Уже черезъ сто почти лѣтъ послѣ этого, въ 1858 году, въ Парижѣ были конфискованы дипломы на орденъ, учрежденный нашею самозванкою, который назывался — «la croix de l'ordre asiatique, fondé par la sultane Aline».

Дѣйствительно, это одна изъ сказокъ Шехеразады, а между тѣмъ—это исторія XVIII вѣка.

Кромѣ ордена, въ Нейсесѣ принцесса владимірская учреждаетъ свой дворъ. Маркиза де-Марина она назначаетъ интендантомъ этого двора.

Вскорѣ князь Лимбургъ знакомитъ съ нею своего друга, барона фонъ-Горнштейна, конференцъ-министра трирскаго курфирста — и этотъ министръ попадетъ въ число ея жертвъ.

Но время выпуска ея самой на болѣе широкую политическую сцену еще не настало.

Не зная своего будущаго, не подозрѣвая, что она скоро должна будетъ объявить свои права на корону россійской имперіи, принцесса владимірская задумываетъ короновать себя короною влюбленнаго въ нее князя Лимбурга.

— Я получила отъ дяди письмо -- говорить она ему однажды: -- дядя требуетъ возвращенія моего въ Персію.

Пораженный этой неожиданностью Лимбургъ умоляетъ ее остаться.

— Я не могу долѣе оставаться въ неопредѣленномъ положеніи -- отвѣчаетъ она: -- я должна ѣхать. Въ Персіи я пристроюсь, тамъ ждетъ меня женихъ.

Князь Лимбургъ въ отчаяньи. Желая удержать свою очаровательницу, онъ предлагаетъ ей свою руку, свою корону, свои владѣнія. Принцесса не отказываетъ ему, но въ то же время настаиваетъ на поѣздкѣ въ Азію, говоря, что политическія дѣла вынуждаютъ ее быть тамъ. Обезумѣвшій Лимбургъ не хочетъ разстаться съ нею.

— Я откажусь отъ престола въ пользу младшаго брата, -- говоритъ онъ, -- покину хоть навсегда Европу и въ Персіи найду счастье въ твоихъ объятіяхъ.

Это было въ іюлѣ 1773 года.

Пугачовъ въ это время бродилъ еще по заволжскимъ стѣнямъ: тѣнь Петра III еще не являлась.

Не выступала и тѣнь дочери Елизаветы Петровны.

Другъ князя Лимбурга, баронъ фонъ-Горнштейнъ, при извѣстїи о помолвкѣ княжны владимірской, совѣтуетъ, чтобы она оставила греческую схизму и приняла католичество, хотя самозванка, называя себя православной, никогда и ни въ какой церкви не приобщалась, какъ сама послѣ показала. При-этошь оказываются нужными и документы о ея рожденїи.

Самозванка по этому поводу пишетъ о себѣ:

«Вы говорите, что меня принимаютъ за государыню Азова. Я не государыня, а только владѣтельница Азова. Императрица тамъ государыня. Черезъ нѣсколько недѣль вы прочтете въ газетахъ, что я—единственная наслѣдница дома владимірскаго и въ настоящее время безъ затрудненїй могу вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ покойнаго отца моего. Владѣнія его были подвергнуты секвестру въ 1749 году и, находясь подъ нимъ двадцать лѣтъ, освобождены въ 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; въ это печальное время умеръ и отецъ мой. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ взялъ меня на свое попеченїе дядя мой, живущій въ Персіи, откуда я воротилась въ Европу 16 ноября 1768 года.»

И дѣйствительно, годъ ея рожденїя совпадаетъ съ годомъ рожденїя настоящей дочери Елизаветы Петровны, княжны Августы Таракановой, хотя впоследствии оказалось, что она убавляла свои года. Она признаетъ себя подданной русской императрицы; но она еще не дочь ея предшественницы — это время еще не приспѣло.

Съ этой поры ее величаютъ уже «высочествомъ». Письма къ ней адресуются: «ея высочеству, свѣтлѣйшей принцессѣ Елиза-

ветѣ владимірской» (A son altesse serenissime, madame la princesse Elisabeth de Volodimir).

Между тѣмъ самозванка заводитъ переписку съ графомъ Огинскимъ, составляетъ проектъ лотерей для распространенія между банкирами, пишетъ о дѣлахъ Польши, составляетъ особую записку о нихъ для версальскаго кабинета.

Князь Лимбургъ ревнуетъ ее къ Огинскому; но она успокоиваетъ его, говоря, однако, что не можетъ выйти за него замужъ до утвержденія своихъ правъ въ Россіи. Въ письмо къ князю она влагаетъ черновое письмо къ русскому вице-канцлеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, называетъ его своимъ опекуномъ, сообщаетъ ему о любви къ князю Лимбургу и о намѣреніи вступить съ нимъ въ бракъ, изъясняетъ, что тайна, покрывающая доселѣ ея происхожденіе, подастъ поводъ ко многимъ толкамъ, увѣряетъ Голицына въ неизмѣнности своихъ чувствъ, благодарности и привязанности къ императрицѣ Екатеринѣ II и въ постоянномъ рвеніи о благѣ Россіи, прилагаетъ къ письму проектъ о сосредоточеніи всей азійской торговли на Кавказѣ и общается сама пріѣхать въ Петербургъ, для разъясненія этого проекта, если бы настояла въ томъ надобность.

Опять что-то сказочное, невѣроятное.

Князь Лимбургъ окончательно обезумѣваетъ отъ любви, и отъ видимыхъ противорѣчій и несообразности въ дѣйствіяхъ таинственной принцессы, и отъ ревности. Онъ грозитъ даже поступить въ монахи, отказаться отъ престола.

У самозванки являются новыя сношенія: вполнѣдствіи князь Орловъ-Чесменскій намекалъ императрицѣ, что самозванка находилась въ сношеніяхъ съ бывшимъ въ то время въ Спа Ив. Ив. Шуваловымъ.

Въ октябрѣ 1773 года она дѣлается формальной владѣтельницей графства Оберштейнъ и переселяется въ свои владѣнія.

Пугачовъ появился въ окрестностяхъ Яицка. Знамена его уже развѣвались по заволжскимъ степямъ. Вѣсти объ этомъ наполняютъ Европу.

И самозванка разомъ преобразовывается. Она что-то затѣваетъ. Она отсылаетъ отъ себя всю прежнюю свою свиту и окружаетъ себя новою прислугою, въ томъ числѣ беретъ къ себѣ дочь прусскаго капитана Франциску фонъ-Мешедѣ, которая не разлучается съ ней до конца всѣхъ ея загадочныхъ приключеній и вмѣстѣ съ нею, впослѣдствіи, попадаетъ въ петропавловскую крѣпость.

Осенью же 1773 года къ ней въ Оберштейнъ начинается являться изъ Мосбаха какой-то неизвѣстный молодой человекъ и проводить съ владѣтельницей замка наединѣ по нѣскольку часовъ. Никто не знаетъ, кто онъ. Прислуга зоветъ его только «мосбахскимъ незнакомцемъ».

Оказывается, что это полякъ, агентъ и другъ князя Радзивила, Михаилъ Доманскій, который во время барской конфедераціи былъ консилиаржемъ пинской дистрикціи.

Самъ Радзивиль намѣревается ѣхать къ турецкой арміи—поднимать Турцію на Россію, а Доманскаго командируетъ къ самозванкѣ.

Извѣстно, что въ это время происходило въ Россіи: Пугачовъ съ своими «толпищами» отхватилъ отъ Россіи почти все Заволжье.

Положеніе дѣлъ въ Россіи оказывается очень опаснымъ.

Польша находитъ это очень удобнымъ случаемъ, чтобы рядомъ съ восточнымъ Пугачовымъ поставить противъ Россіи и западнаго Пугачова—будто-бы двоюродную сестру императора Петра III.

Въ декабрѣ 1773 года разносится по Европѣ слухъ, что въ замкѣ Оберштейнъ живетъ прямая наслѣдница русскаго престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета.

Изъ Россіи доходятъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Поляки оживаютъ. Княгиня Сангушко постоянно сообщаетъ мнимои наследницѣ русскаго престола списки мѣстъ, занятыхъ шайками Пугачова.

Около новаго 1774 года составляется таинственное свиданіе съ самозванкой самого князя Радзивила: онъ представляется ей въ Цвейбрюкенѣ какъ русской великой княжнѣ.

Радзивиль и самозванка условливаются между собою: пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ Пугачовымъ, произвести новое возстаніе въ Польшѣ и въ бѣлорусскихъ воеводствахъ, отошедшихъ по первому раздѣлу во владѣніе Россіи; самой принцессѣ вмѣстѣ съ Радзивиломъ ѣхать въ Константинополь, послать оттуда въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, воззваніе, въ которомъ предъявить свои права на престолъ, не по праву будто-бы занимаемый Екатериною, свергнуть ее съ престола и доставить самозванкѣ императорскую корону. Съ своей стороны самозванка обѣщаетъ Радзивилу возвратить Польшѣ отторгнутыя отъ нея области, свергнуть Понятовскаго съ престола и возстановить Польшу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась при короляхъ саксонской династіи.

Въ это время Радзивиль уже пишетъ самозванкѣ, какъ государынѣ:

«Я смотрю на предпріятіе вашего высочества, какъ на чудо провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню.»

Французскій король Людовикъ XV одобряетъ безумный планъ самозванки.

Развѣ это не сказка изъ Шехеразеды?

Огинскій пересылается съ самозванкой посредствомъ аббата Бернарди, бывшаго наставникомъ дѣтей его зятя, литовскаго великаго кухмистра (оберъ-гофмаршала), графа Михаила Вельгорскаго.

Письма князя Лимбурга, все-еще продолжавшаго считаться женихомъ самозванки, уже адресуются такъ: «ея императорскому высочеству, принцессѣ Елизаветѣ всероссійской!»

13 мая 1774 года, когда Пугачовъ завладѣлъ уже частью Сибири, лилъ свои пушки, чеканилъ свою монету и оглашался по церквамъ на эктении какъ царствующій государь, самозванка въѣзжаетъ изъ Оберштейна. Князь Лимбургъ провожаетъ ее до Цвейбрюкена, гдѣ они расстаются супругами на время.

Послѣ, въ петропавловской уже крѣпости, она называла князя Лимбурга своимъ супругомъ, хотя и объясняла, что они не были вѣнчаны по церковному чиноположенію.

Царственный поѣздъ самозванки до Венеціи, гдѣ ждалъ ее Радзивиль, обставленъ блестящею внѣшностью: къ ней присоединяются на пути ея союзники, поляки. Въ Парижъ она шлетъ къ Огинскому проектъ русскаго внѣшняго займа отъ своего имени, какъ единственной законной наслѣдницы русской имперіи.

Людовикъ XVI, вступившій на французскій престолъ послѣ Людовика XV, даетъ свою санкцію предпріятію Радзивила и самозванки. «Союзникъ» ея, «двоюродный братъ», Емелька Пугачовъ, котораго сама императрица Екатерина II въ письмахъ къ Вольтеру называетъ «маркизомъ де-Пугачовъ» — все больше и больше вырастаетъ въ своемъ могуществѣ, войска его растутъ какъ снѣжная лавина.

Въ Венеціи самозванка является инкогнито, подъ именемъ не русской великой княжны, а графини Пиннебергъ, какъ претендентки на Голштинію. Отъ супруга ея пріѣзжаетъ къ ней резидентъ баронъ Кнорръ и занимаетъ при дворѣ своей поведительницы званіе ея гофмаршала.

Для самозванки венеціанская республика отводитъ роскошный дворецъ—домъ французскаго посольства.

Князь Радзивиль дѣлаетъ ей блестящій официальный визитъ. Его сопровождаетъ свита. Самозванкѣ представляютъ—князя Радзивила, дядю «пана коханка», графа Потоцкаго, бывшего главу польской генеральной конфедерации, графа Пржездецкаго, старосту пинскаго, Черномскаго, одного изъ вліятельныхъ конфедератовъ, Мипошту, секретаря князя Радзивила, и другихъ. Радзивиль и Потоцкій въ ментахъ.

На другой день самозванка оплачиваетъ визитъ сестрѣ князя Радзивила, графинѣ Моравской.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени печатаютъ (№ 38, отъ 13-го мая 1774 года): «князь Радзивиль и его сестра учатся по-турецки, и поѣдутъ въ Рагузу, откуда, какъ сказываютъ, турецкая эскадра проводитъ ихъ въ Константинополь». М. Н. Лонгиновъ объясняетъ, что «сестра» Радзивила — это самозванка; но П. И. Мельниковъ полагаетъ, что это была графиня Моравская.

Пріемныя комнаты самозванки полны польскихъ эмигрантовъ, собирающихся ѣхать въ Турцію съ нею и съ княземъ Радзивиломъ. Тутъ же видятъ и Эдуарда Вортли Монтегю, англичанина, долго путешествовавшаго по востоку, сына извѣстной англійской писательницы, леди Мери, дочери герцога Кингстонъ. Тутъ же видятъ и капитановъ изъ варварійскихъ владѣній султана, Гассана и Мехемета, корабли которыхъ стоятъ въ венеціанскомъ портѣ. Одинъ изъ кораблей долженъ везти самозванку къ султану.

16 мая назначается отъѣздъ въ Константинополь. Корабли ждутъ ее на рейдѣ. Ждетъ и вся польская эмиграція.

Самозванка является на рейдѣ. На палубѣ корабля ее встрѣчаетъ Радзивиль и вся тогдашняя эмиграціонная Польша съ царскимъ почетомъ. По придворному этикету ей цѣлуютъ руку.

Корабли отплыли. Самозванка уже на островѣ Корфу.

Но противные вѣтра отбиваютъ ея корабль отъ острова, и капитанъ Гассанъ ее оставляетъ.

Самозванка и Радзивиль со свитой слѣдуютъ уже на кораблѣ капитана Мехемета.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 года корабль бросаетъ якорь у Рагузы.

Рагузская республика смотрѣла враждебно на дѣйствія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Рагузскій сенатъ не доволенъ русскою императрицей, и потому радушно принимаетъ ея соперницу, мнимую великую княжну Елизавету.

Ей уступается домъ французскаго консула при рагузской республикѣ.

Между тѣмъ ея «двоюродный братъ», Емелька Пугачовъ, беретъ Оренбургъ, Казань, Саратовъ—все поволжье.

Самозванка живетъ въ Рагузѣ: письма ея идутъ во все страны — къ султану, къ графу Орлову-Чесменскому, къ воспитателямъ великаго князя Павла Петровича, графу Никитѣ Ивановичу Панину. Это царская переписка: въ лицѣ самозванки — и мнимая государыня и цѣлый дипломатическій корпусъ. Въ этой безумной головѣ создается смѣлый планъ дѣйствій. Она рѣшается торжественно объявить о своихъ правахъ на престолъ и послать воззванія — одно въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, другое — на русскую эскадру, стоявшую подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно.

«Постараюсь -- писать она къ Горнштейну -- овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно; это не очень далеко отсюда. Мнѣ необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухъ о моей смерти. Провидѣніе отмститъ за меня. Я издамъ манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ

Константинополѣ — они работаютъ, что нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объявить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣшкаю, стану во главѣ моей арміи — и меня признаютъ.»

Неизвѣстно, какимъ путемъ у нея являются документы, подтверждающіе ея права на русскій престолъ: это подложныя духовныя завѣщанія Петра I и Елизаветы Петровны. Въ дѣлѣ находятся эти документы, переписанные рукой самозванки.

Замѣчательно мнимое духовное завѣщаніе ея матери, императрицы Елизаветы Петровны. Надо удивляться, какъ съумѣла составить такой политическій актъ эта таинственная дѣвушка, которую Екатерина II называла «побродяжкой».

Вотъ этотъ актъ:

«Елизавета Петровна (это и есть самозванка), дочь моя, наследуетъ мнѣ и управляетъ Россіей такъ же самодержавно, какъ и я управляла. Ей наследуютъ дѣти ея; если же она умретъ бездѣтною — потомки Петра, герцога голштинскаго (т. е. Петра III).

«Во время малолѣтства дочери моей Елизаветы герцогъ Петръ голштинскій будетъ управлять Россіей съ тою же властію, съ какою я управляла. На его обязанность возлагается воспитаніе моей дочери; преимущественно она должна изучить русскіе законы и установленія. По достиженіи ею возраста, въ которомъ можно будетъ ей принять въ свои руки бразды правленія, она будетъ всенародно признана императрицею всероссійскою, и герцогъ Петръ голштинскій пожизненно сохранитъ титулъ императора, а если принцесса Елизавета, великая княжна всероссійская, выдетъ замужъ, то супругъ ея не можетъ пользоваться титуломъ императора ранѣе смерти Петра, герцога голштинскаго. Если дочь моя не признаетъ нужнымъ, чтобы супругъ ея именовался императоромъ, воля ея должна быть исполнена какъ воля

самодержицы. Послѣ нея престолъ принадлежитъ ей потомкамъ, какъ по мужской, такъ и по женской линіи.

«Дочь моя Елизавета учредить верховный совѣтъ и назначить членовъ его. При вступленіи на престолъ она должна восстановить прежнія права этого совѣта. Въ войскѣ она можетъ дѣлать всякія преобразованія, какія пожелаетъ. Черезъ каждые три года всѣ присутственныя мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія, должны представлять ей отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, а также счета. Все это разсматривается въ совѣтѣ дворянъ, которыхъ назначить дочь моя Елизавета.

«Каждую недѣлю должна она давать публичную аудіенцію. Всѣ просьбы подаются въ присутствіи императрицы, и она одна производитъ по нимъ рѣшенія. Ей одной предоставляется право отмѣнять или измѣнять законы, если она признаетъ то нужнымъ.

«Министры и другіе члены совѣта рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ, но не могутъ приводить ихъ въ исполненіе до утвержденія постановленія ихъ императрицею Елизаветою Второй.

«Завѣщаю, чтобы русскій народъ всегда находился въ дружбѣ съ своими сосѣдями. Это возвыситъ богатство народа, а безполезныя войны ведутъ лишь къ уменьшенію народонаселенія.

«Завѣщаю, чтобъ Елизавета послала посланниковъ ко всѣмъ дворамъ и каждые три года перемѣняла ихъ.

«Никто изъ иностранцевъ, а также изъ не принадлежащихъ къ православной церкви, не можетъ занимать министерскихъ и другихъ важныхъ государственныхъ должностей.

«Совѣтъ дворянъ назначаетъ уполномоченныхъ ревизоровъ, которые будутъ черезъ каждые три года обозрѣвать отдаленныя провинціи и вникать въ мѣстное положеніе дѣлъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, въ состояніе таможенъ, рудниковъ и другихъ принадлежностей короны.

«Завѣщаю, чтобы губернаторы отдаленныхъ провинцій — Сибири, Астрахани, Казани и др. — отъ времени до времени представляли отчеты по своему управленію въ высшія учрежденія въ Петербургъ или въ Москву, если въ ней Елизавета утвердитъ свою резиденцію.

«Если кто сдѣлаетъ какое-либо открытіе, клонящееся къ общенародной пользѣ или къ славѣ императрицы, тотъ о своемъ открытіи секретно представляетъ министрамъ и шесть недѣль спустя въ канцелярію департамента, завѣдывающаго тою частію; черезъ три мѣсяца послѣ того дѣло поступаетъ на рѣшеніе императрицы въ публичной аудіенціи, а потомъ въ продолженіе девяти дней объявляется всенародно съ барабаннымъ боемъ.

«Завѣщаю, чтобы въ азійской Россіи были установлены особыя учрежденія и заведены колоніи при непрѣмномъ условіи совершенной терпимости всѣхъ религій. Сенатомъ будутъ назначены особыя чиновники для наблюденія въ колоніяхъ за каждою народностію. Поселены будутъ разнаго рода ремесленники, которые будутъ работать на императрицу и находиться подъ непосредственною ея защитою. За труды свои они будутъ вознаграждаемы ежемѣсячно изъ мѣстныхъ казначействъ. Всякое новое изобрѣтеніе будетъ вознаграждаемо по мѣрѣ его полезности.

«Завѣщаю завести въ каждомъ городѣ на счетъ казны народное училище. Черезъ каждые три мѣсяца мѣстные священники обзрѣваютъ эти школы.

«Завѣщаю, чтобы всѣ церкви и духовенство были содержимы на казенное иждивеніе.

«Каждый налогъ назначается не иначе, какъ самую дочь мою Елизаветой.

«Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно будетъ производимо исчисленіе народа и черезъ каждые три года будутъ посылаемы на мѣста

особые чиновники, которые будут собирать составленные народныя переписи.

«Елизавета Вторая будетъ приобретать, промѣнивать, покупать всякаго рода имущества, какія ей заблагоразсудится, лишь бы оно было полезно и пріятно народу.

«Должно учредить военную академію для обученія сыновей всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Отдѣльно отъ нея должна быть устроена академія гражданская. Дѣти будутъ приниматься въ академію девяти лѣтъ.

«Для подкидышей должны быть основаны особыя постоянныя заведенія. Для незаконнорожденныхъ учредить сиротскіе дома, и воспитанниковъ выпускать изъ нихъ въ армію и къ другимъ должностямъ. Отличившимся императрица можетъ даровать право законнаго рожденія, пожаловавъ коварду красную съ черными коймами и грамоту за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной печати.

«Завѣщаю, чтобы вся русская нація отъ перваго до послѣдняго человѣка исполнила сію нашу послѣднюю волю и чтобы всѣ, въ случаѣ надобности, поддерживали и защищали Елизавету, мою единственную дочь и единственную наслѣдницу російской имперіи.

«Если до вступленія ея на престолъ будетъ объявлена война, заключенъ какой-либо трактатъ, изданъ законъ или уставъ, все это не должно имѣть силы, если не будетъ подтверждено согласіемъ дочери моей Елизаветы, и все можетъ быть отмѣнено силою ея высочайшей воли.

«Предоставляю ея благоусмотрѣнію уничтожать и отмѣнять все сдѣланное до вступленія ея на престолъ.

«Сіе завѣщаніе заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю. Благословляю дочь мою Елизавету во имя Отца и Сына и святаго Духа.»

Въ Рагузѣ мнимая царевна уже открыто рассказываетъ окружающей ее блестящей свитѣ французскихъ офицеровъ и польскихъ эмигрантовъ такія вещи о своей таинственной судьбѣ:

— Я дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ брака ея съ великимъ гетманомъ всѣхъ казаковъ (*grand hetman de tous les cosaques*), княземъ Разумовскимъ. Я родилась въ 1753 году и до девятилѣтняго возраста жила при матери. Когда она скончалась, правленіе русскою имперіею принялъ племянникъ ея, принцъ голштейнъ-готторпскій, и, согласно завѣщанію моей матери, былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Я должна была лишь по достиженіи совершеннолѣтія вступить на престолъ и надѣть русскую корону, которой не надѣлъ Петръ, не имѣя на то права. Но черезъ полгода послѣ смерти моей матери жена императора, Екатерина, низложила своего мужа, объявила себя императрицей и короновалась въ Москвѣ мнѣ принадлежащею древнею короной царей московскихъ и всея Россіи. Лишенный власти императоръ Петръ, мой опекунъ, умеръ. Меня, девятилѣтняго ребенка, сослали въ Сибирь. Тамъ я пробыла годъ. Одинъ священникъ сожалѣлся надъ моею судьбой и освободилъ меня изъ заточенія. Онъ вывезъ меня изъ Сибири въ главный городъ донскихъ казаковъ. Друзья отца моего укрыли меня въ его домѣ, но обо мнѣ узнали, и я была отравлена. Принятыми своевременно медицинскими средствами была я однако возвращена къ жизни. Чтобъ избавить меня отъ новыхъ опасностей, отецъ мой, князь Разумовскій, отправилъ меня къ своему родственнику, шаху персидскому. Шахъ осыпалъ меня благодѣяніями, пригласилъ изъ Европы учителей разныхъ наукъ и искусствъ и далъ мнѣ, сколько было возможнымъ, хорошее воспитаніе. Въ это же время научилась я разнымъ языкамъ, какъ европейскимъ, такъ и восточнымъ. До семнадцатилѣтняго возраста не знала я тайны моего рожденія;

когда же достигла этого возраста, персидскій шахъ открылъ ее мнѣ и предложилъ свою руку. Какъ ни блистательно было предложеніе, сдѣланное мнѣ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государемъ Азіи, но какъ я должна бы была, въ случаѣ согласія, отречься отъ Христа и православной вѣры, къ которой принадлежу съ рожденія, то и отказалась отъ сдѣланной мнѣ чести. Шахъ, надѣливъ меня богатствами, отправилъ меня въ Европу, въ сопровожденіи знаменитаго своею ученостью и мудростью Гали. Я переодѣлась въ мужское платье, объѣздила всѣ наши живущіе въ Россіи народы христіанскіе и нехристіанскіе, проѣхала черезъ всю Россію, была въ Петербургѣ и познакомилась тамъ съ нѣкоторыми знатными людьми, бывшими друзьями покойнаго отца моего. Оттуда отправилась я въ Берлинъ, сохраняя самое строгое инкогнито, тамъ была принята королемъ Фридрихомъ II и начала называться принцессой. Тутъ умеръ Гали, я отправилась въ Лондонъ, оттуда въ Парижъ, наконецъ въ Германію, гдѣ приобрѣла покупкой у князя Лимбурга графство Оберштейнъ. Здѣсь я рѣшилась ѣхать въ Константинополь, чтобъ искать покровительства и помощи султана. Приверженцы мои одобрили такое намѣреніе, и я отправилась въ Венецію, чтобъ вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ ѣхать въ столицу султана. —

Пугачовъ — это ея братъ, сынъ Разумовскаго отъ перваго брака, искусный генералъ, хорошій математикъ и отличный тактикъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ привлекать къ себѣ народныя толпы.

— Когда Разумовскій, отецъ мой, - - говорила она, - - пріѣхалъ въ Петербургъ, Пугачовъ, тогда еще очень молодой человекъ, находился въ его свитѣ. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Разумовскому андреевскую ленту и сдѣлала его великимъ гетманомъ всѣхъ казацкихъ войскъ, а Пугачова назначила пажемъ

при своемъ дворѣ. Замѣтивъ, что молодой человекъ выказываетъ большую склонность къ изученію военнаго искусства, она отправила его въ Берлинъ, гдѣ онъ и получилъ блистательное военное образованіе. Еще находясь въ Берлинѣ, Пугачовъ дѣйствовалъ, насколько ему было возможно, въ мою пользу, какъ законной наслѣдницы русскаго престола.—

Разсказы эти попадаютъ въ тогдашнія газеты, какъ напримѣръ въ «Gazette d'Utrecht» и во «Франкфуртскую газету», особенно распространенныя въ то время, и обходятъ всю Европу.

Встревоженная этимъ рагузская республика сносится съ Петербургомъ о таинственной женщинѣ; но Панинъ, по приказанію императрицы, велитъ увѣдомить рагузскій сенатъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на «эту побродяжку».

А между тѣмъ встревоженная императрица только показывала видъ, что не боится «побродяжки»: она уже рѣшилась черезъ графа Орлова захватить ее въ чужихъ краяхъ безъ шума и огласки.

Екатерина въ это время вела съ Турціею мирныя переговоры въ Кучукъ-Кайнарджи.

Миръ съ Турціею долженъ былъ убить все замыслы Радзивила, все надежды поляковъ и разрушить планы самозванки.

Она пишетъ султану и объявляетъ себя наслѣдницей русскаго престола. «Принцесса Елизавета, дочь покойной императрицы всероссійской Елизаветы Петровны, -- пишетъ она между прочимъ султану, -- умоляетъ императора оттомановъ о покровительствѣ.» Она сообщаетъ ему свои планы, склоняетъ къ союзу, и подписываетъ подъ письмомъ: «вашего императорскаго величества вѣрный другъ и сосѣдка Елизавета».

Копію съ этого письма она посылаетъ великому визирю и проситъ его переслать ее «сыну Разумовскаго, *monsieur de Puh-*

szew» (эта копія находится теперь у извѣстнаго піаниста Аполлінарія Контскаго).

Вмѣстѣ съ тѣмъ самозванка изготавляетъ планъ воззванія къ русскому флоту и пишетъ письмо къ графу Алексѣю Орлову. Къ письму она прилагаетъ наброски своего манифеста, предоставляя Орлову развить ея мысли для officialнаго акта.

Въ манифестѣ, между прочимъ, говоря о незаконномъ будто-бы завладѣніи Екатериною II русскимъ престоломъ, самозванка объявляетъ: «Сіе побудило насъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дабы вывести народъ нашъ изъ настоящихъ его заключеній на степень, подобающую ему среди народовъ сосѣднихъ, которые навсегда пребудутъ мирными нашими союзниками. Мы рѣшились на сіе, имѣя единственною цѣлію благоденствіе отечества и всеобщій покой.—Божією милостію, мы, Елизавета Вторая, принцесса все-россійская, объявляемъ всенародно, что русскому народу предстоить одно изъ двухъ: стать за меня, или противъ меня.»

Изъ обширнаго письма ея къ графу Орлову мы рѣшаемся взять только нѣкоторыя мѣста.

«Принцесса Елизавета всероссійская желаетъ знать: чью сторону примете вы, графъ, при настоящихъ обстоятельствахъ?» такъ обращается она къ Орлову.

... «Торжественно провозглашая законныя права свои на всероссійскій престолъ, -- говоритъ она далѣе, -- принцесса Елизавета обращается къ вамъ графъ. Долгъ, честь, слава, словомъ—все обязываетъ васъ стать въ ряды ея приверженцевъ.

«Видя отечество разореннымъ войной, которая съ каждымъ днемъ усиливается, а если и прекратится, то развѣ на самое короткое время, внимая мольбамъ многочисленныхъ приверженцевъ, страдающихъ подъ тяжкимъ игомъ, принцесса, приступая къ своему дѣлу, руководится не однимъ своимъ правомъ, но и стремле-

ніемъ чувствительнаго сердца. Она желала бы знать: примете ли вы, графъ, участіе въ ея предпріятіи.

«Если вы желаете перейти на нашу сторону, объявите манифестъ, на основаніи прилагаемыхъ при семъ статей. Если вы не захотите стать за насъ, мы не будемъ сожалѣть, что сообщили вамъ о своихъ намѣреніяхъ. Да послужитъ это вамъ удостовѣреніемъ, что мы дорожимъ вашимъ участіемъ. Прямодушный характеръ вашъ и обширный умъ внушаютъ намъ желаніе видѣть васъ въ числѣ своихъ. Это желаніе искренно, и оно тѣмъ болѣе должно быть лестно для васъ, графъ, что идетъ не отъ коварныхъ людей, преслѣдующихъ невинныхъ.»

Она пишетъ о духовномъ завѣщаніи Елизаветы, о союзѣ съ султаномъ, Пугачовъ-братъ.

«Время дорого. Пора энергически взяться за дѣло, иначе русскій народъ погибнетъ. Сострадательное сердце наше не можетъ оставаться покойнымъ при видѣ его страданій. Не обладаніе короной побуждаетъ насъ къ дѣйствію, но кровь, текущая въ нашихъ жилахъ. Наша жизнь, полная несчастій и страданій, да послужитъ тому доказательствомъ. Впослѣдствіи дѣлами правленія мы еще болѣе докажемъ это. Вашъ безпристрастный взглядъ на вещи, графъ, достойно оцѣнитъ сіи слова наши.»

Но мнимая Елизавета Вторая напрасно надѣялась завлечь въ свои сѣти Орлова.

Вмѣсто того, чтобы обнародовать «манифестикъ» (*le petit manifeste*), какъ называла его сама Лжеелизавета, Орловъ тотчасъ же отправилъ его въ Петербургъ къ императрицѣ.

«Желательно, всемилостивѣйшая государыня, -- писалъ онъ, -- чтобы искорененъ былъ Пугачовъ, а лучше бы того, если бы пойманъ былъ живой, чтобы изыскать чрезъ него сущую правду. Я все-еще въ подозрѣніи, не замѣшались ли тутъ французы, о чемъ

я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣе подтверждаетъ полученное мною письмо отъ неизвѣстнаго лица. Если этакая (т. е. дочь Елизаветы Петровны), или нѣтъ, я не знаю, а буде есть и хочеть непринлежащаго себѣ, то бѣ я навязалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе жь письмо прислано, изъ котораго ясно увидѣть изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пугачова нѣсколько сходствовали въ слогѣ сему его обнаруженія, а можетъ быть и то, что меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ вашего величества. Я жь на оное ничего не отвѣчалъ, чтобы чрезъ то не утвердить болѣе, что есть такой человекъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Паросъ и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ на англійскомъ суднѣ, платя слишкомъ по тысячѣ пиастровъ на мѣсяцъ корабельщику, а сказываетъ, что она дожидается меня: только за вѣрное еще не знаю; отъ меня же посланъ нарочно вѣрный офицеръ, и ему приказано съ оною женщиною переговорить, и буде найдетъ что-нибудь сомнительное, въ такомъ случаѣ обѣщаль бы на словахъ мою услугу, а изъ-за того звалъ бы для точнаго переговора сюда, въ Ливорно. И мое мнѣніе, буде найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабль, отослать прямо въ Кронштадтъ, и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въ ономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйше исполнять буду.»

Такимъ образомъ являлось двѣ интриганки: одна на островѣ Паросъ, другая — въ Рагузѣ. Такъ какъ Лжеелизавета Тараканова не сообщила Орлову своего адреса изъ боязни, то онъ сначала могъ смѣшать обѣихъ женщинъ, желавшихъ уловить его въ свою интригу; но между тѣмъ онъ рѣшился разыскать и ту и другую.

На островъ Паросъ онъ отправляетъ съ особымъ фрегатомъ графа Войновича, серба русской службы. Войновичъ нашелъ, что эта интрига шла изъ Константинополя, откуда, не безъ вѣдома султана Ахмета, явилась на Паросъ одна константинопольская красавица, которая должна была обольстить Орлова и посредствомъ подкупа заставить его измѣнить своей императрицѣ.

Орловъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

Ему нужна была Лжеелизавета.

Разыскивать эту послѣднюю онъ послалъ Рибаса, впоследствии адмирала русской службы и основателя Одессы, Рибаса, о ловкости котораго говорилъ послѣ и Суворовъ, желая похвалить дальновидность Кутузова: «его и Рибасъ не проведетъ».

Но Рибасъ, отправленный Орловымъ на розыски, какъ въ воду канулъ. Около трехъ мѣсяцевъ Орловъ ничего не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

... «И я сомнѣваюсь объ немъ, -- писалъ Орловъ императрицѣ уже въ концѣ декабря 1774 года: -- либо умеръ онъ, либо гдѣ удержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстить, а человѣкъ былъ надежный и доказанъ былъ многими опытами въ его вѣрности.»

Но Рибасъ не пропалъ—онъ рыскалъ по слѣдамъ Лжеелизаветы, но не могъ ее настигнуть, потому что она оставила Рагузу.

Въ декабрѣ же Орловъ получилъ изъ Петербурга инструкціи императрицы: «поймать всележавшую на себя имя во что бы ни стало», идти къ Рагузѣ съ флотомъ, потребовать выдачи самозванки и если сенатъ рагузской республики откажется выдать ее—бомбардировать городъ.

Орловъ отправляетъ новыхъ агентовъ на поиски за самозванкой.

А императрицѣ, между прочимъ, пишетъ:

«Ничего имъ въ откровенности не сказано, а показалъ имъ любовничество, что я желаю знать о пребываніи давно мнѣ знако-

мой женщины, а офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войти къ ней или къ князю Радзивилу, волонтеромъ, чего для и абшидъ ему далъ, чтобы можно было ему лучше прикрыться.» Затѣмъ Орловъ прибавлялъ въ своемъ донесеніи: «А случилось мнѣ распрашивать одного маіора, который посланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы и дня два въ оныхъ останавливался, и онъ тамъ видѣлъ князя Радзивила и сказывалъ, что она еще въ Рагузахъ, гдѣ какъ Радзивилу, такъ и оной женщиной великую честь отдавали и звали его, чтобъ онъ шелъ на поклонъ, но оный, услышавъ такое вслепанное имя, поопасся идти къ злодѣйкѣ, сказавъ притомъ, что эта женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобъ не подвергнуть себя опасности.»

Но Орлову нечего было ѣхать бомбардировать Рагузу — «плутовки» тамъ уже не было.

У нея произошелъ совершенный разрывъ съ Радзивиломъ и съ поляками: для Радзивила Елисавета была уже плохой подмогой, потому что миръ Россіи съ Турціей отнималъ у него всякую надежду поднять Турцію на Россію даже именемъ Елизаветы Второй.

Эта послѣдняя увидала себя всею покинутою, и здоровье ея сильно было надломлено. Изумительная дѣятельность молодой дѣвушки, которая за цѣлый штабъ вела переписку едвали не со всею дворами и вездѣ разсылала свои воззванія и признанія, неудачи, огорченія и неумѣренная жизнь—все это съѣдало ея молодое здоровье: у нея открылись несомнѣнные признаки чахотки.

Но вотъ мы ее видимъ уже въ Италіи—сначала въ Барлеттѣ, потомъ въ Неаполѣ, потомъ наконецъ въ Римѣ.

Между тѣмъ, раньше этого она, между прочимъ, пишетъ въ Петербургъ, къ графу Панину, русскому канцлеру: «Вы въ Петер-

бургъ не довѣряете никому, другъ друга подозрѣваете, боитесь, сомнѣваетесь, ищете помощи, но не знаете, гдѣ ее найти: можно найти ее во мнѣ и въ моихъ правахъ. Знайте, что ни по характеру, ни по чувствамъ я не способна дѣлать что-либо безъ вѣдома народа, не способна къ лукавству и коварной политикѣ, напротивъ, вся жизнь моя будетъ посвящена народу. Знайте и то, что я до послѣдней минуты жизни буду отстаивать права свои на корону... Я не стану говорить о заключенномъ мирѣ, - - продолжаетъ она далѣе: - - онъ самъ по себѣ весьма не проченъ; вы не знаете того, что я знаю, но благоразуміе заставляетъ меня молчать... Если я не скоро явлюсь въ Петербургъ, то это будетъ ваша ошибка, графъ.»

Оставляя Рагузу и направляясь въ Италію, Лжеелизавета не унываетъ оттого, что изъ ея блестящей свиты осталось только три вѣрныхъ ей человека—Черномскій, Ганецкій эскъ-іезуитъ и «мосбахскій незнакомецъ» Доманскій.

Черезъ море ее перевозитъ корабль Гассана. Изъ Барлетты она направляется въ Неаполь, гдѣ англійскій посланникъ Гамильтонъ выправляетъ паспорта для нея и для ея немногочисленной свиты.

Лжеелизавета въ Римѣ.

«Иностранная дама польскаго происхожденія - - пишетъ отъ 3 января 1775 года аббать Рокотани варшавскому канонику Гиджіотти - - прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго эскъ-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной польской служанки (это—фонъ-Мешеде). Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяць, да 35 за карету; держитъ при себѣ одного учителя поляка, пріѣхавшаго съ нею, и одного итальянца, нанятаго по пріѣздѣ ея въ Римъ. Она ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства, и ѣздитъ на прогулку въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея эскъ-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ.»

Но смерть видимо стучалась уже въ дверь этой странной, таинственной женщины: докторъ почти не выходилъ изъ ея квартиры — больная сильно кашляла.

А между тѣмъ и въ этомъ положеніи она не отрывается ни отъ себя, ни отъ своей роли, ни отъ своей изумительной дѣятельности.

Папа Климентъ XIV за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ умеръ. Конглавъ избираетъ новаго папу. Члены конклава заперты въ Ватиканѣ, и къ нимъ доступъ не возможенъ. Есть слухи, что папою будетъ кардиналъ Альбани.

Къ нему можно только тайно пробраться, и то не въ конглавъ, а къ окну. Лжеелизавета желаетъ войти въ переговоры съ этимъ кардиналомъ; но никто къ нему пробраться не можетъ.

— Если такъ, - - говоритъ въ раздраженіи больная, - - сегодня же достать мужское платье: я въ немъ проберусь къ кардиналу.

Ее останавливаютъ. Но энергическая дѣвушка заставляетъ Ганецкаго пробраться въ Ватиканъ съ окна изъ конклава и подать письмо отъ Лжеелизаветы.

Кардиналъ посылаетъ къ ней аббата Рокотани. Аббать представляется самозвангъ въ тайной аудіенціи.

«Между нами - - пишетъ Рокотани своему другу - - начался оживленный разговоръ о политикѣ, объ іезуитахъ; о нихъ графиня отозвалась не совѣмъ благосклонно, впрочемъ говорила больше всего о польскихъ дѣлахъ».

Она передаетъ аббату записку для врученія будущему папѣ. Въ запискѣ она, между прочимъ, говоритъ, что пріѣздъ ея въ столицу римскаго католичества можетъ имѣть весьма важное для ватиканскаго двора послѣдствіе, что ей предназначена провидѣніемъ корона великой имперіи не только для благоденствія многочисленныхъ отдаленныхъ отъ Рима народовъ, но и для блага церкви.

Вотъ уже въ какую сторону она поворачиваетъ дѣло!

При вторичномъ свиданіи съ Лжеелизаветой аббата Рокотани, явившагося къ ней съ отвѣтомъ отъ кардинала Альбани, самозванка ему сообщаетъ, что намѣрена ѣхать въ Варшаву для свиданья съ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

— Въ Россіи - - говоритъ она между прочимъ - - недавно умеръ мой намѣстникъ (это Пугачовъ, тогда только-что казненный), но я возьму часть своего войска для конвоирования и пройду въ Константинополь. Я очень больна, но если провидѣнію угодно сохранить дни мои, я достигну престола и возстановлю Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ, — возстановлю прежде чѣмъ исполнится полгода. Екатерина отдастъ прибалтійскія провинціи съ Петербургомъ — съ нею будетъ и этого довольно.

Она порицаетъ образъ дѣйствій Радзивила.

— Я его уговаривала помириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, но онъ меня не послушался, и я въ томъ не виновата, что онъ остается въ раздорѣ съ королемъ. Графа Огинскаго успѣла же я помирить съ его величествомъ.

Обаяніе этой дѣвушки такъ велико, что и аббатъ Рокотани невольно втягивается въ ея интересы.

А тутъ является на подмогу патеръ Ліадій, служившій нѣкогда офицеромъ въ русскомъ войскѣ и положительно увѣряющій, что знаетъ дочь императрицы Елизаветы.

— Я помню ее — я выдалъ ее въ зимнемъ дворцѣ на выходахъ: ее прочили тогда за голштинскаго принца, двоюроднаго брата тогдашняго наследника, а послѣ перемѣны правительства въ 1762-мъ году всѣ говорили, что она уѣхала въ Пруссію.

Даже недовѣрчивый кардиналъ начинаетъ чувствовать надъ собой ея вліяніе, хотя еще не выдалъ ея.

«Какъ скоро я достигну цѣли, - - вновь пишетъ она кардиналу, - - какъ скоро получу корону, я немедленно войду въ сношенія съ

римскимъ дворомъ и приложу всѣ старанія, чтобы подчинить народъ мой святѣйшему отцу. Только вамъ одному рѣшаюсь сообщить эту завѣтную тайну. Примите въ уваженіе опасное положеніе, въ которомъ я нахожусь, и поймите, насколько я нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ и помощи. Я утѣшаю себя мыслию, что ваше высокопреосвященство будете избраны въ папы.»

Такъ и съ первымъ русскимъ самозванцемъ, Лжедмитріемъ: на этой же основѣ ткалось предположеніе объ обращеніи русскаго народа въ католичество.

Кардиналъ, въ отвѣтъ своему самозванцѣ, между прочимъ употребляетъ такую фразу: «Провидѣніе будетъ руководить вашими благими намѣреніями, и если правда на вашей сторонѣ, вы достигнете своей цѣли.»

Въ Римѣ же неутомимая дѣвушка входитъ въ сношеніе съ польскимъ резидентомъ въ столицѣ католичества, съ маркизомъ д'Античи.

Боясь компрометировать свое оффиціальное положеніе передъ рѣчью посполитою, резидентъ назначаетъ дѣвущкѣ свиданіе въ церкви Santa Maria degli Angeli.

Она сообщаетъ ему свое имя, свои планы.

Необыкновенный умъ дѣвухи заставляетъ резидента поколебаться, но разсудокъ и осторожность берутъ верхъ надъ увлеченіемъ. Онъ совѣтуетъ ей отказаться отъ своихъ безумныхъ и гибельныхъ плановъ.

Но ее не такъ-то легко побѣдить.

«Въ послѣднее свиданіе наше - - пишетъ она ему черезъ нѣсколько дней - - я нашла въ васъ столько благородства, ума и добродѣтели, что по сію пору нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленій.... Но вчера [вечеру получила я множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу, и въ тоже время получила из-

вѣстіе, что миръ не будетъ ратификованъ султаномъ; невозможно вообразить, какія смятенія царствуютъ теперь въ Портѣ. Я намѣрена обратиться съ извѣстнымъ вамъ предложеніемъ къ Польшѣ и съ тою же цѣлію пошлю курьера въ Берлинъ къ королю Фридриху. Для себя я ничего не желаю: хочу достигъ одной славы— славы возстановительницы Польши. Средства къ этому у меня есть, и я не замедлю доставить его величеству королю Станиславу-Августу эти средства для веденія войны противъ Екатерины. Какъ скоро онъ подниметъ оружіе, русскій народъ, страдающій подъ настоящимъ правленіемъ и вполнѣ намъ преданный, соединится съ польскими войсками. Что касается до короля прусскаго—это мое дѣло: я на себя принимаю уладить съ нимъ соглашеніе. Курьеръ, котораго я отправляю въ Константинополь, поѣдетъ черезъ Европу и завезетъ письмо мое въ Берлинъ. Сама я поѣду отсюда также въ Берлинъ и повидаюсь съ королемъ прусскимъ. Во время путешествія до Берлина мнѣ будетъ достаточно времени подумать о моихъ депешахъ, которыя король Фридрихъ получитъ до прибытія моего въ его столицу. Изъ Берлина поѣду въ Польшу, оттуда въ польскую Украйну, тамъ и неподалеку оттуда стоятъ преданныя намъ русскія войска. Здѣсь никто не будетъ подозрѣвать, куда я отправляюсь, всѣ будутъ думать, что я поѣхала въ Германію, въ тамошнія мои владѣнія. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла мои, я всегда найду средства воспрепятствовать злу. Небо, намъ поборающее, доставитъ успѣхъ, если будутъ помогать намъ; если же я не увижу помощи, оставлю все и устрою для себя пріятное убѣжище.»

Осторожный резидентъ отвѣчаетъ совѣтомъ—бросить все.

«Позвольте - - пишетъ онъ ей - - предложить вамъ избрать то самое намѣреніе, какое вы высказали въ письмѣ вашемъ ко мнѣ: оставьте всякіе политическіе замыслы и удалитесь въ пріятное уединеніе. Всякое другое намѣреніе для людей благомыслящихъ пока-

жется не только опаснымъ, но и противнымъ долгу и голосу совѣсти; оно можетъ показаться имъ химерическимъ или по крайней мѣрѣ влекущимъ за собой неизбѣжныя бѣдствія.»

Въ Римѣ шатающіяся самозванки снова увеличивается до шестидесяти человекъ. Снова является блескъ и роскошь. Она бросаетъ деньги народу горстями. Объ ней говоритъ весь Римъ. Она обозрѣваетъ достопримѣчательности вѣчнаго города, картинныя галереи, памятники классической архитектуры. Народъ валитъ за ней толпами. Всегда ее сопровождаетъ аббатъ Рокотани, и поражается обширностію ея знаній въ искусствѣ, въ архитектурѣ. Она сама прекрасно рисуетъ, играетъ на арфѣ. Въ салонахъ своихъ она является какою-то волшебницею.

Но роковая развязка все ближе и ближе подходитъ къ ней, а она сама слѣпо близится къ этой трагической развязкѣ.

Она пишетъ обширное письмо къ англійскому посланнику въ Неаполь, сэру Гамильтону, уже снабдившему ее паспортомъ, открываетъ ему свою тайну, повѣряетъ свои безумные планы—и этимъ именно губитъ себя.

«При сношеніяхъ моихъ съ Портой - - прибавляетъ она между прочимъ - - я не забуду интересовъ вашего двора: вѣдь англійская торговля въ Левантѣ сильно подорвана мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ великимъ визиремъ.»

Сэръ Гамильтонъ, встревоженный этимъ посланіемъ, изъ котораго онъ увидѣлъ, кому онъ, по невѣдѣнію, покровительствовалъ въ своемъ паспортѣ, немедленно отправилъ письмо самозванки въ Ливорно, къ Орлову.

Это письмо открыло глаза Орлову: онъ зналъ теперь, гдѣ искать женщину, которую напрасно разыскивали его агенты по Европѣ.

Онъ рѣшился во что бы то ни стало захватить ее.

Для выполненія этого труднаго предпріятія онъ назначаетъ своего генеральсь-адъютанта Христенека.

Императрицѣ, между тѣмъ, Орловъ доноситъ:

«Всемиловѣйшая государыня! По запечатаніи всѣхъ моихъ донесеній вашему императорскому величеству получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною офицера для развѣдыванія о самозванкѣ, что она больше не находится въ Рагузахъ и многія обстоятельства увѣрили его, что она поѣхала вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ въ Венецію, и онъ, ни мало не мѣшая, поѣхалъ за ними вслѣдъ, но по приѣздѣ его въ Венецію нашелъ только одного Радзивила, а она туда и не приѣзжала; и объ немъ разное говорятъ: одни — будто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другіе увѣряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя письмо отъ англійскаго министра Гамильтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него паспорта для проѣзда въ Римъ, что онъ для услуги ея и сдѣлалъ, а изъ Рима получилъ отъ нея письмо, гдѣ она себя принцессой называетъ. Я же всѣ оныя письма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе вашему императорскому величеству при семъ посылаю. А отъ меня нарочный того же дня посланъ въ Римъ штата моего генеральсь-адъютантъ Иванъ Христенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и стараться познакомиться съ нею; притомъ, чтобъ онъ общалъ, что она во всемъ можетъ на меня положиться, и буде уговорить, чтобы привезть ее ко мнѣ съ собою. А министру англійскому я отвѣчалъ, что это надобно быть самой сумасбродной и безумной женщиной, однакожъ притомъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть ее, и притомъ просилъ его, чтобы присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ.... Но и что впредь будетъ происходить, о томъ не упушу доносить вашему император-

*

скому величеству, и всё силы употреблю, чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываньи. Я жъ, повергая себя къ священнымъ вашимъ стопамъ, пребуду навсегда вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей моей государыни, всеподданнѣйшій рабъ графъ Алексѣй Орловъ.»

Развязка дѣйствительно близко.

Христенекъ уже бродить подъ окнами своей жертвы. Распрашиваешь о ней прислугу, отзывается о ней съ крайней почтительностью.

Ей передаютъ объ этомъ. Первая мысль—русская засада, агентъ, шпионъ.

Но испугъ проходить: какая-то нравственная слѣпота толкаетъ ее въ пропасть.

Она принимаетъ Христенека. Христенекъ говоритъ своей жертвѣ о глубокомъ участіи къ ней Орлова.

Снова испугъ—а потомъ опять ослѣпленіе.

Роскошная жизнь истощила всё ея средства и денегъ достать не откуда. А тутъ Христенекъ нашептываетъ, что Орловъ признаетъ ее за дочь Елизаветы Петровны, предлагаетъ ей свою руку и русскій престолъ, на который онъ возведетъ ее, произведя въ Россіи возмущеніе, такъ какъ народъ не доволенъ Екатериной.

Христенекъ показываетъ даже письмо Орлова въ этомъ смыслѣ.

Жертва отдается въ руки Христенека. Посылая къ Орлову курьера, она въ письмѣ своемъ къ нему замѣчаетъ: «желаніе блага Россіи во мнѣ такъ искренно, что никакое обстоятельство не въ силахъ остановить меня въ исполненіи своего долга.»

10-го февраля она уже подъ именемъ графини Селинской выѣзжаетъ изъ Рима въ двухъ каретахъ. За нею ѣдутъ Доманскій, Чарномскій, Франциска фонъ-Мешедѣ и слуги. Народъ провожаетъ ее кликами «вивать», а она бросаетъ въ толпу деньги.

Христенекъ ѣдетъ слѣдомъ за нею.

Жертва Орлова, наконецъ, въ Пизѣ, у него въ рукахъ. Но она еще опасна для него—ее нельзя схватить, нельзя арестовать, потому что это было бы нарушеніемъ международныхъ правъ, и священная римская имперія не позволила бы этого Россіи. Притомъ, жертва эта сильна своею популярностью: народъ вездѣ встрѣчаетъ ее какъ царственную особу, а иезуиты, считая ее тоже своею жертвою, способны были бы отплатить за нее Орлову ядомъ, кинжаломъ.

Графиню Селинскую окружаетъ свита въ шестьдесятъ человекъ—вся обстановка царственная. Орловъ относится къ ней болѣе чѣмъ почтительно — онъ ведетъ себя какъ ея вѣрноподанный: каждый день является къ ней въ парадной формѣ и въ лентѣ и не садится въ ея присутствіи.

Орловъ изучаетъ ее, выпытываетъ, что ему нужно: несмотря на то, что она рассказала ему нѣкоторыя изъ извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ ея жизни, онъ ищетъ въ ней что-то другое.

«Оная женщина росту небольшого, тѣла очень сухаго, лицемъ ни бѣла, ни черна, косы и брови темнорусы, а на лицѣ есть веснушки. Говоритъ хорошо по французски, по нѣмецки, немного по итальянски, разумѣетъ по англійски, думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только ни какъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говорить... Свойство имѣетъ она довольно отважное и своею смѣлостью много хвалится»,—такъ описываетъ ее Орловъ въ своемъ донесеніи императрицѣ.

Въ теченіе недѣли Орловъ окончательно увлекаетъ ее своей любезностью, предупредительностью—и страстная женщина отдается своему тюремщику.

А тюремщикъ между тѣмъ доноситъ императрицѣ: «Она ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею

быть очень страстенъ. Наконецъ я ее увѣрилъ, что я бы съ охотой женился на ней, и въ доказательство, хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достигъ бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить, но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ.»

Въ это время, по предварительному уговору Орлова съ англійскимъ консуломъ въ Ливорно, сэръ-Джонъ-Дикомъ, этотъ послѣдній увѣдомляетъ Орлова, будто, по случаю столкновенія тамъ англійскихъ чиновниковъ съ русскими, необходимо личное присутствие графа. Узнавъ объ его отъѣздѣ, влюбленная женщина не имѣетъ силъ расстаться съ Орловымъ и рѣшается сопровождать его въ Ливорно.

Жертва сама отдавалась въ руки. Въ Ливорно стояла русская эскадра, которая и могла увезти плѣнницу въ Россію.

Въ пріѣзду своихъ знатныхъ гостей сэръ-Джонъ-Дигъ готовилъ роскошный обѣдъ. На другой день такой же роскошный завтракъ. Жертва не догадывается, что настоящій ея тюремщикъ не Орловъ, а англійскій консулъ.

По улицамъ города народъ толпами встрѣчаетъ таинственную принцессу, окруженную царскимъ блескомъ. Вечеромъ она въ оперѣ— но это канунъ ея тюрьмы, послѣдній вечеръ свободы.

За завтракомъ у консула заходитъ рѣчь о русскомъ флотѣ. Принцесса изъявляетъ желаніе видѣть его, полюбоваться морскими маневрами.

Все общество отправляется на рейдъ. Народъ опять провожаетъ восторженными кликами русскую великую княжну.

На корабляхъ играетъ музыка. Раздаются пушечные выстрѣлы— это царскій салютъ. Матросы стоятъ на реяхъ. Принцессу встрѣ-

чаютъ громкимъ «ура»: ее, внучку Петра Великаго, привѣтствуетъ созданный имъ флотъ, приготовившій ей тюрьму.

Принцессу поднимаютъ на палубу адмиральскаго корабля «Трехъ Іерарховъ» посредствомъ спущеннаго кресла. Орловъ проводитъ ее между рядовъ офицеровъ—а кругомъ гремитъ «ура»!

Общество пьетъ здоровье принцессы. Начинаются маневры. Всѣ выходятъ изъ каютъ на палубу. Орловъ, контръ-адмиралъ Грейгъ, Христенекъ, жена контръ-адмирала, жена консула, Чарномскій, Доманскій—всѣ стоятъ въ почтительномъ отдаленіи отъ «Елизаветы».

Стоя у борта и глядя на маневры, принцесса забываетъ видимому все окружающее.... Она царица—это ея подданные....

Вдругъ она слышитъ, что позади ея кто-то повелительнымъ тономъ требуетъ шпаги у Христенека, Доманскаго и Чарномскаго. Она оборачивается: передъ ней стоитъ незнакомый офицеръ.... Именемъ императрицы онъ объявляетъ арестъ!

Это былъ гвардейскій капитанъ Литвиновъ. Ни Орлова, ни Грейга, ни дамъ—никого нѣтъ.... Точно все, что происходило за нѣсколько минутъ назадъ, былъ сонъ. Да, это дѣйствительно былъ ужасный сонъ.

— Что это значить? - строго спрашиваетъ принцесса.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества вы арестованы, - отвѣчаетъ Литвиновъ.

— Гдѣ графъ Орловъ? - вскрикиваетъ она.

— Арестованъ по приказанію адмирала.

Обморокъ. Безчувственную арестантку относить въ каюту.

Судьба сводитъ послѣдніе счета таинственной личности.

Когда къ плѣнницѣ воротилось сознаніе, она пишетъ къ Грейгу письмо, рѣзко протестуетъ противъ сдѣланнаго ей насилія и требуетъ назадъ свою свободу.

Грейгъ ничего не отвѣчалъ.

Плѣнница пишетъ къ Орлову. Она зоветъ его къ себѣ. Она проситъ разъяснить ей, что случилось.

«Я готова на все, что ни ожидаетъ меня, - - писала она, - - но постоянно сохраняю чувства мои къ вамъ, несмотря даже на то, навсегда ли вы отняли у меня свободу и счастье, или еще имѣете возможность и желаніе освободить меня отъ ужаснаго положенія.»

«Ахъ! - - отвѣчаетъ ей Орловъ: - - въ какомъ мы несчастіи! но не надо отчаяваться—будемъ терпѣть. Всемогуцій Богъ не оставитъ насъ. Я нахожусь въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ и вы, но преданность моихъ офицеровъ подаетъ мнѣ надежду на освобожденіе. Адмиралъ Грейгъ, по дружбѣ своей, давалъ-было мнѣ возможность бѣжать. Я спрашивалъ его, что за причина поступка, сдѣланнаго имъ. Онъ сказалъ, что получилъ повелѣніе и меня, и всѣхъ, кто при мнѣ находится, взять подъ стражу. Я сѣлъ въ шлюпку и проплылъ-было уже мимо всѣхъ кораблей. Меня не замѣтили. Но вдругъ увидалъ я два корабля передъ собой и два сзади, всѣ они направились къ моей шлюпкѣ. Видя, что дѣло плохо, я велѣлъ грести изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ кораблей; мои люди хорошо исполнили мое приказаніе, но одинъ изъ кораблей догналъ меня, къ нему подошли другіе, и моя шлюпка была окружена со всѣхъ сторонъ. Я спросилъ: «что это значитъ? пьяны что ли вы?» но мнѣ очень учтиво отвѣчали, что они имѣютъ приказаніе просить меня на корабль со всѣми находившимися при мнѣ офицерами и солдатами. Когда я взвошелъ на бортъ, командиръ корабля со слезами на глазахъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ. Я долженъ былъ покориться своей участи. Но надѣюсь на Всемогущаго Бога. Онъ не оставитъ насъ. Что касается адмирала Грейга, онъ будетъ оказывать вамъ всевозможную услужливость, но прошу васъ, хотя на первое только время, не пользоваться его преданностію къ вамъ; онъ будетъ очень остороженъ. Мнѣ остается просить васъ, чтобы

вы берегли свое здоровье, а я какъ только получу свободу, буду искать васъ по всему свѣту и отыщу, чтобы служить вамъ. Только берегите себя, объ этомъ прошу васъ отъ всего сердца. Ваше письмо я получилъ, ваши строки я читалъ со слезами, видя, что вы меня обвиняете въ своемъ несчастіи. Берегите же себя. Предоставьте судьбу нашу Всемогущему Богу и вѣритеся ему. Я еще не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо до васъ, но надѣюсь, что адмиралъ будетъ настолькоъ любезенъ и справедливъ, что передастъ его вамъ. Отъ всего сердца цѣлую ваши ручки.»

Орловъ всего болѣе заботится о томъ, чтобы живою доставить ее въ Петербургъ, оттого и умоляя беречь здоровье.

Въ Пизѣ, между тѣмъ, шелъ арестъ ея бумагъ и части прислуги. Остальная свита была распущена.

Арестъ таинственной красавицы произвелъ въ населеніи Ливорно сильное негодованіе. Народъ грозилъ русскимъ; толпы подъѣзжали въ шляпкахъ къ кораблямъ; но русскіе матросы грозили, что будутъ стрѣлять въ толпу. Тосканскій дворъ также негодовалъ и протестовалъ противъ нарушенія международныхъ правъ.

Опасаясь, что плѣнница съ тоски не осилитъ переѣзда до Петербурга, Орловъ велѣлъ доставить ей книгъ для чтенія. Но она скоро поняла свою участь, и не дотрогивалась до нихъ.

Черезъ пять дней русская эскадра вышла въ море. Самъ Орловъ, боясь, что его умертвятъ въ Италиі за сдѣланное имъ женщиной насиліе, безъ дозволенія императрицы ускакалъ въ Россію сухимъ путемъ, въ торопяхъ пославъ императрицѣ черновое донесеніе о совершенномъ имъ подвигѣ.

«Угодно было вашему императорскому величеству повелѣть: доставить называющую принцессу Елизавету, которая находилась въ Рагузахъ (писалъ Орловъ). Я со всеподданническою моею рабскою должностію, чтобы повелѣніе вашего величества исполнить, упо-

треблялъ всѣ возможныя мои силы и старанія, и счастливымъ себя почитаю, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею ея свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ нею содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и рассажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; посчастливилось мнѣ оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она, камермедхенъ ея, два дворянина польскихъ и нѣсколько слугъ, которыхъ имена при семъ прилагаю...

«Признаюсь, -- говорить онъ далѣе, -- всемилостивѣйшая государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окормлену. Я жъ ее привезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ ея кавалерами, и препоручилъ надъ нею смотрѣніе контръ-адмиралу Грейгу, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о ея здоровьи, и представленъ одинъ лѣкарь; берегся бы, чтобъ она, при стояніи въ портахъ, не ушла, тожъ никакого письмаца никому не передала. Равно велѣно смотрѣть и на другихъ суднахъ за ея свитою. Во услуженіи же оставлена у ней ея дѣвка и камердинеръ. Всѣ жъ письма и бумаги, которыя у ней находились, при семъ на разсмотрѣніе посылаю съ подписаніемъ номеровъ: я надѣюсь, что найдется тутъ нѣсколько польскихъ писемъ о конфедерациі, противной вашему императорскому величеству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена тѣхъ, кто они таковы. Контръ-адмиралу же Грейгу приказано отъ меня, по пріѣздѣ его въ Кронштадтъ, никому оной женщины не вручать безъ особливаго именнаго указа вашего императорскаго величества.»

Затѣмъ онъ описываетъ ея наружность, а потомъ говорить о томъ, чтѣ узналъ о ней.

«Я все оное отъ нея самой слышала - - продолжаетъ онъ: - - сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Персіи и тамъ очень великую партію имѣеть; изъ Россіи же унесена она въ малолѣтствѣ однимъ попомъ и нѣсколькими бабами; въ одно время была окормлена, но скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Персіи же ѣхала чрезъ татарскія мѣста, около Волги; была и въ Петербургѣ, а тамъ, чрезъ Ригу и Кенигсбергъ, въ Потсдамѣ была и говорила съ королемъ прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто она такова; знакома очень между германскими князьями, а особливо съ трирскимъ и съ княземъ Голштейнъ-Шлезвигъ или люнебургскимъ; была во Франціи, говорила съ министрами, давъ мало о себѣ знать; вѣнскій дворъ въ подозрѣніи имѣеть; на шведскій и прусскій очень надѣется; вся конфедерація ей очень извѣстна и всѣ начальники оной; намѣрена была отсель ѣхать въ Константинополь прямо къ султану, и уже одинъ отъ нея самый вѣрный человекъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала. По объявленію ея въ разговорахъ, этотъ человекъ персіанинъ и знаетъ восемь или девять языковъ разныхъ, говоритъ оными всѣми очень чисто. Я жъ моего собственнаго о ней заключенія не дѣлаю, потому что не могъ узнать въ точности, кто она дѣйствительно. Свойство она имѣеть довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: этимъ-то самымъ мнѣ и удалось ее завести куда я желалъ.»

Говоря потомъ, какъ онъ влюбилъ ее въ себя, чтобъ легче обмануть, и какъ подобнымъ же образомъ обманулъ другую свою «невѣсту Шмитшу» (она надзирала во дворцѣ за фрейлинами), Орловъ прибавляетъ: «Могу теперь похвастать, что имѣлъ невѣсть богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать, я почитаю за должность все вамъ доносить, такъ какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить. Прошу и того мнѣ не причестъ въ вину, буде я по обстоятельству дѣла

принужденъ буду, для спасенія моей жизни, и команду оставя, уѣхать въ Россію и упасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, препоручая мою команду одному изъ генераловъ, по мнѣ младшему, какой здѣсь на-лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать, и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать: я всего больше опасуюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ. И она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней привязанности, и я принужденъ былъ ее подарить своимъ портретомъ, который она при себѣ имѣетъ, а если захотятъ и въ Россіи мнѣ недоброхотствовать, то могутъ поэтому придратъся ко мнѣ, когда захотятъ. Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется (Орловъ подозрѣвалъ Ив. Ив. Шувалова, но напрасно: то была рука князя Лимбурга). При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ-подъ аресту, тожъ каковое она писала и контръ-адмиралу Грейгу, на рассмотрѣніе. И она по сіе время все-еще вѣритъ, что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь выйдти изъ-подъ караула, а послѣ могу и ее спасти. Теперь я не имѣю времени обо всемъ донести за краткостію время, а можетъ о многомъ доложить генераль-адъютантъ моего штаба. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на однѣ сутки на кораблѣ. Флотъ, подъ командою Грейга, состоящій въ пяти корабляхъ и одномъ фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ дано знать въ Англію къ министру, чтобъ оный, по прибытіи въ портъ англійскій, былъ всеѣмъ отъ него снабженъ. Флоту жъ велѣно, какъ возможно, поспѣшать къ своимъ водамъ.

Всемилоостивѣйшая государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое донесеніе къ вашему императорскому величеству посылаю; опасаясь, чтобы въ точности дѣла не провѣдали и не захватили курьера и со всѣми бумагами.»

Раздраженіе итальянцевъ противъ Орлова дѣйствительно было сильно: по Европѣ разнесся слухъ, что онъ самъ собственноручно умертвилъ свою жертву, по отплытіи русской эскадры отъ итальянскихъ береговъ, именно въ Бордо.

До самаго Плимута плѣнница была еще нѣсколько покойна: она все надѣялась, что на англійскихъ водахъ Орловъ освободитъ ее—она все-еще вѣрила ему.

Въ Плимутѣ же, когда эскадра отходила по направленію къ Россіи, несчастная все поняла. Ею овладѣло бѣшенство. Но она лишилась чувствъ, и ее вынесли на палубу.

Она была беременна отъ Орлова, а между тѣмъ чохотка видимо съѣдала ее.

Очнувшись на палубѣ, она бросилась къ борту, чтобы спрыгнуть въ адмиральскую шлюпку; но ее схватили.

На берегъ стали собираться толпы любопытныхъ. Грейгъ поторопился отплытіемъ изъ Плимута.

«Я во всю жизнь мою никогда не исполнялъ такого тяжелаго порученія», писалъ онъ Орлову.

Но вотъ 11 мая корабли бросили якорь въ кронштадтскомъ рейдѣ. Экипажу подъ страхомъ смерти запрещено было говорить о плѣнницѣ.

Донесли императрицѣ, которая была въ Москвѣ, послѣ казни Пугачова, «братца» привезенной плѣнницы.

«Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ (собственноручно писала Екатерина). Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа и увѣдомилась, васъ

поздравляю и весьма вѣстію сею обрадовалась. Чтожь касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу князю Голицыну въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметь. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во всегдашней моей памяти, и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства.»

Всѣ распоряженія относительно важной плѣнницы производились въ глубочайшей тайнѣ.

Глубокою таинственностью окутанъ и самый вѣздъ этой женщины въ Петербургъ.

24 мая, вечеромъ, Голицынъ требуетъ къ себѣ капитана преображенскаго полка Александра Толстого, и объявляетъ ему, что по высочайшей волѣ на него возлагается чрезвычайно важное секретное порученіе. Въ другой комнатѣ, у наоя съ крестомъ и евангелиемъ, уже ждалъ священникъ. Толстого привели къ присягѣ въ томъ, что подъ страхомъ строжайшаго наказанія онъ будетъ вѣчно молчать о томъ, что предстоитъ ему исполнить въ слѣдующую ночь. Послѣ присяги фельдмаршалъ приказалъ капитану тою же ночью ѣхать съ командой въ Кронштадтъ, принять съ корабля «Трехъ Іерарховъ», отъ адмирала Грейга, женщину и находящихся при ней людей, тайно провезти ихъ въ петропавловскую крѣпость и сдать коменданту Чернышеву. Команда, наряженная съ Толстымъ, также даетъ клятву вѣчнаго молчанія.

Въ эту же ночь особая яхта приплыла въ Кронштадтъ — это была команда, посланная за плѣнницей. Въ Кронштадтѣ она пристала прямо къ «Тремъ Іерархамъ». Для большей осторожности Грейгъ приказалъ Толстому и его командѣ весь слѣдующій день до ночи не выходить даже изъ каютъ, чтобы никто на рейдѣ не видѣлъ, что за люди и откуда и зачѣмъ они пріѣхали.

Въ слѣдующую ночь таинственная плѣнница была уже въ александревскомъ рavelинѣ, а утромъ начались допросы.

Не станемъ говорить о допросахъ и показаніяхъ Доманскаго, Черномскаго, Франциски фонъ-Мешедѣ и Кальфигнера, потому что это слишкомъ увеличило бы объемъ настоящаго очерка.

Остановимся нѣсколько на допросѣ самой принцессы: въ этомъ допросѣ, ея показаніяхъ, въ ея удивительной стойкости и, наконецъ, въ ея страшномъ концѣ такъ много трагическаго.

Ее допрашивали по-французски.

Когда князь Голицынъ взошелъ въ ея казематъ, она пришла въ сильное волненіе. Но это была не робость, а гнѣвъ. Съ достоинствомъ и повелительнымъ тономъ плѣнница спросила князя:

— Скажите мнѣ, какое право имѣютъ такъ жестоко обходиться со мной? По какой причинѣ меня арестовали и держать въ заключеніи?

Князь строго замѣтилъ ей, что она должна дать прямые и неуклончивые отвѣты на все, о чемъ ее будутъ спрашивать, и началъ допросъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Елизаветой, -- отвѣчала плѣнница.

— Кто были ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Какой вы вѣры?

— Я крещена по греко-восточному обряду.

— Кто васъ крестилъ и кто были воспріемники?

— Не знаю.

— Гдѣ провели вы дѣтство?

— Въ Килѣ, у одной госпожи — Пере или Перонъ.

— Кто при васъ находился тогда?

— При мнѣ была нянька, ее звали Катериной. Она нѣмка, родомъ изъ Голштиніи.

О своемъ дѣтствѣ она прибавила новыя подробности.

— Въ Киль - - говоритъ она - - меня постоянно утѣшали скорымъ пріѣздомъ родителей. Въ началѣ 1762 года, когда мнѣ было девять лѣтъ отъ-роду (слѣдовательно тотчасъ по кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны — замѣчательнъ этотъ фактъ), пріѣхали въ Киль трое незнакомцевъ. Они взяли меня у госпожи Перонъ и вмѣстѣ съ нянькой Катериной, сухимъ путемъ, повезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ сказали мнѣ, что родители мои въ Москвѣ и что меня повезутъ туда. Меня повезли, но не въ Москву, а куда-то далеко, на персидскую границу, и тамъ помѣстили у одной образованной старушки, которая, помню я, говорила, что она сослана туда по повелѣнію императора Петра III. Эта старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко вблизи кочевья какого-то полудикаго племени. Здѣсь у пріютившей меня старушки прожила я годъ и три мѣсяца, и почти во все это время была больна.

— Чѣмъ вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро даннымъ противоядіемъ жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова отъ послѣдствій даннаго мнѣ яда.

— Кто еще находился при васъ въ это время?

— Кромѣ Катерины, еще новая нянька; отъ нея я узнала нѣсколько словъ похожихъ на русскія. Потомъ начала въ томъ же домѣ у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но впоследствии забыла его. На персидской границѣ я была не въ безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такіе я не знала и до сихъ поръ не знаю, искали случая препроводить меня въ совершенно безопасное мѣсто. Въ 1763 году, съ помощью одного

татарина, нянькѣ Катеринѣ удалось бѣжать вмѣстѣ со мной, десятилѣтнимъ ребенкомъ, изъ предѣловъ Россіи въ Багдадъ. Здѣсь принялъ меня богатый персіянинъ Гаметъ, къ которому нянька Катерина имѣла рекомендательныя обо мнѣ письма. Годъ спустя, въ 1764 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, другъ персіянина Гамета, князь Гали, перевезъ меня въ Испагань, гдѣ я получила блистательное образованіе подъ руководствомъ француза Жана Фурнье. Гали мнѣ часто говаривалъ, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны. Тоже постоянно говорили мнѣ и другіе окружавшіе меня люди.

— Кто такіе эти люди, внушившіе вамъ такую мысль?

— Кромѣ князя Гали, теперь никого не помню. Въ Персіи я пробыла до 1769 года, пока не возникли народныя волненія и безпорядки въ этомъ государствѣ. Тогда Гали рѣшился удалиться изъ Персіи въ Европу. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда онъ повезъ меня изъ Персіи. Мы выѣхали сначала въ Астрахань, гдѣ, вмѣсто сопровождавшей насъ персидской прислуги, Гали нанялъ русскую, принялъ имя Крымова и сталъ выдавать меня за свою дочь.

Потомъ она рассказала о своей жизни въ Европѣ — все что уже намъ извѣстно, только съ нѣкоторыми измѣненіями.

Выслушавъ весь ея рассказъ, князь Голицынъ снова началъ допросъ:

— Вы должны сказать, по чьему наученію выдавали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны.

— Я никогда не была намѣрена выдавать себя за дочь императрицы, -- отвѣчала она твердо.

— Но вамъ говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мнѣ говорилъ это въ дѣтствѣ моему князь Гали, говорили и другіе, но никто не побуждалъ меня выдавать себя за

русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза не утверждала, что я дочь императрицы.

Голицынъ показалъ ей отобранныя у нея завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также известный намъ «манифестигъ», посланный ею изъ Рагузы къ Орлову.

— Что вы скажете объ этихъ бумагахъ? - - спросилъ онъ.

— Это тѣ самые документы, что были присланы ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи. Я говорила вамъ о нихъ.

— Кто писалъ эти документы?

— Не знаю.

— Послушайте меня, - - сказалъ князь Голицынъ: - - ради вашей же собственной пользы, скажите мнѣ все откровенно и чистосердечно. Это одно можетъ спасти васъ отъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій.

— Говорю вамъ чистосердечно и съ полною откровенностію, господинъ фельдмаршалъ, - - съ живостью отвѣчала плѣнница, - - и въ доказательство чистосердечія признаюсь вотъ въ чемъ. Получивъ эти бумаги и прочитавъ ихъ, стала я соображать и воспоминанія моего дѣтства, и старанія друзей укрыть меня внѣ предѣловъ Россіи, и слышанное мною впоследствии отъ князя Гали, въ Парижѣ отъ разныхъ знатныхъ особъ, въ Италиі отъ французскихъ офицеровъ и отъ князя Радзивила относительно моего происхожденія отъ русской императрицы. Соображая все это съ бумагами, присланными ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, я, дѣйствительно, иногда начинала думать, не я ли въ самомъ дѣлѣ то лицо, въ пользу котораго составлено духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимнаго письма приходило мнѣ въ голову, не послѣдствіе ли это какихъ-либо политическихъ соображеній?

— Съ какою же цѣлію писали вы къ графу Орлову и посылали ему завѣщаніе и проектъ манифеста?

— Я посылала это къ графу Орлову потому, что пакетъ изъ Венеціи былъ адресованъ на его имя, а ко мнѣ присланъ при анонимномъ письмѣ. И письмо къ нему отъ имени принцессы Елизаветы писала не я — это не моя дѣлука.

Послѣ многихъ іеще вопросовъ и увѣщаній, князь Голицынъ онять настоятельно просилъ свою арестантку открыть ему все.

— Я вамъ открыла все, что знала, -- отвѣчала она рѣшительно. -- Больше мнѣ нечего вамъ сказать. Въ жизни своей приходилось мнѣ много терпѣть, но никогда не имѣла я недостатка ни въ силѣ духа, ни въ твердомъ упованіи на Бога. Совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ преступномъ. Надѣюсь на милость государыни. Я всегда чувствовала влеченіе къ Россіи, всегда старалась дѣйствовать въ ея пользу.

Все было записано, что ни говорила она. Потомъ все это прочли ей и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: Elisabeth.

Но князь Голицынъ не рѣшался послать эти показанія императрицѣ: онъ все-еще надѣялся добиться истины.

До 31 мая онъ все ходилъ въ казематъ къ плѣнницѣ, все уговаривалъ ее сказать правду; но все напрасно.

— Сама я никогда не распространяла слуховъ о моемъ происхожденіи отъ императрицы Елизаветы Петровны. Это другіе выдумали на мое горе, -- твердила она.

Ей показали отвѣты Доманскаго, которые уливали ее именно въ этомъ.

Упрямая женщина не смутилась и твердо сказала: Повторяю, что сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а другихъ.

Надо было наконецъ послать императрицѣ это любопытное дѣло.

Въ своемъ донесеніи фельдмаршалъ добавлялъ о плѣнницѣ: «Она очень больна, докторъ находитъ жизнь ея въ опасности, у нея часто поднимается сухой кашель, и она отхаркиваетъ кровью.»

На другой день по отправленіи донесенія государынѣ Голицынынъ получилъ два письма плѣнницы — одно къ нему, другое къ императрицѣ. Въ первомъ она писала, что не чувствуетъ себя виновной ни передъ Россією, ни передъ императрицею, что иначе не поѣхала бы на русскій корабль, зная, что на палубѣ его она будетъ во власти русскихъ. Императрицу она умоляла смягчиться надъ ея печальною участью, назначить ей аудіенцію, чтобы лично разъяснить ея величеству всѣ недоумѣнія и сообщить очень важныя для Россіи свѣдѣнія.

И это письмо она подписала по-царски: Elisabeth.

«Императрица была сильно раздражена этою лаконическою подписью, -- говоритъ составитель обстоятельной біографіи этой несчастной женщины. -- По правдѣ сказать, какую же другую подпись могла употребить плѣнница? Зовутъ ее Елизаветой, это она знаетъ, но она не знаетъ ни фамиліи своей, ни своего происхожденія. Она была въ положеніи «не помнящей родства»; но во времена Екатерины такого званія людей русское законодательство еще не признавало. Какъ же иначе, если не «Елизаветой», могла подписать плѣнница официальную бумагу? Но императрицѣ показалось другое: она думала, что, подписываясь Елизаветой, «всклепавшая на себя имя» желаетъ указать на дѣйствительность царственнаго своего происхожденія, ибо только особы, принадлежащія къ владѣтельнымъ домамъ, имѣютъ обычай подписываться однимъ именемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Екатерина не повѣрила ни одному слову въ показаніи, данномъ плѣнницей. «Эта наглая лгуныя продолжаетъ играть свою комедію!» сказала она.»

Вслѣдствіе этого, императрица написала Голицыну: «Передайте плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностію и также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіе которой она вторично осмѣлилась подписаться Елизаветой. Примите въ отношеніи къ ней надлежація мѣры строгости, чтобы, наконецъ, ее образумить, потому что наглость письма ея ко мнѣ уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ.»

Тогда Голицынъ посылаетъ въ казематъ секретаря слѣдственной комиссіи Ушакова объявить арестантѣ, что въ случаѣ ея дальнѣйшаго упорства прибѣгнуть къ «крайнимъ способамъ» для узнанія самыхъ «тайныхъ ея мыслей». Несчастная влялась, что показала только сухую правду, и говорила съ такою твердостью, съ такою увѣренностію, что Ушаковъ, возвратясь къ фельдмаршалу, выразилъ ему свое личное убѣжденіе, что плѣнница сказала всю правду.

Тогда Голицынъ опять самъ пошелъ къ ней. Онъ обѣщалъ ей помилованіе, прощеніе всего, лишь бы она сказала всю правду и объявила, откуда получила копіи съ духовныхъ завѣщаній Петра, Екатерины I и Елизаветы.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, клянусь вѣчною мукой, - - съ чувствомъ говорила заключенная, - - не знаю, кто прислалъ мнѣ эти несчастныя бумаги. Проступокъ мой состоитъ лишь въ томъ, что я, отправивъ къ графу Орлову часть полученныхъ бумагъ, не уничтожила остальные. Но мнѣ въ голову придти не могло, чтобъ это упущеніе когда-нибудь могло довести меня до столь бѣдственнаго положенія. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мнѣ эту ошибку и самимъ Богомъ обѣщаюсь хранить вѣчно о всемъ этомъ дѣлѣ молчаніе, если меня отнустятъ за границу.

— Такъ вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю всемилостивѣйшей государыни?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться, кромѣ того, что я прежде сказала, а больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господинъ фельдмаршалъ. Видитъ Богъ, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все, -- сурово сказалъ фельдмаршалъ смотрителю равелина: -- все, кромѣ постели и самаго необходимаго платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ея не допускать къ ней. Офицеръ и двое солдатъ день и ночь должны находиться въ ея комнатѣ.

Услыхавъ этотъ жесткій приговоръ, несчастная залилась слезами. Твердость духа, столь упорно державшаяся въ больной, покинула ее.

Два дня и двѣ ночи проплакала она. Тюремщики не отходили отъ нея. Ни она ихъ не понимала, ни они ее. Двое сутокъ она ничего не ѣла. Чахотка съѣдала ее: она кусками отхаркивала кровь.

Знаками она успѣла заставить догадаться своихъ сторожей, что ей хотѣлось бы написать письмо. Ей дали перо, бумагу и чернила.

Она вновь написала фельдмаршалу обширное письмо, доказывая свою невинность, доказывая, наконецъ, бессмысленность попытокъ, въ которыхъ ее обвиняли. Она говорила, что не виновата въ томъ, что за границей ее называли всѣми возможными именами— и дочерью Елизаветы, и сестрою Іоанна Антоновича, дочерью, наконецъ, султана. «Да еслибъ, наконецъ, -- прибавила она, -- весь свѣтъ былъ увѣренъ, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно мною изменено быть не можетъ. Еще разъ умоляю васъ, князь, сжалятесь

надо мной и надъ невинными людьми, погубленными единственно потому, что находились при мнѣ.»

И вотъ начинаются новыя посѣщенія каземата княземъ Голицынымъ, новые спросы, передопросы, усовѣщиванья, наконецъ угрозы «крайними мѣрами».

— Я сказала вамъ все, что знаю, -- продолжала настаивать несчастная. -- Чего же вы отъ меня еще хотите? Знайте, господинъ фельдмаршалъ, что нетолько самыя страшныя мученья, но сама смерть не можетъ заставить меня отказаться въ чемъ-либо отъ перваго моего показанія.

Голицынъ сказалъ, что послѣ этого она не должна ждать никакой пощады.

«Но -- прибавляетъ биографъ -- видъ почти умирающей красавицы, видъ женщины, привыкшей къ хорошему обществу и къ роскошной обстановкѣ жизни, а теперь заключенной въ одной комнатѣ съ солдатами, содержимой на грубой арестантской пищѣ, больной, совершенно разстроенной, убитой и физически и нравственно, не могъ не поразить мягкосердаго фельдмаршала. Онъ былъ одинъ изъ добрѣйшихъ людей своего времени, отличался великодушiемъ и пользовался любовью всѣхъ знавшихъ его. Забывая приказанія императрицы принять въ отношеніи къ плѣнницѣ мѣры строгости, добрый фельдмаршалъ, выйдя изъ каземата, приказалъ опять допустить къ ней Франциску фонъ-Мешедѣ, улучшить содержаніе плѣнницы, стражѣ удалиться за дверь и только смотрѣть, чтобы плѣнница не наложила на себя рукъ. Голицынъ замѣтилъ въ ея характерѣ такъ много рѣшительности и энергiи -- свойствъ, которыми самъ онъ вовсе не обладалъ, -- что не безъ основаній опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубійство. Она была способна на то, что доказала на кораблѣ «Трехъ Иерарховъ».

Обо всемъ этомъ Голицынъ донесъ императрицѣ 18 іюня.

29 іюня императрица отвѣчала фельдмаршалу:

«Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполне извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужія имена и титулы. Если она будетъ продолжать упорствовать въ своей лжи, она будетъ предана самому строгому суду.»

Говорять, что въ это время плѣнницу навѣстилъ графъ Алексѣй Орловъ. О свиданіи его съ своей жертвой послѣ рассказывалъ тюремщикъ, которому слышно было, какъ несчастная женщина въ чемъ-то сильно упорала своего предателя, кричала на него и топала ногами. Чтѣ они говорили между собой — никто не знаетъ. Безъ сомнѣнія, ужасно было это свиданье: вѣдь жертва готовилась быть матерью ребенка отъ того самаго человѣка, который ее предалъ, а теперь стоялъ передъ нею...

Въ это время императрица прислала изъ Москвы къ Голицыну двадцать такъ-называемыхъ «доказательныхъ статей», составленныхъ на основаніи показаній самой плѣнницы, ея свиты и захваченной у нихъ переписки. «Эти статьи -- писала Екатерина, повелѣвая передпросить арестантку, -- совершенно уничтожатъ всѣ ея ложныя выдумки.»

Но и «доказательными статьями» отъ плѣнницы ничего не добились. Даже добрыйшаго фельдмаршала взорвала непоколебимая стойкость этой почти умирающей молоденькой женщины.

Отъ нея онъ пошелъ въ казематъ Доманскаго.

— Вы въ своемъ показаніи утверждали, что самозванка неоднократно передъ вами называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, -- сказалъ ему Голицынъ. -- Рѣшитесь ли вы уличить ее въ этихъ словахъ на очной ставкѣ?

Доманскій смутился. Но, нѣсколько оправившись и придя въ себя, онъ твердо отвѣчалъ, что—нѣтъ, что такого показанія онъ не давалъ.

Голицына разсердило это упорство.

Отъ Доманскаго, которому онъ пригрозилъ очной ставкой съ Чарномскимъ, фельдмаршалъ отправился въ казѣмать этого послѣдняго.

Но и очная ставка сначала не помогла. Доманскій утверждалъ, что плѣнница не называла себя дочерью императрицы. Но потомъ сбился въ словахъ, запутался и сталъ умолять о помилованьи.

— Умоляю васъ, простите мнѣ, что я отрекся отъ перваго моего показанія и не хотѣлъ стать на очную ставку съ этою женщиной. Мнѣ жаль ее, бѣдную. Наконецъ я откроюсь вамъ совершенно: я любилъ ее, и до сихъ поръ люблю безъ памяти. Я не имѣлъ силъ покинуть ее, любовь приковала меня къ ней, и вотъ— довела до заключенія.

— Какія же были у васъ надежды?—спросилъ его Голицынъ.

— Никакихъ, кромѣ ея любви. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться ея мужемъ. Объ ея происхожденіи я никогда ничего не думалъ и никакихъ воздушныхъ замковъ не строилъ. Я желалъ только любви ея, и больше ничего. Еслибъ и теперь выдали ее за меня замужъ, хотъ даже безъ всякаго приданаго, я бы счелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Ему и ей дали очную ставку. Они говорили по-итальянски.

Смущенный и растерянный Доманскій сказалъ ей, что она называла себя иногда дочерью императрицы.

Рѣзко взглянула на него плѣнница, но ничего не сказала.

Доманскій совершенно потерялся.

— Простите меня, что я сказалъ, но я долженъ былъ сказать это по совѣсти, - - говорилъ онъ въ смущеніи.

Спокойнымъ и твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза Доманскому, плѣнница отвѣчала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобнаго 'серьезно я не говорила и никакихъ мѣръ для распространенія слуховъ, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не предпринимала.

Такъ и эта очная ставка ничѣмъ не кончилась.

Прошло еще нѣсколько дней. Въ Москвѣ празднуютъ кучукъ-кайнарджійскій миръ. Голицыну жалуютъ брильянтовую шпагу «за очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ».

А Голицынъ, между тѣмъ, пишетъ императрицѣ о своей арестантѣ: «Пользующій ее докторъ полагаетъ, что при продолжающихся постоянно сухомъ кашлѣ, лихорадочныхъ припадкахъ и кровохарканіи ей жить остается не долго. Дѣйствовать на ея чувство чести или на стыдъ совершенно бесполезно, однимъ словомъ—отъ этого безсовѣстнаго созданія ничего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ знаній свѣдѣніяхъ, наконецъ при привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной ея наружности, нисколько не удивительно, что она возбуждала въ людяхъ, съ ней обращавшихся, чувство довѣрія и даже благоговѣніе къ себѣ. Адмиралъ Грейгъ, на основаніи разговора ея, думаетъ, что она полька. Нѣтъ, ее за польку принять не возможно. Она слишкомъ хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а взятые съ ней поляки утверждаютъ, что она только въ Рагузѣ заучила нѣсколько польскихъ словъ, а языка польскаго вовсе не знаетъ.»

Почти умирающая, она все-еще однако не теряетъ надежды на свободу, на жизнь.

Она снова проситъ бумаги и перо. Докладываютъ объ этомъ Голицыну. Тотъ думаетъ, что ожиданіе близкой смерти, быть можетъ, заставитъ ее распутать наконецъ тайну, отъ которой дѣйстви-

тельно у всѣхъ могла голова закружиться,—такая масса фактовъ, и никакого вывода!

Ей даютъ перо и бумагу. Она снова пишетъ обширное письмо, исполненное самаго безотраднaго отчаянья. Пишетъ и императрицѣ письмо и особую записку.

Не приводимъ этихъ новыхъ подробностей о таинственной женщинѣ: тутъ цѣлыя массы фактовъ, сложныхъ, запутанныхъ, невѣроятныхъ,—и факты эти не вымышленные, и всѣ эти факты группируются около одной личности, около этой непонятной, умирающей женщины.

«Требуютъ теперь отъ меня свѣдѣній о моемъ происхожденіи — пишетъ она между прочимъ:--но развѣ самый фактъ рожденія можетъ считаться преступленіемъ? Если же изъ него хотять сдѣлать преступленіе, то надо бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ и сама я ничего не знаю.»

Или въ другомъ мѣстѣ: «Вмѣсто того, чтобъ предъявить мнѣ положительныя сомнѣнія въ истинѣ моихъ показаній, мнѣ твердятъ одно, и притомъ въ общихъ выраженіяхъ, что меня подозрѣваютъ, а въ чемъ подозрѣваютъ, и на основаніи какихъ данныхъ, того не говорятъ. При такомъ направленіи слѣдствія, какъ же мнѣ защищаться противъ голословныхъ обвиненій? Если останутся при такой системѣ производства дѣла, мнѣ, конечно, придется умереть въ заточеніи. Теперешнее мое положеніе при совершенно разстроенномъ здоровьи невыносимо и ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, какъ только съ пыткой на медленномъ огнѣ. Ко мнѣ пристають, желая узнать, какой я религіи; да развѣ вѣра, исповѣдуемая мной, касается чѣмъ-либо интересовъ Россіи?»

А отъ императрицы между тѣмъ новое повелѣніе, отъ 24-го іюля: «Удостоверьтесь въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна? Въ случаѣ видимой опасности узнайте, къ какому испо-

вѣданію она принадлежитъ, и убѣдите ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуеть священника, пошлите къ ней духовника, которому дать наказъ, чтобъ довелъ ее увѣщаніями до раскрытія истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ.»

Боятся, чтобы она не унесла съ собой своей тайны въ могилу.

А генераль-прокуроръ къ этому повелѣнію прибавляетъ: «священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказать хранить молчаніе о всемъ, что онъ услышитъ, увидитъ или узнаетъ».

Но черезъ день императрица шлетъ новое повелѣніе: «Не допрашивайте болѣе распутную лгунью; объявите ей, что она за свое упорство и безстыдство осуждается на вѣчное заключеніе. Потомъ передайте Доманскому, что если онъ подробно расскажетъ все, что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни арестантки, то будетъ обвинчанъ съ нею, и они потомъ получаютъ дозволеніе возвратиться въ ихъ отечество. Если онъ согласится, слѣдуетъ стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе—обвинчать ихъ немедленно, чѣмъ и положить конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то сказать ей, что въ случаѣ отырытія своего происхожденія она тотчасъ же получить возможность возстановить сношенія свои съ княземъ лимбургскимъ.»

Голицынъ снова является къ заключенной. Онъ находитъ ее въ совершенно безнадежномъ состояніи, почти умирающею.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться къ.... смерти? - спрашиваетъ князь, наклонясь къ умирающей.

— Да.

— Какого же вамъ священника, греко-восточнаго или католическаго?

— Греко-восточнаго.

Но больше она говорить не можетъ. Голицынъ уходитъ.

Еще прошло нѣсколько дней. Голицынъ опять въ казематѣ. Это было 1-го августа.

— Я теперь узналъ о вашемъ происхожденіи, -- говоритъ онъ.

«Услышавъ отъ меня сіи слова (доносилъ потому Голицынъ государынѣ), плѣнница сначала видимо поколебалась, но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что она хорошо узнала и опѣнила меня, вполне надѣется на мое доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, а потому откроеть мнѣ всю истину, если я обѣщаю сохранить ее въ тайнѣ. «Но я могу рѣшиться только на письменное признаніе - - сказала она: - - дайте мнѣ для того два дня сроку.»

Прошло два дня. Голицыну докладываютъ, что съ арестанткой случился такой жестокой болѣзненный припадокъ, что она нетолько писать, но даже и говорить не можетъ.

Прошло еще четыре дня. Ей стало легче. Она проситъ доктора сказать фельдмаршалу, что къ 8-му числу постарается кончить свое письмо.

И дѣйствительно кончила, но не одно, а два: къ нему и къ императрицѣ.

Умирающая беременная женщина въ послѣдній разъ проситъ жалиться надъ ней. «Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины - - пишутъ она между прочимъ, - - съ ними я и объясниться не могу. Здоровье мое разстроено, положеніе невыносимо. Лучше я пойду въ монастырь, а долѣе терпѣть такое обхожденіе я не въ силахъ.»

Императрицѣ пишутъ, что солдаты даже ночью не отходятъ отъ ея постели. «Такое обхожденіе со мной заставляетъ содрогаться

женскую натуру. На колѣняхъ умоляю ваше императорское величество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную мною князю Голицыну, и убѣдились въ моей невинности.»

Въ этой запискѣ есть одно замѣчательное мѣсто. Она говоритъ, что, по возвращеніи изъ Персіи, она намѣревалась приобрести полосу земли на Терекѣ. «Здѣсь я намѣрена была посѣять первыя сѣмена цивилизаціи, посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое, находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ востокомъ и оплотомъ русскаго государства противу дикихъ горцевъ.» Она хотѣла употребить для этого князя лимбургскаго, какъ своего помощника, и онъ уже отказывался отъ престола въ пользу брата. Графъ Орловъ долженъ былъ склонить императрицу къ принятію этого проекта.

Въ заключеніе опять проситъ пощадить ее. «Я круглая сирота, одна, на чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій.»

Но и послѣ этого не переставали надѣяться, что отъ нея что-нибудь узнаютъ. Едва слышно она отвѣчала на допросы, что сказала всю правду, а о своемъ происхожденіи она не знаетъ и не знаетъ.

— Я знаю, кто вы, - - сказалъ наконецъ Голицынъ: - - я имѣю ясныя на то доказательства.

Большая даже приподнялась на постели.

— Кто же я?

— Дочь пражскаго трактирщика.

Большая вскочила съ постели и съ сильнѣйшимъ негодованіемъ вскричала:

— Кто это сказалъ? Глаза выпарапаю тому, кто осмѣлился сказать, что я низкаго происхожденія!

Силы ее оставили. Она упала на постель.

Прошелъ августъ, сентябрь и половина октября, больная уже не вставала съ постели. Смерть видимо приближалась къ ней.

Въ концѣ ноября арестантка родила сына. Это былъ сынъ графа Орлова. Что должна была чувствовать умирающая мать при взглядѣ на этого ребенка!

Говорятъ, что его потомъ вырастили, что онъ служилъ въ гвардіи, нося фамилію Чесменскаго, и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Пришла наконецъ и смерть къ таинственной женщинѣ.

— Гдѣ вы родились и кто ваши родители? - спрашиваетъ умирающую священникъ казанскаго собора Петръ Андреевъ.

— Богъ свидѣтель — не знаю, - - отвѣчаетъ умирающая.

Священникъ увѣщаетъ ее, просить не уносить съ собой тайны въ могилу.

— Свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда я не имѣла намѣреній, которыя мнѣ приписываютъ, никогда сама не распространяла о себѣ слуховъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

— А документы? - спрашиваетъ священникъ.

— Все это получено мной отъ неизвѣстнаго лица при анонимномъ письмѣ.

— Вы стоите на краю могилы, - - сказалъ священникъ: - - вспомните о вѣчной жизни и скажите мнѣ всю истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда предъ самимъ всевышнимъ Богомъ, увѣряю васъ, что все, что ни говорила я князю Голицыну, что ни писала къ нему и къ императрицѣ, — правда. Прибавить къ сказанному мною ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у васъ соучастники?

— Никакихъ соучастниковъ.... не было.... потому что.... и преступныхъ замысловъ.... мнѣ приписываемыхъ.... не было.

Она чувствовала себя такъ дурно, что просила священника прийти на другой день.

На другой день тѣ же увѣщанія и то же рѣшительное утверждение со стороны умирающей; что она все сказала, что больше она ничего не знаетъ.

Она говорила все слабѣ и слабѣ. Священникъ, наконецъ, не могъ понимать ея словъ. Началась агонія.

Священникъ оставилъ ее, не удостоивъ причастія.

Агонія продолжалась болѣе двухъ сутокъ. Въ семь часовъ по полудни 4-го декабря 1775-го года таинственной женщины не стало: дѣйствительно, она унесла-таки въ могилу тайну своего рожденія, если только сама знала ее.

Солдаты, безсмысленно стоявшіе при ней на часахъ, тайно вырыли тамъ же въ равелинѣ глубокую яму и трупъ загадочной женщины закидали мерзлою землей. Красоты, которая такъ обаятельно дѣйствовала на все, не стало. Обрядовъ при погребеніи не было никакихъ.

Картина Флавицкаго, изображающая смерть этой женщины, въ виду всего сказаннаго здѣсь, не имѣетъ исторической правды.

ХІІІ.

Баронесса Анна-Христина Корфъ, урожденная Штегельманъ.

Баронесса Корфъ была одною изъ того многочисленнаго сонма «русскихъ иноземокъ», владычество которыхъ въ русской землѣ обнимаетъ всю первую половину прошлаго столѣтія и такъ долго было памятно Россіи.

Принадлежа, по служебнымъ и экономическимъ интересамъ своихъ отцовъ, мужей и братьевъ, Россіи, рожденныя и воспитанныя въ Россіи, хотя не въ русскихъ нравахъ, женщины эти, какъ ихъ мужья и отцы, только временно и притомъ экономически тяготѣли къ русской землѣ, а всѣ ихъ симпатіи лежали къ западу, такъ что, едва лишь кончались выгодныя операціи этихъ иноземцевъ и иноземокъ въ русскомъ царствѣ, или состояніе ихъ солидно округлялось, или же, наконецъ, дальнѣйшее пребываніе въ русской землѣ не представляло прочныхъ шансовъ на успѣхъ, — всѣ эти чужездныя растения выползали изъ русскаго огорода и вѣтвями своими перетягивались на западъ, въ болѣе родную имъ атмосферу.

Баронесса Корфъ въ Россіи ничего не сдѣлала и никакимъ актомъ своей дѣятельности не оставила по себѣ памяти на страницахъ русской исторіи; но, по случаю одного роковаго событія на западѣ Европы, она пошла въ списокъ историческихъ женщинъ,

связавъ свое имя съ другимъ именемъ, вполне историческимъ и очень громкимъ, — почему и мы не считаемъ себя въ правѣ обойти ее молчаніемъ, хотя въ тѣхъ видахъ, что въ исторіи французской революціи неизбѣжно должно упоминаться имя баронессы Корфъ, русской по рожденію и по подданству.

Анна-Христина была дочь извѣстнаго петербургскаго банкира Штегельмана, биржевыя операціи котораго составляли замѣтное явленіе въ коммерческой жизни Петербурга второй половины прошлаго вѣка.

Дочь богатаго банкира вышла замужъ за барона Корфа, роднаго племянника того Корфа, который правилъ Пруссією во время занятія ея русскими войсками въ семилѣтнюю войну, а потомъ при Петрѣ III былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

Мужъ Анны-Христины служилъ въ Россіи въ чинѣ полковника, командовалъ однимъ изъ русскихъ полковъ, именно козловскимъ, и состоялъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

Въ царствованіе Екатерины II-й онъ былъ убитъ при штурмѣ Бендеръ, 16-го сентября 1770-го года.

Едва овдовѣла его супруга Анна-Христина, какъ тотчасъ же покинула Россію. Она уѣхала съ своею матерью въ Парижъ, гдѣ и жила постоянно, въ теченіе 20-ти лѣтъ, такъ какъ въ Россіи не влекли ее уже никакіе, ни нравственные, ни экономическіе интересы.

И въ Парижѣ она, безъ сомнѣнія, такъ же затерялась бы въ массѣ именъ, не оставившихъ по себѣ слѣда въ исторіи, какъ затерялась бы конечно и въ Россіи, еслибъ одно, повидимому неважное само по себѣ, событіе, но повлекшее за собою цѣлый рядъ роковыхъ для Франціи и для всей Европы послѣдствій, не заставило въ свое время повторять имя баронессы Корфъ повсемѣстно.

Это — неудачное бѣгство изъ Парижа короля Людовика XVI-го въ 1791 году.

Ночью 9-го іюня 1791-го года Людовикъ XVI исчезъ изъ Парижа.

Изъ произведеннаго затѣмъ разслѣдованія оказалось, что съ 9-го на 10-е іюня, около полуночи, Людовикъ XVI, королева, дофинь, принцесса-дочь, принцесса Елизавета и г-жа Турцель тихонько вышли изъ дворца и пѣшкомъ отправились къ Карусели. Тамъ ждала ихъ карета. Въ этой каретѣ королевское семейство отправилось къ воротамъ Сенъ-Мартенъ. У воротъ ожидалъ ихъ дорожный берлинъ, заложенный шестеркою лошадей. Пересѣвъ въ этотъ экипажъ, король съ семействомъ отправился въ путь по направленію къ Бонди.

При первомъ извѣстіи о бѣгствѣ короля, Парижъ пришелъ въ необыкновенное волненіе. Домъ министра де-Монморена, за подписью котораго, какъ оказалось тогда же, былъ выданъ паспортъ королю, но только на чужое имя, былъ осажденъ толпами народа, и только отряды національной гвардіи могли отстоять этотъ домъ отъ грабленія.

Но король изъ Франціи не выѣхалъ — на дорогѣ онъ былъ арестованъ и привезенъ обратно въ свою столицу.

Вскорѣ вся Европа узнала, что непосредственнымъ орудіемъ въ бѣгствѣ французскаго короля была русская подданная, баронесса Корфъ, что паспортъ для прикрытія отъѣзда короля изъ своего королевства она выправляла на свое семейство и передала его королю, знаменитому арестанту французскаго народа, снабдивъ притомъ царственнаго бѣглеца на дорогу значительною суммою денегъ.

Помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный тогда всей Европѣ графъ Аксель-Ферзенъ, шведъ, находившійся во француз-

ской службѣ и бывший въ дружескихъ отношеніяхъ съ баронессою Борфъ и ея матерью. Графъ Ферзенъ, получивъ отъ баронессы Корфъ ея паспортъ, вручилъ его королю; графъ же Ферзенъ приготовилъ для несчастнаго короля карету у Карусели и дорожный берлинъ у воротъ Сенъ-Мартенъ; графъ Ферзенъ, наконецъ, былъ и тѣмъ переодѣтымъ кучеромъ, который вывезъ короля изъ Парижа.

Вотъ что, между прочимъ, черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Людовика XVI-го писалъ русскій посланникъ въ Парижѣ Симолинъ къ графу Остерману въ Петербургъ.

«...Когда національному собранію было доложено, что король путешествовалъ съ паспортомъ, выданнымъ на имя г-жи Корфъ, для проѣзда во Франкфуртъ съ двоими дѣтьми, камердинеромъ, тремя слугами и горничной, за подписью Монморена, тогда потребовали этого министра къ допросу. Онъ приведенъ былъ подъ стражу, и безъ труда доказалъ, что онъ не способствовалъ и не могъ способствовать бѣгству королевской фамиліи, и совершенно отклонилъ отъ себя обвиненіе. Между тѣмъ народъ съ такою яростью устремился къ его дому, что ударили тревогу, и надлежало отправить на мѣсто нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, чтобы спасти домъ отъ разграбленія.

«Такъ какъ я былъ въ нѣкоторомъ родѣ, соучастникомъ въ этомъ великомъ событіи настоящей минуты, хотя самымъ невиннымъ образомъ, то считаю себя обязаннымъ дать объясненіе тому, что касается моего участія въ этомъ дѣлѣ.

«Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, г-жа Корфъ, вдова полковника Корфа, бывшаго въ службѣ ея императорскаго величества и убитаго, 20 лѣтъ тому, при штурмѣ Бендеръ, просила меня чрезъ посредство одной особы доставить ей два отдѣльные паспорта, одинъ для нея, а другой для г-жи Штегельманъ,

ея матери, на проѣздъ во Франкфуртъ. Я передалъ эту просьбу, на письмѣ, г-ну Монморенъ, и онъ тотчасъ же приказалъ изготовить паспорта и переслалъ ихъ ко мнѣ. Нѣсколько дней спустя, г-жа Корфъ написала ко мнѣ, что она, уничтожая разныя ненужныя бумаги, имѣла неосторожность бросить въ огонь и свой паспортъ, и просила меня достать ей другой такой же. Я въ тотъ же день отнесся къ секретарю, завѣдывающему паспортной экспедиціей, приложивъ ея письмо къ своему письму, и онъ замѣнилъ мною-сгорѣвшій паспортъ другимъ. Не моя вина и не вина г-на Монморена, если г-жа Корфъ вздумала изъ своего паспорта сдѣлать такое употребленіе, къ какому онъ не назначался и котораго мы далеко не могли предвидѣть.

«Такъ какъ въ печатныхъ извѣстіяхъ, явившихся по поводу этого событія, г-жа Корфъ названа была шведкою, то я счелъ себя вправѣ возстановить истину посредствомъ письма, которое написалъ къ г-ну де-Монморену, и напечаталъ въ газетахъ и копію съ коего позволяю себѣ приложить здѣсь, такъ же какъ и копію съ письма г-жи Корфъ, въ которомъ она горько жалуется на свою неосторожность. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что предубѣжденіе, которое могло составиться въ публикѣ на мой счетъ, разсѣется само собою.

«Въ субботу около четырехъ часовъ по полудни король возвратился въ Парижъ, и вышелъ изъ экипажа передъ туйльерійскимъ дворцомъ.»

Въ то же время Симолинъ объяснилъ и французскому министру де-Монморену, какииъ образомъ они оба были обмануты г-жею Корфъ.

«Лишь сегодня утромъ - - писалъ онъ министру 25-го іюня - - читая газеты, узналъ я о несчастномъ дѣйствіи паспорта, о которомъ я три недѣли тому имѣлъ честь просить ваше сіятельство.

Въ нихъ я прочелъ, что баронесса Корфъ — шведка, что въ глазахъ публики, которой мнѣніемъ я безмѣрно дорожу, можетъ дать мнѣ видѣ посягателя на права и обязанности г-на шведскаго посланника. Спѣшу исправить эту ошибку объясненіемъ, что баронесса Корфъ — русская, родилась въ Петербургѣ, вдова барона Корфъ, полковника, бывшаго на службѣ императрицы, убитаго при штурмѣ Бендеръ въ 1770-мъ году, что она — дочь г-жи Штегельманъ, родившейся также въ Петербургѣ, и что обѣ онѣ жили уже 20 лѣтъ въ Парижѣ. Итакъ эти дамы и не могли, и не обязаны были ни къ кому иному, кромѣ меня, обращаться за полученіемъ паспортовъ, и, не будучи съ ними ни въ какихъ связяхъ, — потому что я не имѣлъ даже чести никогда ихъ видѣть, — я не имѣлъ ни возможности, ни права отказать имъ въ маленькомъ одолженіи, принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ. Правда, о паспортѣ представлено было, будто-бы онѣ сторѣль, какъ г-жа Корфъ сама писала въ томъ письмѣ, которое я приложилъ къ моей просьбѣ о повторительной выдачѣ паспорта; но мое поведеніе въ этомъ случаѣ было такъ же просто, какъ и прямо, и, я смѣю надѣяться, каждый согласится, что я не могъ подозрѣвать, чтобъ оно могло подать поводъ даже къ малѣйшему косвенному обвиненію ни вашего сіятельства, ни меня, несмотря на неблагоуразумное употребленіе, которое было повидимому сдѣлано съ этимъ другимъ паспортomъ.

«Надѣюсь, впрочемъ, что ваше сіятельство найдете умѣстнымъ, чтобъ я далъ этому письму гласность въ газетахъ.»

А вотъ и самое письмо баронессы Корфъ, которымъ она съ женскою ловкостью съумѣла обмануть одного дипломата, одного министра и одного секретаря паспортной экспедиціи:

«Я чрезвычайно огорчена. Вчера, сжигая разныя ненужныя бумаги, я имѣла неловкость бросить въ огонь паспортъ, который

вы были такъ добры — доставили мнѣ. Мнѣ чрезвычайно совѣстно просить васъ исправить мою глупость (*mon étourderie*) и вводить васъ въ хлопоты, которыхъ я сама виною.»

Просто и невинно — совершенно по-женски.

Съ своей стороны графъ Ферзенъ оставилъ такую записку о своемъ участіи и содѣйствіи къ побѣгу короля:

«Графъ Ферзенъ честь имѣетъ увѣдомить графа де-Мерси, что король, королева, ихъ дѣти — дофинъ, принцесса-дочь, принцесса Елизавета и г-жа Турцель выѣхали изъ Парижа въ понедѣльникъ въ полночь. Графъ Ферзенъ имѣлъ честь сопровождать ихъ до Бонди, куда они благополучно прибыли въ половинѣ втораго часа безъ всякихъ приключеній.»

Кому не извѣстно, какъ дорого обошлась эта ночная прогулка королю-бѣглецу: подобно капитану корабля, бросающему свой экипажъ во время бури, онъ былъ казненъ опьянѣвшими и обезумѣвшими отъ штурма матросами и пассажирами.

Франція пережила революцію, терроръ, неисчислимыя казни — такой штурмъ, какія ни одна страна въ мѣрѣ никогда не выдерживала.

Франціи было не до баронессы Корфъ. А между тѣмъ эта женщина для спасенія короля пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ. Съ кого она должна была получить деньги, данныя бывшему королю Франціи для вспомошествованія его побѣгу? Король этотъ кончилъ свое царствованіе и жизнь на плахѣ. Франція не признавала королей — не признавала и долга, который могла считать себя вправѣ требовать отъ нея баронесса Корфъ, представлявшая свой искъ къ тѣни погибшаго короля.

Франція считала себя по отношенію къ казненному королю своему тоже кредиторомъ, какъ и баронесса Корфъ, и потому послѣдняя должна была исрать для себя удовлетворенія вѣн Франціи.

Баронесса Корфъ, какъ практическая нѣмка и дочь банкира, такъ и сдѣлала: она обратилась съ своимъ искомъ къ Австрiи.

Баронесса Корфъ, предъявляя свой искъ австрiйскому императору, объясняла, что она потеряла все свое состоянiе во имя принца, дорогаго для всѣхъ императоровъ и королей: она спасала короля.

Участiе въ этомъ дѣлѣ баронессы Корфъ принялъ тотъ же графъ Аксель Ферзенъ, который тоже многимъ пожертвовалъ, спасая короля.

Сохранилась любопытная переписка по этому иску баронессы Корфъ.

Вотъ что писалъ изъ Стокгольма, 30 марта 1795 года, графъ Ферзенъ императрицѣ Екатерины II:

«Государыня! Обстоятельства постоянно лишали меня дорогаго преимущества быть извѣстнымъ лично вашему императорскому величеству и лично принести къ стопамъ вашимъ дань моего благоговѣнiя и удивленiя; посему я счелъ возможнымъ представить вамъ выраженiе этихъ чувствъ письменно; и тѣ высокiя качества, которыми ваше величество обладаете, какъ государыня и какъ лицо частное, дали мнѣ смѣлость и убѣжденiе, что вы благосклонно позволите мнѣ умолять васъ о благодѣтельномъ участiи,—о дѣйствiяхъ онаго свидѣтельствуеть вселенная,—въ пользу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества и заслуживающихъ быть ими. Благородное и великодушное поведенiе ихъ, въ очахъ монархини, умѣющей, какъ вы, государыня, цѣнить и награждать за услуги, кажется титуломъ, достаточнымъ для того, чтобъ привлечь на себя взоръ благосклонности и участiя.

«Предметъ просьбы, которую я беру смѣлость препроводить къ вашему императорскому величеству, достаточно объяснить вамъ состоянiе и заслуги госпожи Штегельманъ и ея дочери, баронессы Корфъ; мнѣ остается только представить вашему величеству

тѣ старанія, которыя были сдѣланы въ ихъ пользу, и ту безуспѣшность, которою сопровождались онѣ до сихъ поръ. Разныя дѣла, все въ такомъ же родѣ, частію черезъ другихъ лицъ представлены были императору (австрійскому) въ бытность его въ Брюсселѣ. Я предлагалъ даже и средства, извѣстныя мнѣ, для ихъ удовлетворенія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною относительно душевныхъ качествъ этого государя, и по совѣтамъ, мнѣ даннымъ, я счелъ за нужное начать съ окончанія дѣлъ, касавшихся до меня лично, дабы поставить себя въ возможность сдѣлать что-нибудь въ пользу другихъ, при отсрочкѣ рѣшенія (по ихъ дѣламъ), и помочь нуждамъ госпожъ Штегельманъ и Корфъ; но опредѣленіе императора было отложено до времени возвращенія этого государя въ Вѣну. Тогда-то госпожа Корфъ представила ему свою записку; но ни она, ни я не могли еще получить надлежащаго рѣшенія. Эта неизвѣстность заставитъ меня рѣшиться ѣхать въ Вѣну, лишь только окончу семейныя дѣла, призывавшія меня въ Швецію, и я буду просить у императора справедливости въ пользу госпожъ Штегельманъ и Корфъ. Ваше величество, безъ сомнѣнія, согласитесь, что ихъ поведеніе заслуживаетъ уваженія, и что не слѣдуетъ, чтобы привязанность и преданность къ государямъ, особенно въ настоящее время, оплачивалась бѣдностью или нуждою. Никто лучше вашего величества не доказалъ, сколько вы чувствовали эту истину, и всѣ несчастные находили у вашего величества или убѣжище или помощь. Итакъ осмѣливаюсь просить у васъ этой помощи для госпожъ Штегельманъ и Корфъ, — оказать вспомошествованіе въ ихъ крайней нуждѣ, и вашего участія, государыня, чтобы способствовать успѣху ихъ справедливаго иска. Вліяніе вашего императорскаго величества на вѣнскій кабинетъ мнѣ извѣстно: одно слово ваше, государыня, или ордеръ вашему посланнику — подкрѣпить вашимъ участіемъ просьбу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества, доставитъ

имъ легкую возможность получить уплату ихъ капитала, или же обезпеченіе въ уплатѣ процентовъ, а пособіе, которое ваше величество благоволите имъ оказать, послужить имъ на уплату долговъ, въ которые они вошли, и на ихъ насущныя потребности. Умѣренныхъ суммъ, которыя моя дружба могла предложить имъ, доставало только на ихъ дневное пропитаніе.

«Господинъ Симолинъ, котораго ваше императорское величество по всей справедливости удостоиваете своей благосклонности, извѣщенъ обо всемъ, касающемся госпожъ Штегельманъ и Корфъ, и господинъ Штедингъ (шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ) будетъ имѣть возможность, если ваше величество изволите привязать, сообщить подробности объ ихъ личностяхъ.

«Я слишкомъ хорошо знаю, государыня, безграничную доброту вашего императорскаго величества, и потому не опасаясь, чтобъ мой поступокъ показался нескромнымъ монархинѣ, ревностной ко всякаго рода славѣ и которой постоянное славолюбіе — отыскивать несчастныхъ и помогать имъ. Итакъ, указывать вамъ этихъ несчастныхъ значить нравиться вамъ, и потомство столько же будетъ благословлять ваши благодѣянія, сколько удивляться вашему царствованію.»

Почти годъ не было никакого рѣшенія по дѣлу г-жи Корфъ.

Тогда графъ Ферзенъ вторично обратился къ русской императрицѣ съ просительнымъ письмомъ отъ 15 февраля 1796 года:

«Государыня! Благосклонность, съ которою ваше императорское величество изволили принять первое письмо, которое я имѣлъ увѣренность писать къ вамъ, и та, еще большая, милость, которую благоволили присоединить къ ней, подавъ мнѣ надежду на ваше участіе въ пользу справедливыхъ исканій госпожъ Штегельманъ и Корфъ относительно денегъ, которыя онѣ дали покойнымъ ихъ католическимъ величествамъ, внушаютъ мнѣ смѣлость напомнить вашему величеству это благодѣтельное обѣщаніе, о которомъ дѣла большой

важности безъ сомнѣнія заставили васъ позабыть. Теперь больше чѣмъ когда-нибудь я увѣренъ, что одно слово посланника вашего величества уничтожить всѣ затрудненія или скорѣе замедленія, которыя дѣлаются относительно уплаты, и графъ Разумовскій, извѣщенный мною подробно относительно этого иска и средствъ къ его удовлетворенію, кажется, думаетъ, что для вашего величества ни сколько не было бы компрометаціей то участіе, которое вамъ угодно было бы оказать этимъ двумъ женщинамъ, вашимъ подданнымъ, являющимся въ настоящую минуту жертвами своихъ принциповъ, усердія и привязанности къ несчастнымъ государямъ.

«Итакъ осмѣливаюсь умолять ваше императорское величество, дабы вы благоволили дать повелѣніе своему посланнику, и доброта, характеризующая всѣ дѣйствія вашего величества, внушаетъ мнѣ увѣренность, что я не тщетно умоляю васъ дать эти повелѣнія, и что ваше величество благоволите прибавить еще одно—приказать, чтобъ немедленно были отправлены тѣ повелѣнія, которыя вамъ благоугодно будетъ послать.»

На это послѣднее письмо Екатерина отвѣчала графу Ферзену 25 марта того же года:

«Господинъ графъ Ферзенъ. Я получила ваше письмо, отъ 15 февраля, касательно госпожъ Штегельманъ и Корфъ и сегодня же сдѣлала распоряженіе, чтобы было приказано посланнику моему въ Вѣнѣ — принять въ ихъ дѣлахъ участіе и стараться помочь успѣху ихъ домогательствъ. Удовлетворяя такимъ образомъ вашей просьбѣ въ интересахъ этихъ дамъ, я очень рада случаю увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и благосклонности, а затѣмъ прошу Бога, чтобы онъ не оставлялъ васъ, господинъ графъ Ферзенъ, своею святою, праведною помощію.»

Тогда же, по приказанію императрицы, графъ Остерманъ писалъ къ графу Разумовскому въ Вѣну слѣдующее:

«Милостивый государь! Графъ Ферзенъ, находящійся теперь въ Вѣнѣ, отнесся непосредственно къ императрицѣ, прося заступничества ея величества за вдову Штегельманъ, которая хлопочеть объ уплатѣ ей вѣнскимъ дворомъ денежныхъ суммъ, данныхъ ею взаймы покойному Людовику XVI во время его несчастнаго бѣгства изъ Парижа. Графъ Ферзенъ, кажется, также прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Ея императорское величество приказала мнѣ поручить вамъ разузнать настоящія подробности и обстоятельства сего дѣла, и совокупно съ графомъ Ферзеномъ употребить съ вашей стороны всѣ старанія въ пользу г-жи Штегельманъ при министерствѣ его величества императора римскаго, но только въ такомъ случаѣ, когда вы убѣдитесь въ законности ея претензіи и узнаете о степени вниманія, съ какимъ вѣнскій дворъ принимаетъ просьбу вдовы Штегельманъ, не придавая однакожъ вашему ходатайству ни въ какомъ случаѣ officialной формы и держась въ предѣлахъ чисто дружескаго посредства съ нашей стороны.»

Дальнѣйшая судьба баронессы Корфъ не извѣстна.

Говоря вообще, исторія русской женщины ничего бы не потеряла, еслибъ имя баронессы Корфъ и совершенно было выпущено изъ списка русскихъ историческихъ женщинъ; но имя этой женщины, какъ мы замѣтили выше, стало историческимъ на западѣ; оно неизбежно приплетается къ исторіи бѣгства и казни Людовика XVI, къ исторіи французской революціи; русское правительство въ свое время не могло отказать г-жѣ Корфъ въ признаніи ея русскою по праву подданства и рожденія; баронессу Корфъ такъ или иначе произвела Россія; женщина эта долго жила въ нашемъ отечествѣ:—все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ баронессу Корфъ въ то исключительное положеніе, при которомъ имя ея не можетъ быть обойдено молчаніемъ ни исторіею Франціи, ни исторіею русской женщины.

Притомъ же баронесса Корфъ является едвали не первую изъ тѣхъ женщинъ, которыя, особенно во второй половинѣ прошлаго вѣка и въ первой половинѣ нынѣшняго, стали нерѣдко мѣнять русскую жизнь и русскія симпатіи на болѣе привлекательную жизнь запада, отрекались отъ своей страны, которой не знали, отъ своего народа, котораго не любили и не хотѣли да и не умѣли служить ему, отрекались отъ своей религіи, чтобъ промѣнять ее на болѣе привлекательную по своей внѣшней, политической и свѣтской обстановкѣ форму католицизма и съ которыми мы еще имѣемъ познакомиться въ предстоящихъ нашихъ очеркахъ:—это Свѣчина, княгиня Волконская, княгиня Голицына и другія.

XIV.

Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова.

Въ то время, когда дочь Сумарокова, впоследствии, по мужу, Княжнина, и Каменская, по мужу Ржевская, воспитанныя въ кружкѣ представителей только-что зарождавшейся въ Россіи литературы, начинаютъ собою новое поколѣніе русскихъ женщинъ, женщинъ-писательницъ, когда, вслѣдъ за ними, выступаетъ съ этимъ же именемъ еще болѣе крупная женская личность, княгиня Дашкова, президентъ академіи наукъ, а за нею цѣлый рядъ женщинъ-писательницъ, ученицъ Ломоносова, Сумарокова, Княжнина, Новикова, въ то время, когда русская женщина, какъ общественный дѣятель и литераторъ, становится уже весьма замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни, — нарождается новое поколѣніе женщинъ, которыя вырастаютъ и развиваются подъ иными уже условіями, внѣ прямаго вліянія литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, и вносятъ въ русскую жизнь новый типъ женщины, до того времени еще не извѣстный.

Однимъ словомъ, нарождается поколѣніе будущихъ «институтокъ».

Какъ Сумарокова-Княжнина начинала собою поколѣніе женщинъ-писательницъ, такъ съ Глафирою Ржевскою зачинается поколѣніе женщинъ-институтокъ.

Дѣвическое имя Глафиры Ржевской было — Алымова.

Алымова родилась въ 1759-мъ году, въ то время когда Сумарокова-Княжнина уже заслужила славу женщины-писательницы, и притомъ первой по времени; а когда умерла вторая, по времени, русская писательница, Александра Ржевская, рожденная Каменская, Глафирѣ Алымовой было только десять лѣтъ.

Около этого времени, какъ извѣстно, императрица Екатерина II, при непосредственномъ руководствѣ Ивана Ивановича Бецкаго, основала первый въ Россіи женскій институтъ, при смольномъ монастырѣ, получившій, при своемъ основаніи, названіе «общества благородныхъ дѣвицъ».

До основанія смольнаго института русскія дѣвушки воспитывались большею частью дома: такъ дома воспитаны были первыя русскія писательницы — Сумарокова-Княжнина и Каменская-Ржевская. Съ основанія же института при смольномъ монастырѣ дочери благородныхъ родителей отдавались въ это заведеніе.

Одною изъ первыхъ поступившихъ въ это заведеніе была Глафира Алымова, происходившая изъ дворянской, но бѣдной фамиліи.

Для біографіи Алымовой имѣется богатый источникъ — это ея собственное жизнеописаніе, къ которому, однако, слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностью, такъ какъ безъ критики сообщаемыхъ ею фактовъ, отзывовъ и оцѣнокъ едвали возможно принимать на вѣру многія изъ ея показаній.

Родилась она въ многочисленномъ семействѣ, гдѣ, слѣдовательно, при неизмѣни достаточной обеспеченности къ жизни, рожденіе новаго ребенка равнялось несчастью.

Поэтому Алымова, впоследствии Ржевская, такъ говоритъ о своемъ рожденіи:

«Не радостно было встрѣчено мое появленіе на свѣтъ. Дитя, родившееся по смерти отца, я вступила въ жизнь съ зловѣщими

предзнаменованиями ожидавшей меня участи. Огорченная мать не могла выносить присутствія своего бѣднаго девятнадцатаго ребенка и удалила съ глазъ мою колыбель, а отцовская нѣжность не могла отвѣчать на мои первые крики. О моемъ рожденіи, грустномъ происшествіи, запрещено было разглашать. Добрая монахиня взяла меня подъ свое покровительство и была моею воспріемницею.»

Только по прошествіи года родные съ трудомъ уговорили мать малютки Алымовой взглянуть на своего девятнадцатаго ребенка.

Первое, что сохранилось въ памяти дѣвочки, это то, что мать тяготилась ею и не любила ее, какъ старались увѣрить ребенка услужливые родные.

Совсѣмъ еще крошкой взяли ее въ смольный институтъ, и здѣсь уже выработался ея характеръ безъ всякаго вліянія домашняго воспитанія.

Сразу дѣвочка сдѣлалась любимицей начальницы института, госпожи Лафонъ, и знаменитаго И. И. Бецкаго, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго состояли всѣ учебныя и благотворительныя заведенія екатерининскаго времени.

Алымову все баловало — и начальство института, и сама императрица, а за ними и всѣ воспитанницы заведенія, смотрѣвшія на нее отчасти какъ на круглую сиротку.

Съ своей стороны маленькая Алымова страстно привязалась къ госпожѣ Лафонъ и къ Бецкому.

О своей привязанности къ первой она, между прочимъ, сама говорить въ своихъ запискахъ съ такой оригинальной откровенностью:

«Мое чувство къ госпожѣ Лафонъ походило въ то время на сильную страсть: я бы отказалась отъ пищи ради ея ласкъ. Однажды я рѣшилась притвориться, будто я не въ духѣ, чтобы разсердить ее и чтобы потомъ получить ея прощенье: она такъ трогательно умѣла прощать, возвращая свое расположеніе винов-

нымъ. Это замѣтила я въ отношеніяхъ къ другимъ и пожелала испытать всю прелесть примиренія. Видя ее удивленною и огорченною моимъ поведеніемъ, я откровенно призналась ей въ своей хитрости.»

Хитрость и притворство — едвали не первое чувство, развиваемое въ молодыхъ существахъ затворнической жизнью институтовъ и монастырей, при совершенномъ изолированіи ихъ отъ жизни общественной. Баловство же, предпочтительно передъ другими оказываемое нѣкоторымъ личностямъ, развиваетъ въ нихъ самолюбіе въ ущербъ другимъ добрымъ инстинктамъ человѣческой природы.

Невыгодность такого воспитанія отразилась отчасти на первыхъ русскихъ женщинахъ-институткахъ, изъ числа которыхъ мы и выводимъ теперь передъ читателями личность Алымовой, а послѣ укажемъ на подобную же, хотя съ иными нравственными задатками личность Нелидовой.

Алымова, кромѣ того, что она является первою женскою личностью изъ поколѣнія институтокъ или такъ-называемыхъ «монастырокъ», заслужила право на историческое безсмертіе еще и тѣмъ, что мѣсто въ русской исторіи отводитъ ей знаменитый любимецъ и другъ Екатерины II-й, И. И. Бецкій.

Алымова, если вѣрить ея запискамъ, была послѣднею несчастною страстью этого славнаго своею общественною и государственною дѣятельностью старика; не вѣрить же ея запискамъ вполне мы не имѣемъ права, хотя и можемъ сомнѣваться въ правдивости нѣкоторыхъ изъ ея разсказовъ, въ вѣрности окраски тѣхъ или другихъ событій, непосредственно связывавшихся съ жизнью этой женщины.

Такъ всего менѣе мы можемъ довѣрять ей, безъ критики, тамъ, гдѣ она дурно отзывается о Нелидовой, можетъ быть изъ понятнаго чувства соперничества и женской, а наиболѣе придворной завистливости.

О Бецкомъ она, между прочимъ, говорить:

«Затрудняюсь опредѣлить его характеръ. Чѣмъ болѣе я о немъ думаю, тѣмъ смутнѣе становится онъ для меня. Было время, когда вліяніе его на меня походило на очарованіе. Имѣя возможность дѣлать изъ меня что ему вздумается, онъ по своей же ошибкѣ лишился этого права. Съ сожалѣніемъ высказываю это, но отъ истины отступать не хочу.»

Это говорить она о несчастной къ ней страсти семидесятилѣтняго старика, когда, между тѣмъ, самой дѣвушкѣ было только семнадцать — осьмнадцать лѣтъ.

Далѣе Алымова говорить въ своихъ запискахъ, относительно привязанности къ ней Бецкаго:

«Съ перваго взгляда я стала его любимѣйшимъ ребенкомъ, его сокровищемъ. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметомъ его нѣжнѣйшихъ заботъ, цѣлью всѣхъ его мыслей. Это предпочтеніе нисколько не вредило другимъ, такъ какъ я имъ пользовалась для блага другихъ: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своихъ подругъ, которыя благодарны мнѣ были за мое безкорыстіе и, вслѣдствіе этого, еще болѣе любили меня...»

Еще далѣе о Бецкомъ:

«Я бессознательно чувствовала, что онъ мнѣ подчинился, но не злоупотребляла этимъ, предупреждая малѣйшія желанія его. Исполненная уваженія къ его почтенному возрасту, я не только была стыдлива передъ нимъ, но даже застѣнчива.»

Но скоро Бецкій — продолжаетъ Алымова — «пересталъ скрывать свои чувства ко мнѣ и во всеуслышаніе объявилъ, что я его любимѣйшее дитя, что онъ беретъ меня на свое попеченіе, и торжественно поклонялся въ этомъ моей матери, затепливъ лампаду передъ образомъ. Онъ передъ свѣтомъ удочерилъ меня.»

Въ продолженіе трехъ лѣтъ старикъ навѣщалъ ее каждый день и повидимому весь сосредоточился въ своемъ неудержимомъ къ ней чувствѣ.

«Три года протекли какъ одинъ день, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласкъ, нѣжныхъ заботъ, которыя оочень околдовали меня. Тогда бы я охотно посвятила ему свою жизнь. Я желала лишь его счастья: любить и быть такъ всецѣло любимю казалось мнѣ верхомъ блаженства.»

Ни слякоть, ни дождь, ни снѣгъ, никакія государственныя заботы не отвлекали Бецкаго отъ посѣщенія своего молоденькаго друга: каждый день онъ у нея — она буквально арѣветъ на его рукахъ.

Сначала онъ думалъ привязать къ себѣ дѣвушку, ослѣпивъ ее драгоценными подарками; но она отъ всего отказывалась. Затѣмъ, какъ-бы шутя, онъ при другихъ спрашивалъ ее: чѣмъ она охотнѣе желала бы быть — женой его, или дочерью? Дѣвушка отвѣчала, что предпочитала бы быть его дочерью.

Но вотъ наступило время выпуска дѣвицы изъ института — выходила изъ него и Алымова.

Бецкій по этому случаю носить ей образцы платьевъ, матерій, украшеній, предлагая ей выбирать самое дорогое, все что только могло ей понравиться.

Но сама императрица, съ любовью слѣдившая за первымъ вынужденнымъ смолянокъ и ласкавшая дѣвочекъ, особенно нѣкоторыхъ избранныхъ, какъ своихъ дѣтей, одарила Алымову всѣмъ необходимымъ, пожаловала ее фрейлиною и въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ фрейлинъ и высокихъ придворныхъ особъ женскаго пола назначила ее присутствовать при встрѣчѣ невѣсты великаго князя Павла Петровича, долженствовавшей въ это время прибыть въ Россію.

Бецкій и здѣсь не покидалъ ее, давалъ ей на дорогу деньги, слѣдилъ съ ревливой любовью за каждымъ ея шагомъ, и Алымова съ сожалѣніемъ высказывается по этому случаю о добромъ старикѣ, которымъ не во-время овладѣла несчастная страсть къ слишкомъ молоденькой для него дѣвушкѣ.

«Несчастный старецъ! - - восклицаетъ она по этому поводу: - - душа моя принадлежала тебѣ! Одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. Къ чему были тонкости интриги въ отношеніи къ самому нѣжному и довѣрчивому существу?... Тебя одного я любила и безъ всякихъ разсужденій вышла бы за тебя замужъ.»

Но старикъ, ослѣпленный страстью, самъ поступалъ неблаго-разумно и оттолкнулъ отъ себя дѣвушку: онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и ко всему; даже женщинъ, любившихъ дѣвушку, онъ сталъ удалять отъ нея, желая, чтобы всѣ ея симпатіи и все ея время, каждый шагъ ея и помыслъ принадлежали ему одному безраздѣльно.

Такая деспотическая въ своемъ проявленіи страсть сначала безпокоила дѣвушку, а потомъ начинала уже сердить ее, отдалять отъ ослѣпленнаго старика.

«Онъ не выходилъ изъ моей комнаты - - продолжаетъ Алымова - - и даже, когда меня не было дома, ожидалъ моего возвращенія. Просыпаясь, я видѣла его около себя. Между тѣмъ онъ не объяснялся. Стараясь отвратить меня отъ замужества съ кѣмъ-либо другимъ, онъ хотѣлъ, чтобы я рѣшилась выйти за него, какъ-бы по собственному желанію, безъ всякаго принужденія съ его стороны. Страсть его дошла до крайнихъ предѣловъ и не была ни для кого тайною, хотя онъ скрывалъ ее подъ видомъ отцовской нѣжности. Въ семьдесятъ пять лѣтъ онъ краснѣлъ, признаваясь, что жить безъ меня не можетъ. Ему казалось весьма естественнымъ, чтобы осмнадцатилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая понятія о любви, отдалась человѣку, который пользуется ея расположеніемъ.»

Но дѣвушкѣ, брошенной въ водоворотъ придворной жизни и притомъ такой одуряющей и ослѣпляющей жизни, какая была при блестящемъ дворѣ Екатерины II, начинали уже многіе нравиться изъ придворныхъ мужчинъ.

Особенное же вниманіе она обратила на умнаго и образованнаго придворнаго, уже намъ извѣстнаго изъ прежнихъ очерковъ, Алексѣя Андреевича Ржевскаго, за которымъ, какъ мы знаемъ, была замужемъ вторая изъ русскихъ писательницъ, Каменская-Ржевская и о которомъ въ эпитафіи этой самой жены его поэтомъ сказано было:

Скончавшись, Ржевская оставила супруга;
Суругъ, въ ней потерявъ любовницу и друга,
Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать вѣкъ...

Но Ржевскій повидимому не вѣчно «слезы лилъ» о своей первой женѣ, а полюбилъ Алымову и посватался за нее.

Алымова отослала его къ Бецкому, какъ къ своему отцу, опекуну и благодѣтелю, и сама сказала старику о предложеніи Ржевскаго.

Старикъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Имъ овладѣло отчаяніе и злоба — дѣвушка, которая оставалась его единственною привязанностью на землѣ, пропадала для него навѣки.

Чтобы отвратить свою любимицу отъ этого замужества, Бецкій увѣрялъ ее, что она обманута Ржевскимъ и княземъ Орловымъ для какихъ-то своихъ тайныхъ цѣлей, и прибавлялъ къ этому, что онъ «умретъ съ горя, если она будетъ несчастлива».

Дѣвушка покорно отказалась, вслѣдствіе этого, отъ руки Ржевскаго, и Бецкій на колѣняхъ благодарилъ ее, просилъ прощенія за минутную вспышку, которую онъ дозволилъ себѣ, узнавъ о томъ, что дѣвушка отвѣчала было согласіемъ на предложеніе Ржевскаго.

Долго продолжалась потомъ борьба между привязанностью дѣвушки къ Ржевскому и жалостью къ старику.

Не станемъ повторять за раскашицей длиннаго и утомительнаго по своимъ мелочнымъ подробностямъ повѣствованія о томъ, какъ хитрилъ Бецкій, чтобы отвратить дѣвушку отъ замужества, какъ чернилъ Ржевскаго, какъ потомъ былъ обнаруживаемъ въ своей хитрости, сознавался въ ней, снова вымышлялъ разныя продѣлки, — все это едвали можетъ быть принято вполне на вѣру, тѣмъ болѣе, что раскашица видимо усиливаетъ краски, бросающія невыгодную тѣнь на личность Бецкаго.

Какъ бы то ни было, но борьба кончилась не въ пользу Бецкаго: дѣвушка вышла за Ржевскаго.

Въ первое время Бецкій уговорилъ молодыхъ жить у него въ домѣ. Но и здѣсь онъ продолжалъ ту же тактику — старался уронить мужа въ глазахъ жены, отвратить отъ него ея привязанность, отвратить ее отъ двора и тѣмъ поставить въ единственную зависимость отъ самого старика.

Ржевскіе не выдержали этой жизни, и оставили старика въ его грустномъ уединеніи, на попеченіи дочери, госпожи де-Рибасъ.

Старикъ слегъ. Ржевская часто навѣщала его изъ жалости; а почти умирающаго старика -- говоритъ она -- все-еще «влекло ко мнѣ неугасимое чувство».

Скоро доступъ къ больному старику былъ запрещенъ для Ржевской, потому что немощнаго Бецкаго охраняла упомянутая де-Рибасъ, которую Ржевская въ своихъ запискахъ не безъ злобы чернить какъ злую женщину, снабжая ее именемъ «аргуса».

«Въ эту пору -- говоритъ Ржевская -- старикъ ослѣпъ и почти терялъ рассудокъ.»

Оцѣнивая вообще характеръ отношеній къ ней Бецкаго, она прибавляетъ:

«И. И. Бецкій могъ мнѣ сдѣлать много добра, а между тѣмъ, имѣя самыя благія намѣренія, онъ принесъ мнѣ много вреда. Никто въ мирѣ не любилъ меня такъ сильно и съ такимъ постоянствомъ. Онъ могъ сдѣлаться моимъ мужемъ, служить мнѣ отцомъ, благодѣтелемъ; но, по собственной винѣ не достигнувъ своихъ цѣлей, онъ сталъ играть роль моего преслѣдователя. Будучи предметомъ моей первой привязанности, онъ могъ легко жениться на мнѣ, безъ огласки, послужившей лишь къ его стыду.»

Далѣе Ржевская рассказываетъ о себѣ, что она поступила ко двору будто-бы «съ отвращеніемъ», и не могла пробыть тамъ долѣе году.

Но мы и здѣсь позволяемъ себѣ не довѣрять ея искренности, какъ не вполне довѣрили и тому, что говорила она о своихъ отношеніяхъ къ Бецкому.

Какъ бы то ни было, но двадцать шесть лѣтъ продолжались ея сношенія съ дворомъ, и притомъ сношенія слишкомъ эгоистическія, корыстныя, какъ она и сама невольно проговаривается.

«Не всѣ тщеславны, суетны и низкопоклонны - - говоритъ она: - - я имѣю счастье принадлежать къ исключеніямъ этого рода. Имѣя нѣкоторую гордость душевную, я не поддавалась превратностямъ судьбы и, посреди рабства, сохраняла независимость, хотя и носила цѣпи имъ налагаемыя, но только до тѣхъ поръ, пока положеніе это могло быть полезно дѣтямъ моимъ; когда же они перестали въ немъ нуждаться, я покинула дворъ.»

Откровенность эта едвали говорить въ пользу той, которая этимъ самымъ признаніемъ хочетъ возвысить себя во мнѣніи свѣта.

Съ чувствомъ нѣкотораго недовѣрія относимся мы и къ другимъ подробностямъ записокъ Ржевской.

Она говоритъ, что съ самаго начала вступленія своего въ свѣтъ она вполне видѣла, что императрица Екатерина II очень любитъ ее и покровительствуетъ ей.

Сомнѣнія въ этомъ мы не допускаемъ, тѣмъ болѣе, что въ пользу этого говорятъ личныя признанія самой императрицы въ нѣкоторыхъ изъ ея писемъ къ смолянкамъ, съ которыми она иногда любезно переписывалась, какъ съ своими балованными дѣтьми.

Въ письмѣ къ хорошенькой смоляночкѣ Аннѣ Левшиной, которую она вездѣ называетъ «черномазою Левушкой», великая Екатерина слѣдующія слова относить къ Алымовой: «Алимушка... ты заслуживаешь великую мою благодарность за пріятное привѣтствіе, тобою мнѣ сдѣланное, и что ты умѣешь выманивать монахинь изъ келій своею игривостью...»

Затѣмъ, когда «Алимушка» поступила ко двору, ее стали по-дозрѣвать въ предпочтеніи двора наслѣдника престола Павла Петровича, резиденція котораго была въ Гатчинѣ, двору императрицы-матери, въ томъ, что будто-бы, какъ тогда выражались, Алымова измѣняла «большому двору» въ пользу «двора малаго».

Еще когда Алымова была въ Смольномъ, ее очень любила великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга великаго князя Павла Петровича. Наталья Алексѣевна часто ѣздила въ монастырь. Съ Алымовой она занималась музыкой, дружескою бесѣдою и вообще оказывала ей замѣтное предпочтеніе. Великая княгиня обѣщала взять Алымову къ себѣ въ качествѣ друга. Будучи уже больною, Наталья Алексѣевна присылала ей записочки съ графомъ Разумовскимъ, букеты и вообще относилась къ ней самымъ дружественнымъ образомъ.

Но хотя Наталья Алексѣевна умерла, Алымова поступила однако во дворецъ ея супруга, великаго князя, фрейлиной къ замѣнившей Наталью Алексѣевну новой супругѣ великаго князя, Марьѣ Федоровнѣ.

Когда великій князь поѣхалъ въ Берлинъ, чтобы встрѣтить свою невѣсту, Алымова въ числѣ прочихъ назначена была въ

церемониаль этой встрѣчи, какъ состоящая въ штатѣ великой княгини.

Въ Мемелѣ ихъ представили невѣстѣ цесаревича. Великая княжна любезно замѣтила, что великій князь «особенно бранилъ» ее, Алымову. Марья Федоровна была всю дорогу любезна съ Алымовой и предпочитала ее даже женѣ фельдмаршала Румянцева.

Алымову вскорѣ назначили въ компаньонки къ великой княгинѣ, которой она должна была читать, присутствовать при ея урокахъ въ русскомъ языкѣ, сопровождать на балы, въ концерты, ко двору, въ церковь, на прогулки и пр.

Но великая княгиня будто-бы скоро стала ревновать ее къ своему супругу.

«Она постоянно стала охладѣвать - - пишетъ Ржевская - - стала сдержанна; потому начала холодно обращаться со мной! Къ великому удивленію моему я узнала, что ревность была причиной этой перемены.»

Боясь неудовольствій, Алымова предостерегала великаго князя по этому случаю, и все напрасно.

«Когда я его предостерегала, онъ отвѣчалъ, что ему надѣли всѣ сплетни, что онъ знаетъ ихъ не хочетъ, и попрежнему былъ ко мнѣ внимателенъ. Это продолжалось до моего замужества. Я надѣялась, что свадьба моя положитъ конецъ этому ухаживанью. Ни чуть не бывало: оно еще усилилось.»

Въ Алымову всѣ влюбляются — и старикъ Бецкій, и великій князь — это-то и подрываетъ вѣру въ искренность ея признаній, и мы позволяемъ себѣ вновь сомнѣваться въ этой искренности.

«Между нами завязалась дружба», говоритъ она далѣе, и въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: «дружба наша была самаго невиннаго свойства; между тѣмъ милость обходилась мнѣ весьма дорого, причиняя мнѣ много неприятностей.»

Великій князь и великая княгиня по просту ѣздили къ ней, часто у нея завтракали, обѣдали, что для Ржевской казалось очень разорительнымъ.

«Великій князь такъ привыкъ ко мнѣ - - продолжаетъ она свои признанія - - и такъ мнѣ вѣрилъ, что даже когда былъ мною недоволенъ, не переставалъ оказывать мнѣ уваженіе. Не хвастаясь, могу сказать, что я удерживала его въ предѣлахъ долга въ отношеніи къ его супругѣ, восхваляя ея достоинства. Не такъ дѣйствовала Нелидова, когда она попала въ милость...»

Вотъ гдѣ разгадка всего — Нелидова ея соперница; но объ ней мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Десять лѣтъ продолжалась дружба великаго князя со Ржевской.

«Мнѣ нужно было съѣздить въ Москву. Во время моего отсутствія, продолжавшагося два года, великій князь привязался къ Нелидовой.»

«*Inde itae*», какъ говорили римляне.

Впрочемъ, когда Ржевская воротилась изъ Москвы, Павелъ Петровичъ очень ей обрадовался; но она не понравилась госпожѣ Бенкендорфъ, любимицѣ великой княгини.

Нельзя не замѣтить, что Ржевская въ своихъ запискахъ вездѣ старается уронить Нелидову.

Случится ли у великаго князя съ супругой размолвка, и Ржевская поясняетъ:

«Причиной этого была госпожа Нелидова, овладѣвшая умомъ великаго князя. Весьма умная, она была отвратительно не хороша собой.»

Время между тѣмъ шло. У Ржевской есть уже взрослая дочь, которую тоже пожаловали во фрейлины.

Дочь выходитъ замужъ за Свистунова — и вотъ со дня этой свадьбы Ржевская окончательно разрываетъ связь съ дворомъ.

Дѣло было такимъ образомъ, какъ рассказываетъ сама Ржевская:

Павелъ Петровичъ, бывший уже императоромъ, желалъ лично присутствовать на свадьбѣ и при одѣваніи невѣсты. Свадьба должна была происходить въ Павловскѣ. Но фавориты императора Кутайсовъ и княгиня Гагарина, питая зависть къ Ржевской, были не довольны этимъ распоряженіемъ, и успѣли возбудить противъ Ржевской гнѣвъ императора.

Кутайсовъ, бывший при императорскомъ дворѣ оберъ-шталмейстеромъ, замедлилъ высылкой для Ржевскихъ въ Царское Село придворныхъ каретъ. Боясь запоздать, Ржевская и дочь сѣли въ свои кареты и поспѣшили ко двору. Но они все-таки два часа опоздали.

Разгнѣванный императоръ велѣлъ отрѣшить отъ должности мужа Ржевской, жениха ея дочери Свистунова и его отца, бывшего камергеромъ императорскаго двора.

Начался обрядъ вѣнчанія. Императоръ не выходитъ. Обезпокоенная этимъ, Ржевская спрашиваетъ Гагарину, что за причина такой медленности императора. Ей объясняютъ, что императоръ въ гнѣвѣ. Ржевская проситъ Гагарину объяснитьсь съ государемъ; но та отвѣчаетъ, что она не смѣетъ рѣшиться на это, а отправляетъ къ императору записку, написанную карандашомъ тамъ же въ церкви. Павелъ приказалъ сказать Ржевской, что проситъ ихъ послѣ вѣнца къ себѣ въ кабинетъ.

«Такой милости онъ доселѣ никому не оказывалъ», прибавляетъ Ржевская.

Но съ того дня она удалится отъ двора, считая свое положеніе въ немъ не только щекотливымъ, но и опаснымъ.

Мужъ ея, бывший сенаторомъ, хотя и былъ отрѣшенъ отъ должности, но ему назначена была пенсія за пятьдесятъ лѣтъ.

Когда умеръ Ржевскій, вдова рѣшилась выйти замужъ вторично.

Вторымъ мужемъ она избрала себѣ француза-савойца, Ипполита Ивановича Маскле, который извѣстенъ какъ переводчикъ на французскій языкъ басень Хемницера и Крылова, а потомъ былъ русскимъ консуломъ въ Ниццѣ.

Ржевская, не сказавъ ничего о своемъ намѣреніи императрицѣ матери, Марьѣ Федоровнѣ, которая считалась ея покровительницей, просила разрѣшенія на бракъ у самого императора Александра Павловича чрезъ графа Толстого.

Императоръ, будто бы, просилъ позволенія лично пріѣхать къ Ржевской для объявленія своей воли.

— Никто не вправѣ разбирать, сообразуется ли такое замужство съ вашими лѣтами и положеніемъ въ свѣтѣ (сказалъ будто-бы государь при свиданіи съ Ржевскою). Вы имѣете полное право располагать собою, и по-моему прекрасно дѣлаете, стараясь освятить таинствомъ брака чувство, не воспрещаемое ни религіей, ни закономъ чести. Такъ должно всегда поступать, если это только возможно. Я полагаю, что одиночество вамъ въ тягость: дѣти, будучи на службѣ, не могутъ оказывать вамъ должнаго ухода. Вамъ нуженъ другъ.

Ржевская прожила до второй четверти нынѣшняго столѣтія, и умерла въ 1826-мъ году, въ Москвѣ, шестидесяти семи лѣтъ отъ роду. Похоронена она на ваганьковомъ кладбищѣ.

Портретъ, снятый съ этой женщины еще въ ея молодости, когда она была еще «Алимушкой», любимицей Екатерины Великой, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ художника Левицкаго и виситъ рядомъ съ портретомъ ея соперницы, Нелидовой, и вмѣстѣ съ портретами первыхъ «монастырокъ-смолянокъ» въ петергофскомъ дворцѣ. Въ послѣднее время портреты эти взяты, кажется,

въ Эрмитажъ. Портретъ Алымовой-Ржевской-Маскле былъ на исторической выставкѣ 1870-го года въ Петербургѣ. «Алимушка» изображена играющею на арфѣ.

Къ «Алимушкѣ» относится слѣдующее мѣсто въ посланіи Су-марокова къ смолянкамъ, игравшимъ его «геройски драмы слезны»:

Какъ Рубановская въ пристойной страсти ей
Со Алексѣевой входила во раздоры,
И жалостные взоры
Во горести своей
Ко смерти ставъ готовой,
Въ минуты лютаго часа
Съ Молчановой и Львовой
Метала въ небеса.

Арсеньева, цвѣта вѣкъ старій избираетъ,
Служанку съ живостью Алымова играетъ,
Подъ видомъ Левшиной Зайра умираетъ.

«Алимушка», значить, хорошо играетъ служанокъ.

Но перейдемъ къ ея соперницѣ Нелидовой.

XV.

Екатерина Ивановна Нелидова.

Нелидова принадлежит къ женскимъ личностямъ, составляющимъ переходъ отъ того поколѣнія русскихъ женщинъ, которыхъ создало живое движеніе общественной мысли, начавшееся съ Ломоносова, продолжавшееся при Державинѣ и на-время остановившееся съ прекращеніемъ дѣятельности Новикова и его кружка, къ тому поколѣнію, крайними представителями котораго являются госпожа Криднеръ, госпожа Татаринова и цѣлый рядъ женщинъ-мистиковъ, иногда ханжей, на цѣлое столѣтіе остановившихъ живой процессъ общественной мысли.

Нелидова принадлежит уже къ періоду времени застоя этой мысли, бессильно порывавшейся, въ отдѣльныхъ субъектахъ, освободиться отъ мистическаго кошмара и фальсификаціи шіетизма въ теченіе пятидесяти лѣтъ и окончательно освобожденной только современнымъ намъ поколѣніемъ женщинъ.

Она родилась 12 декабря 1756 года.

Слѣдовательно, первая молодость Нелидовой и лучшіе годы развитія совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда первые порывы общественнаго возбужденія, увлекшаго за собою также и лучшихъ изъ русскихъ женщинъ, стали вновь уступать мѣсто общественной апатіи и нравственной распушенности.

Притомъ же самое воспитаніе Нелидовой, равно и слѣдовавшихъ за нею трехъ поколѣній русскихъ женщинъ, принадлежало уже не самому обществу, а смольному монастырю, основанному въ 1764 году и ставшему, до извѣстной степени, вмѣстѣ съ другими открытыми впоследствии институтами, регуляторомъ женскаго развитія и извѣстнаго направленія русской женщины до самаго послѣдняго времени.

Двадцати лѣтъ Нелидова вышла изъ смольнаго института и тогда же, 14 іюля 1776 года, пожалована была во фрейлины къ великой княгинѣ Марьѣ Федоровнѣ, супругѣ тогдашняго наследника престола Павла Петровича.

Въ петергофскомъ дворцѣ до настоящаго времени сохраняются портреты нѣкоторыхъ смольнянокъ прошлаго вѣка, и въ числѣ этихъ портретовъ обращаетъ на себя вниманіе портретъ молоденькой Нелидовой.

Портретъ рисованъ съ нея, когда она была еще въ институтѣ, въ 1773 году, и принадлежитъ художественной кисти извѣстнаго тогдашняго живописца Левицкаго.

«Нельзя не остановиться передъ этимъ прелестнымъ произведеніемъ Левицкаго -- говорить новѣйшій біографъ Нелидовой: -- Нелидова представлена во весь ростъ. Это маленькая фигурка, вовсе не красивая, но съ выраженіемъ живымъ и насмѣшливымъ, съ умными, блестящими глазами и чрезвычайно лукавою улыбкою. Въ ней есть какая-то изысканность, но общее впечатлѣніе привлекательно.»

Когда Нелидова поступила во фрейлины къ великой княгинѣ, Павелъ Петровичъ жилъ тогда своимъ отдѣльнымъ дворомъ, въ Гатчинѣ.

Дворъ великаго князя представлялъ крайнюю противоположность двору его царственной матери, Екатерины Великой. Послѣдній

или «большой дворъ» отличался блескомъ и тѣмъ поражающимъ величьемъ, которое всему придавала Екатерина; вмѣстѣ съ тѣмъ дворъ этотъ не чуждъ былъ извѣстной нравственной распушенности, изнѣженности.

«Малый дворъ» отличался, сравнительно, пуританскою скромностью, умѣренностью, но въ тоже время не свободенъ былъ отъ нѣкоторой натянутости, суровой сухости и крайней дисциплины при солдатской простотѣ жизни.

Поступивъ въ «малый дворъ», Нелидова скоро усвоила себѣ его взгляды, нравственность, требованія. Мало того, какъ умная женщина, она съумѣла отчасти подчинить себѣ эти требованія, создать себѣ независимое положеніе именно тѣмъ, что поняла духъ того кружка, въ который попала, и ловко приноровилась къ людямъ.

Она скоро вошла въ довѣріе великаго князя и его супруги: восторженность и рыцарскій духъ перваго находили въ Нелидовой сочувственный отзывъ, задушевность и беззавѣтную преданность идеямъ и правиламъ великаго князя; доброта и сердечность послѣдней — находили въ Нелидовой такой же отзывъ и такое же пониманіе.

Ближе всего можно опредѣлить Нелидову, сказавъ, что это была ловкая женщина.

Великаго князя она возвышала въ его собственномъ мнѣніи. Она, въ минуты восторженности, завѣряла его, что онъ будетъ образцовымъ государемъ, если только не измѣнится и будетъ дѣйствовать согласно своимъ чувствамъ, по самой природѣ—какъ она искусно доказывала—высокимъ и рыцарскимъ.

Порывистость и вспыльчивость Павла она умѣла обезоруживать шуткой, остроумной выходкой, даже иногда рѣзкостью, которая озадачивала его своею неожиданностью и смиряла: на брань Павла она нерѣдко отвѣчала бранью.

Но она же была и душой «малаго двора». Она умѣла быть и неподражаемой хохотуньей, неподражаемо играла на дворцовыхъ спектакляхъ, неподражаемо танцевала.

Ей только стоило появиться въ Гатчинѣ, гдѣ пребывалъ «малый дворъ» вдали отъ столичнаго шума, чтобъ потомъ безъ нея не могли уже обойтись, потому что безъ нея всё скучали, безъ нея чего-то не доставало.

Своей ловкостью, своимъ характеромъ, живостью, находчивостью, тактомъ она что-называется обошла великаго князя, околдовала.

Она также околдовала и великую княгиню Марью Федоровну, которая вѣрила ей, не тяготилась ея присутствіемъ при мужѣ, не ревновала.

Между тѣмъ петербургское общество и «большой дворъ» говорили не въ пользу чистоты отношеній Нелидовой къ «малому двору», и быть можетъ ошибались, преувеличивали. Какъ бы то ни было, на отношенія Павла къ его «приятельницѣ», какъ обыкновенно называли Нелидову, смотрѣли недоувѣрливо, двусмысленно, потому что все, что дѣлалось и говорилось въ «маломъ дворѣ», до мелочныхъ подробностей передавалось «большому двору».

Павель это зналъ, и увѣренный въ чистотѣ своихъ отношеній къ фрейлинѣ своей сурруги, съ свойственной ему рыцарской гордостью не обращалъ вниманія на дворцовые и герцогскіе толки.

Махо того, отправляясь, въ 1788 году, въ Финляндію, на войну со шведами, великій князь пишетъ матери особое письмо, въ которомъ опровергаетъ клевету относительно близости къ нему Нелидовой и заявляетъ о чистотѣ побужденій, соединяющихъ его съ этою дѣвушкой, а въ доказательство дружбы къ ней и серьезнаго расположенія поручаетъ ее великодушію императрицы, на случай, если онъ погибнетъ въ предстоящемъ ему походѣ на непріятеля.

Все это еще болѣе рисуетъ рыцарскія правила Павла, правила, хранителемъ которыхъ онъ считалъ себя всю жизнь.

Время между тѣмъ идетъ. Нелидова живетъ при маломъ дворѣ уже четырнадцать лѣтъ — постоянство дружбы съ обѣихъ сторонъ дѣйствительно замѣчательное.

1-го ноября 1790-го года шведскій посланникъ Стендингъ, между прочимъ, пишетъ своему королю, Густаву III:

«Великая княгиня, сколько видно, занимается исключительно воспитаніемъ дѣтей своихъ, и ей пріятно, когда заведешь рѣчь объ этомъ. Она всегда очень ухаживаетъ за великимъ княземъ, а онъ повидимому обращается съ ней довольно холодно.»

Вотъ единственная тѣнь на Нелидову.

Но вотъ для Нелидовой проходитъ уже первая молодость: ей тридцать шесть лѣтъ. Прочность ея при дворѣ стала чѣмъ-то установившимся, обычнымъ, безъ чего быть не должно. Она сознаетъ свою силу, но не злоупотребляетъ ею, хотя подчасъ рѣзка, раздражительна, не въ мѣру колка.

О непостижимой дружбѣ ея съ великимъ княземъ говорить весь свѣтъ. Французскій «Мониторъ» даже печатаетъ о ходячихъ въ Петербургѣ на этотъ счетъ толкахъ.

Не извѣстно, печатные ли толки о предметѣ, ни для кого не бывшемъ новостью, или обидное извращеніе истиннаго смысла отношеній, существовавшихъ между великимъ княземъ и Нелидовой, или, наконецъ, какая-либо случайная размолвка, или вспышка прорвалась въ этихъ отношеніяхъ, только въ іюнь 1792 года Нелидова почему-то рѣшается порвать шестнадцатилѣтнюю дружескую связь съ будущимъ повелителемъ Россіи и удалиться въ Смольный монастырь.

Тайно отъ великаго князя она относится къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ чрезъ графа Безбородко и ходатайствуетъ у

нея о дозволеніи возвратиться въ «общество благородныхъ дѣвицъ»; при-этомъ, по понятнымъ побужденіямъ, присовокупляетъ, что возвращается въ это убѣжище «съ сердцемъ, столько же чистымъ, съ какимъ она его оставила».

Хотя просьба оставлена была безъ послѣдствій, однако посягательство со стороны Нелидовой разорвать шестнадцатилѣтнюю дружбу съ высокимъ другомъ своимъ глубоко поражаетъ Павла.

Это можно видѣть отчасти изъ писемъ къ нему князя Куракина, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ великаго князя: онъ былъ близкій членъ его интимнаго кружка.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ князь Куракинъ 28 іюля 1792 года изъ своего саратовскаго имѣнія:

«Новость, которую вы изволите сообщать мнѣ, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша пріятельница, послѣ столькихъ опытовъ вашей дружбы и вашей довѣренности, дозволила себѣ и возымѣла намѣреніе васъ покинуть? И какъ могла она при-этомъ рѣшиться на представленіе письма императрицѣ безъ вашего вѣдома? Мнѣ знакомы ея ужъ и чувствительность, и чѣмъ болѣе я о томъ думаю, тѣмъ непонятнѣе для меня причины, столь внезапно побудившія ее къ тому. Во всякомъ случаѣ я радъ, что дѣло не состоялось и что вы не испытали неудовольствія лишиться общества, къ коему вы привыкли. Чувствую, что вамъ тяжело было бы устроить образъ жизни на новый ладъ, и вполнѣ представляю себѣ, какъ въ первыя минуты этотъ неожиданный поступокъ долженъ былъ огорчительно подѣйствовать на васъ.»

Въ письмѣ отъ 7 октября 1792 года Куракинъ, между прочимъ, говорить:

«Я всегда разумѣлъ васъ, какъ слѣдуетъ, мой дорогой повелитель, всегда цѣнилъ значеніе и свойство того чувства, которое при-

влекаетъ васъ къ нашей пріятельницѣ; знаю, какъ много своимъ характеромъ и прелестью ума своего содѣйствуетъ она настоящему вашему благополучію, и поэтому желаю искренно, чтобы ваша дружба и довѣренность къ ней продолжались. Пчела, собирая медъ для улья своего, не садится на одинъ только цвѣтокъ, но всегда ищетъ цвѣтка, въ которомъ меду болѣе. Такъ поступаютъ пчелы. Не такъ же ли должны дѣйствовать и существа, одаренныя разумніемъ, чувствительностію, съ истиннымъ достоинствомъ способныя направлять свои желанія и поступки къ лучшему и къ тому, что ихъ удовлетворяетъ и наиболѣе имъ приличествуетъ.»

Тутъ уже не одинъ «характеръ» и не одна «прелесть ума» сдѣлали Павла нравственно зависимымъ отъ очаровавшей его когда-то молоденькой и веселенькой хохотуньи: тутъ уже предъявляла свои права шестнадцатилѣтняя привычка; это такая сила, противъ которой бороться было не легко.

Но Павелъ побѣдилъ упорнаго своего друга: Нелидова осталась у него на глазахъ и «устраивать жизнь на новый ладъ», какъ выражался Куракинъ, надобности не предстояло.

Но покой Павла былъ не надолго восстановленъ: новое огорченіе готовила ему Нелидова, и огорченіе болѣе чувствительное.

Черезъ годъ она вновь просится въ монастырь, и на этотъ разъ уже рѣшеніе ея твердо.

Дворъ Павла опустѣлъ—такъ казалось его кружку.

Неизвѣстно, тосковала ли Нелидова по своей прежней жизни; поддерживала ли сношенія, хоть тайныя, съ гатчинскимъ дворомъ; какъ жила она въ монастырѣ — объ этомъ періодѣ ея временнаго отшельничества ничего повидимому не сохранилось.

Такъ она жила три года вдали отъ двора великаго князя.

Но въ ноябрѣ 1796 года ударъ поражаетъ Екатерину.

На престолъ вступаетъ Павелъ Петровичъ.

Что же Нелидова?

Она не осталась въ монастырѣ. Монастырь она смѣнила на роскошное помѣщеніе въ зимнемъ дворцѣ, куда перешелъ царственный другъ ея.

Въ день коронаванія новаго императора Нелидова является уже камеръ-фрейлиной. Ей жалуются великолѣпный портретъ императрицы, усыпанный брильянтами.

Нелидова создаетъ собою новый видъ временщика: она воскрешаетъ въ себѣ начало XVIII столѣтія.

Нелидова — это Биронъ въ юпкѣ, только Биронъ добрый, безъ кровавадныхъ и хищническихъ инстинктовъ.

Осмынадцать мѣсяцевъ вліяніе ея на императора и на ходъ дѣлъ неотразимо. Она — средоточіе кружка, правящаго судьбами Россіи. Въ ея роскошномъ кабинетѣ — центръ государственнаго тяготѣнія; въ этомъ кабинетѣ нерѣдко проводитъ время императоръ; въ кабинетѣ часто собирается весь кружокъ, содѣйствовавшій императору въ управленіи русскою землею — князя Куракины, извѣстный писатель и докладчикъ Павла Юрій Нелединскій-Мелецкій, графъ Буксгевденъ, Нелидовъ, Плещеевъ.

Но дѣвица-временщикъ не злоупотребляетъ своей силой подобно Бирону, Лестоку, Меншикову: она пользуется своимъ вліяніемъ на дѣла умѣренно, благоразумно; она по-возможности на добро направляетъ горячее безволіе императора, вездѣ, гдѣ хватаетъ ея силы; она спасаетъ невинныхъ отъ неровнаго и часто не въ мѣру страстнаго гнѣва императора.

Мало того, сила ея такъ велика, что она является даже покровительницей по отношенію къ своей императрицѣ Марьѣ Федоровнѣ.

Нелидова своимъ заступничествомъ спасаетъ орденъ великомученика Георгія отъ уничтоженія, задуманнаго-было Павломъ въ

силу того, что орденъ этотъ учрежденъ былъ его матерью, къ которой онъ питалъ горькое чувство.

Передъ Нелидовой все преклоняется, все льститъ ей, лишь бы ловкая лестъ нашла доступъ до государя.

Ей уже за сорокъ лѣтъ, а она еще охотно танцуетъ, потому что льстецы клянутся ей, что она танцуетъ восхитительно.

Она любитъ зеленый цвѣтъ — и придворные пѣвчіе одѣты въ зеленое. Послѣ уже, когда Нелидова отходить на второй планъ, пѣвчіе передѣваются во все бланжевое, потому что княгиня Гагарина любитъ бланжевый цвѣтъ.

Нелидова знаетъ свою силу, потому что знаетъ силу привычки Павла: она даже не отвѣчаетъ на его слова, не говоритъ иногда съ нимъ ни слова — и онъ прощаетъ ее, не сердится на нее. Она въ неудовольствіи «кидаетъ черезъ его голову башмакъ» — и Павелъ, не знавшій сдержки, не уничтожаетъ однако ее своимъ гнѣвомъ, а снисходитъ къ ней, какъ къ любимому и избалованному ребенку.

Можетъ статься, императоръ цѣнилъ въ ней и ея образцовое безкорыстіе, чѣмъ и измѣрялъ силу ея честной привязанности къ нему и къ правдѣ: богатыхъ безъ счету предлагаемыхъ ей подарковъ Нелидова не брала; щедрыя милости его отклоняла, когда могла озолотить себя и своихъ родныхъ.

Нелидова дѣйствительно имѣла искусство быть временщикомъ и не заслужить общую ненависть: это — большое искусство или большая честность.

Но и ея «время» должно же было отойти. Двадцать два года она была первою; надо же было быть и послѣднею, если не второю: тутъ середины не бываетъ.

Въ 1798-мъ году Павелъ отправился въ Москву, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Казань.

Въ Москвѣ императоръ отличаетъ своимъ вниманіемъ Анну Петровну Лопухину — и то, чѣмъ двадцать два года безраздѣльно владѣла Нелидова, онъ переноситъ на новую женщину, къ которой разомъ заговорила страсть въ императорѣ, не привышемъ къ сдержкѣ.

Онъ приглашаетъ Лопухиныхъ въ Петербургъ. Лопухины принимаютъ эту честь, какъ милость, и переселяются въ Петербургъ.

Звѣзда Нелидовой гасла.

Она сразу поняла, что время ея отошло, что двадцатидвухлѣтняя привычка безсилна противъ страсти, что ей бороться съ молодой красавицей не подъ-силу, ей уже вступившей въ пятый десятокъ своей жизни.

Какъ Цезарь, она не привыкла быть второю въ Римѣ; она не выносить того, чего не вынесъ Цезарь, — и удаляется за Рубиконъ, чтобъ ужъ никогда оттуда не возвращаться: она заключается опять въ Смольный монастырь, гдѣ она была еще дѣвочкой, гдѣ достала себѣ ту силу, которою побѣждала всѣхъ болѣе двадцати лѣтъ.

Съ нею рухнулъ и весь ея блестящій кружокъ — отъ кормила правленія отходятъ Куракины, Буксгевденъ, Нелидовъ.

Даже императрица Марія Федоровна должна была на-время отказаться отъ управленія благотворительными учрежденіями.

Для Петербурга и для двора это было дѣйствительно большое событіе.

Отъ Нелидовой остается во дворцѣ только ея тѣнь, ея память — это комнаты, долго еще называвшіяся «нелидовскими покоями». Съ 1799-го года покои эти назначены были для пребыванія въ нихъ иностранныхъ принцевъ.

Но и изъ монастырскаго уединенія Нелидова слѣдила за ходомъ совершавшихся при дворѣ дѣлъ, которыя не предвѣщали по-видимому ничего хорошаго.

Императрица не оставляла ее въ этомъ уединеніи: всякій разъ, когда она бывала въ Смольномъ, она навѣщала бывшую любимицу своего супруга и передавала ей и свою скорбь о томъ, что тревожило ее въ угрожающемъ ходѣ дѣлъ, и свои вполне основательныя опасенія за будущее.

Часто навѣщаль ее и петербургскій полиціймейстеръ Антонъ Михайловичъ Рачинскій, сестра котораго была въ замужствѣ за братомъ Нелидовой, Александромъ. Рачинскій считалъ какъ-бы своею обязанностью докладывать Нелидовой о томъ, что дѣлалось и подготовлялось въ Петербургѣ, подобно тому, какъ онъ суточными рапортами докладывалъ государю о состояніи Петербурга. Рачинскій, говоря, намекалъ государю, что не все обстоитъ благополучно, что готовится что-то недоброе; но государь не повѣрилъ и обратилъ свой гнѣвъ на Рачинскаго, приказавъ ему оставить Петербургъ.

Не переставая слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось при дворѣ, Нелидова узнала тревожную вѣсть, будто Павелъ, по навѣтамъ клеветовъ, вознамѣрился сослать императрицу въ Холмогоры, а великихъ князей, сыновей своихъ, заточить одного въ петербургскую, другаго въ шлиссельбургскую крѣпость.

Нелидова, по праву старой дружбы, пишетъ государю, просить его отложить свое намѣреніе. Мало того, она предувѣдомляетъ его о тревожныхъ слухахъ.

На это письмо Павелъ отвѣчаетъ ей приказомъ немедленно оставить Петербургъ.

Нелидова переселяется въ замокъ Лоде, близъ Ревеля.

Тамъ уже до нея доходятъ слухи о внезапной кончинѣ Павла и о вступленіи на престолъ новаго государя, Александра Павловича.

Хотя намѣреніе относительно ссылки императрицы въ Холмогоры и о заключеніи великихъ князей въ крѣпость покойный императоръ

отложила, конечно, не вследствие письма къ нему Нелидовой, однако государыня не забыла этого заступничества за нее своей камеръ-фрейлины и стала оказывать ей еще большее расположеніе.

Онѣ видѣлись почти ежедневно, и вдовствующая государыня такъ привязалась къ этой женщинѣ, бывшей когда-то душею ихъ дома, что даже въ 1817-мъ году, уѣзжая въ Москву, пригласила ее съ собой.

Наконецъ скончалась и Марія Федоровна, въ 1828-мъ году. У Нелидовой никого почти не осталось отъ того времени, когда она была первенствующимъ лицомъ въ государствѣ.

Ее стали забывать. Гостиная ея пустѣла. Она сама уже смотрѣла ветхой старушкой.

Отъ прежняго величія у нея оставались только, въ ея полномъ распоряженіи, придворная карета и камеръ-лакей.

Но и это у нея какимъ-то образомъ было отнято.

Однажды Нелидова собралась куда-то выѣхать и приказала подать карету. Ей доложили, что ни кареты, ни камеръ-лакея у нея больше нѣтъ.

Уязвленная въ своемъ самолюбіи, гордая старушка тотчасъ же пишетъ государю письмо, въ которомъ проситъ одолжить ей придворную карету на нѣсколько дней, пока она не купитъ себѣ новую.

Ловкій маневръ старой придворной особы былъ хорошо понятъ Николаемъ Павловичемъ.

Черезъ нѣсколько дней государь ѣдетъ въ Смольный. Осмотрѣвши, по обыкновенію, заведеніе и выходя изъ института, Николай Павловичъ направляется не къ выходной парадной двери, а по коридору въ отдѣльныя помѣщенія института.

Свита и институтское начальство въ недоумѣніи, перешептываются между собою, и наконецъ докладываютъ государю, что выходное крыльцо не тутъ, что быть можетъ его величество по разсѣянности идетъ не обычнымъ выходомъ.

Николай Павлович отвѣчаетъ, что онъ самъ знаетъ расположе-
женіе института и его парадный выходъ, и продолжаетъ идти по
тому же коридору.

Оказалось, что онъ направлялся въ помещеніе Нелидовой.

При этомъ свиданьи государь объявилъ обрадованной старушкѣ,
что онъ никому не приказывалъ отнимать у нея то, что ей было
прежде пожаловано.

И вотъ, послѣ этого визита гостиная старушки снова напо-
ляется посѣтителеми; старушка опять выростаетъ въ глазахъ обще-
ства; ей льстятъ; передъ нею унижаются.

Но Нелидова уже развалина. Больше осьмидесяти лѣтъ она
живетъ на свѣтѣ, до самой могилы изощряетъ свой колкій языкъ
надъ придворными, заслуживающими ея беспощадной кары, и про-
должаетъ привлекать толпы аристократіи плѣнительностью своей
бесѣды, своего обхожденія, рассказами о старинѣ.

Это былъ «кумиръ поверженный», «храмъ покинутый...»

Она умерла, наконецъ, въ 1839-мъ году, 2-го генваря, ось-
мидесяти двухъ лѣтъ отъ-роду, захвативъ своею жизнью два сто-
лѣтія и переживъ много великихъ событій.

Въ могилу съ собой она унесла тайну своихъ отношеній къ
бывшему императору Павлу: тайна такъ и осталась тайной,
хотя враги Нелидовой и силились разоблачить ее, какъ это
дѣлала предшественница этой женщины, Глафира Ржевская-
Алымова, въ своей любопытной, но повидимому нѣсколько при-
страстной автобіографіи.

Въ этомъ отношеніи Нелидова была больше, чѣмъ скромна, —
она была нѣма, и такъ и умерла загадкой.

Современныя о ней свѣдѣнія большею частью говорятъ въ ея
пользу: это была честная и безкорыстная женщина, которая, при
своемъ положеніи, могла сдѣлать больше зла, чѣмъ добра; но нер-

ваго она не дѣлала, а для дѣланія послѣдняго она не выросла — ее не научили ни жизнь, ни воспитаніе, ни вся ея обстановка.

Закулисной стороны жизни она не знала; она знала только закулисную сторону дворца: темное издали не казалось ей темнымъ, потому что она смотрѣла на него изъ своего свѣтлаго, придворнаго далека. Ей только льстили; ей поклонялись; въ ней искали.

Съ нею переписываются самые сильные люди ея времени — и вся переписка ихъ вертится на фразакъ, на поклонахъ, на перекрестномъ огнѣ шутокъ, а иногда и на милыхъ, деликатныхъ, блестящихъ, но все-же не совсѣмъ безгрѣшныхъ сплетняхъ и пересудахъ.

Извѣстный вельможа и приближенный императора Павла Юрій Нелединскій-Мелецкій, лицо не безызвѣстное и въ исторіи русской литературы, какъ писатель временнаго умственнаго застоя, слѣдовавшаго за Новиковымъ, пишетъ Нелидовой остроумныя, но такія пустыя, безсодержательныя письма, которыя ясно обнаруживаютъ, что уровень общественной мысли и общественныхъ интересовъ дѣйствительно понижается на-время.

3-го марта 1800-го года Юрій Нелединскій-Мелецкій пишетъ ей между прочимъ:

«Ничто до васъ относящееся мною не забыто — судите сами. Ни Марфа, ни Алексаша (горничныя Нелидовой) уже не при васъ; послѣдняя замужемъ, а вмѣсто нея ваши волосы убираетъ горничная дѣвицы Львовой. Изъ мужчинъ у васъ все тотъ же Василій. Жакъ здоровъ и продолжаетъ поѣдать пудру, когда вы за вашимъ туалетомъ. У васъ уже нѣтъ болѣе птички-ряполова, названнаго въ мою честь Юркою.»

Ряполовъ-Юрка — это Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Вотъ на чемъ вертятся письма двухъ такихъ личностей времени застоя, какъ Нелидова и одно изъ литературныхъ свѣтилъ той эпохи.

А между тѣмъ и Нелидова была свѣтиломъ эпохи.

Екатерина Великая, находившая время, при своихъ много-
сложныхъ трудахъ, переписываться съ институтками Смольнаго
монастыря, какъ съ Левшиной, Алымовой и другими, въ одномъ
письмѣ къ первой замѣчаетъ о молоденькой тогда, «выпускной»
Нелидовой:

«Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой есть феноменъ,
который я наблюдать буду очень пристально, въ то мгновенье,
когда всего меньше ожидаютъ, и сіе можетъ случиться скоро...»

Сильно постарѣвшій Сумароковъ пишетъ въ честь Нелидовой
и другихъ институтокъ вирши, въ благодарную отместку за то, что
дѣвочки играютъ на сценѣ его стихокланья, торжественныя, на-
пудренныя трагедіи:

А вы,
И всѣ товарищи во воспитаньи ваши,
Живущи на брегахъ Невы,
Заслуживаете къ себѣ почтенья наши,
Явите и другимъ,
Своимъ сестрамъ драгимъ,
Нелидова, Барцова,
Письмо безъ лестна слова!
Свидѣтельствуйте имъ: кому пріятна честь,
Не станеть никому стихи тотъ ложью плестъ;
Безчестенъ авторъ той, кто чтить и съеть лестъ.
Свидѣтельствуйте то сестрамъ своимъ любовнымъ
И прильпившимся къ геройскимъ драмамъ слезнымъ,
Играющимъ въ трагедіи моеи,
Хотя мнѣ видѣти того не удалося.
Со Ипокреною ихъ дѣйствіе лилося:
Какъ Рубановская въ пристойной страсти ей
Со Алексѣевой входила во раздоры,
И жалостные взоры,
Во горести своей
Ко смерти ставъ готовой,

Въ минуты лютаго часа,
Съ Молчановой и Львовой
Метала въ небеса.
Арсеньева, цвѣтя, вѣкъ старый избираетъ,
Служанку съ живостью Алымова играетъ,
Подъ видомъ Левшиной Заира умираетъ» и т. д.

Можно сказать, что всѣ эти женщины, поименованныя въ посланіи Сумарокова, хотя и вступаютъ въ жизнь еще въ періодъ усиленнаго подъема общественной мысли, тѣмъ неменѣе одной ногой стоятъ уже за той чертой, за которой начинается продолжительный застой этой мысли.

Дашкову — президента академіи наукъ смѣняютъ такія женщины, какъ Глафира Ржевская и Нелидова, которыхъ міровоззрѣніе ограничивается однимъ дворомъ; Ржевскую и Нелидову смѣняютъ Татаринова и Криднеръ, которые считаютъ себя пророчицами; слѣдующія за ними русскія женщины бросаются въ католичество и т. д.

५१/५१
५१